

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1978, март — апрель

В номере:

Язык произведений В. И. Ленина

- Л. А. Комиссаров. Ленинские заглавия: простота, точность, выразительность 3
- Е. Д. Шевлякова. Об использовании Лениным фразеологизмов 8
-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Устное народное творчество и Лев Толстой*
- Л. А. Гладышева. «Гладко вписано в бумагу...» 12
- Литературная страница*
- Басни и сказка Льва Николаевича Толстого 17
- Язык писателей-декабристов*
- Н. С. Авилова. Лексика поэзии А. И. Одоевского 21
- В. К. Харченко. Изобразительные средства в прозе А. А. Бестужева-Марлинского 27
-

Поэзия

- В. М. Панькин, А. М. Филиппов. Слова-символы в русской поэзии 33
- М. А. Бакина. Словотворчество Н. Асеева 40
- Н. Н. Иванова. О традиции в современной поэзии 45
-

Стилистика

- С. А. Пугач. Оживление внутренней формы слова 52
- В. А. Маринчак. «Самовитое слово» В. Хлебникова 58
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

- А. В. Суперанская. Веверлей и история его имени (о написании иноязычных собственных имен) 64
- В. Г. Костомаров. Кинофестиваль в Канне или в Каннах? 71

К. С. Горбачевич. Какого рода <i>цунами</i> ?	75
Г. И. Герасимов. Снежно-белый, изумрудно-зеленый	79
Н. А. Джафарова. Беспрерывный — непрерывный, беспрестанный — непрестанный	85
Л. А. Шкатова. О названиях профессий	89
Е. М. Поспелов. Масштаб и масштабный	94

ШКОЛА

Г. С. Бояринцева. «Герой нашего времени» (язы- ковые контрасты)	96
И. К. Кременская. Роль плана в сочинении	102

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

О. А. Пылакина. Партия	114
А. У. Уруслов. Хотон	116
И. Г. Добродомов. <i>Дуван</i> и <i>диван</i>	121
В. М. Мокиенко. Куда кривая выведет	123

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Б. И. Осипов. Как ставили знаки препинания в Древней Руси	127
--	-----

СРЕДИ КНИГ

В. Ф. Харпалева. <i>Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве»</i> . Историко-литературный очерк	131
--	-----

РУССКИЕ ГОВОРЫ

О. Д. Кузнецова. Заповедные говоры Пинежья	134
--	-----

ХРОНИКА

Н. А. Ревенская. Первый юбилей	110
С. Е. Морозова. Открытие музея А. А. Потебни	139

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (про- должение)	145
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Бейка	118
О правописании названий типа <i>Москва-товарная</i>	142
Обзор писем читателей; Слово читателю	148

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

62, 158

На обложке: Ленинский мемориал в Ульяновске.

Рисунок Б. Захарова

При перепечатке

ссылка на журнал «Русская речь»

обязательна

ЛЕНИНСКИЕ ЗАГЛАВИЯ: ПРОСТОТА, ТОЧНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

Заглавие — необходимый элемент любого произведения, его составная часть. Оно помогает читателю понять основную идею произведения, замысел автора. В публицистике заголовок принадлежит особая роль, он призван прежде всего усиливать идеологическое, эмоциональное воздействие на читателя.

В. И. Ленин придавал очень серьезное значение названиям своих работ, стремясь к тому, чтобы заголовок был органически связан с текстом, неразрывно входил в ткань того или иного произведения, вытекал непосредственно из затрагиваемой проблематики.

Так, работая над статьей М. С. Ольминского «Задачи дня», он отметил ее недостатки, касающиеся разработки темы, и, придавая особое значение заглавию как центру тяжести статьи, писал: «Тема не выдержана и основная мысль теряется. Одно из двух: либо тема — вздор Аксельрода и новоискровцев — тогда заглавие и построение должны быть иные. Либо — „нечто о листках“, „местное издательство“ (и такое заглавие определило бы центр тяжести статьи). Задача дня — вносит неверную ноту в изложение темы» (Сб. «Ленин — журналист и редактор». М., 1960, с. 159).

В ленинском публицистическом наследии огромное разнообразие заглавий, различных по своему характеру, типу, структуре, но

всем им свойственны прежде всего точность, выразительность.

Владимир Ильич стремился к тому, чтобы заголовок был не только точным, но и сочетал в себе простоту и лаконичность, яркость и оригинальность. И заголовки эти выполняют самые различные функции, определяющиеся публицистической направленностью материала, содержанием статьи или произведения, требованиями политической ситуации.

Так, многие заголовки выполняют собственно назывную функцию, выделяя определенное явление в ряду других: «Армия и народ», «Банки и министры», «Вооружения и капитализм», «Вторая Дума и задачи пролетариата». Эти заголовки прямо называют то, о чем будет идти речь в произведении, без какой-либо эмоциональной окраски. Многим свойствен информативный оттенок, они уже в известной степени раскрывают содержание произведения, показывают отношение автора к описываемым событиям. Например: «Главная задача наших дней», «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе», «Рабочая партия и крестьянство».

Ярко оценочную функцию в качестве заголовков выполняют фразы, взятые непосредственно из текста: «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)», «Сердитое бессилие». Они иносказательно, а иногда и прямо оценивают те или иные факты, события.

Характерно, что большинство заголовков ленинских работ выполняют функцию убеждения. Это — лозунги, направляющие внимание читателя на самое существенное, самое главное. Они призывают, предупреждают: «Большевики должны взять власть», «Готовится новый государственный переворот!», «На помощь раненому красноармейцу!».

В ленинских заголовках глубина мысли, сила философского убеждения гармонично сочетаются с гибкостью языковых форм, богатством красок, оригинальностью. В них с особой яркостью проявляется умение облечь сложнейшие философские или социально-политические проблемы в точный и выразительный заголовок. В 1905 году Ленин написал статью, которую озаглавил: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». Вдумаемся: *буржуазия крадется...* Почему именно *крадется*? Почему Владимир Ильич не употребил в заголовке слово с несколько иной лексико-семантической окраской, скажем, *добивается, рвет-*

ся, домогается или, наконец, стремится? Сложность политической ситуации в тот период доказывает исключительную точность ленинского заголовка. Буржуазия была очень осторожна в своих действиях, нуждаясь в поддержке народа для осуществления своих замыслов. Но вместе с тем, она боялась народа, проявляла крайнюю нерешительность. В. И. Ленин говорит в статье по этому поводу:

«Сегодня — она у царя и просит у него, от имени „народа“, монархической конституции, трусливо отрекаясь в то же время от народа, от „смуты“, от „крамолы“, от революции. Завтра — она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 11, с. 156).

Тщательность отбора слов и его мотивированность в ленинских заголовках можно иллюстрировать еще многими примерами. Так, написав работу о положении в Государственной думе, в частности о позиции меньшевиков, Ленин назвал статью «Думская „семерка“», и объяснение мы находим в тексте:

«Крики семерки о единстве напоминают известный анекдот: семеро хотят „объединиться“ с шестью, как человек „объединяется“ с куском хлеба. Он его *съедает*.

Семеро беспартийных хотят съесть шестерку марксистов и требуют, чтобы это названо было „единством“» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, с. 85).

Выступая против ликвидаторов в связи с вопросами о тактике партии в период избирательной кампании в IV Государственную думу, Ленин озаглавил свою статью «Карты на стол». Эта работа явилась откликом на статью Мартова с таким же названием, напечатанную в газете «Живое Слово». Показывая, как на самом деле «раскрывают свои карты» меньшевики, Ленин писал:

«Карты прячут, ибо малейшая попытка раскрыть их перед рабочими покажет им яснее ясного, что тут не о рабочей партии идет речь...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 21, с. 189).

Объяснение заголовка в тексте мы найдем во многих ленинских работах. Раскрывая политическую ситуацию в стране и политику правительства Керенского, Ленин упоминает статью в «Речи», написанную по поводу братания солдат на фронте, в которой буржуазный публицист риторически восклицал: «Неужели без Наполеона нельзя обойтись?» (имелось в виду установление жесткой дикта-

туры в войсках). Ленинская же статья-отклик получила название: «Ищут Наполеона». В контексте статьи «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» мы находим прямое объяснение заголовка: «Над собой смеетесь, господа эсеры и меньшевики! Над своей собственной политикой доверия к капиталистам и к правительству капиталистов!» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 32, с. 260)

В заголовке «Горемычники, октябристы и кадеты» очень удачно ассоциируется внутренний смысл слова *горемычники* с обобщающим значением определенной группы людей. Следует иметь в виду, что именно так В. И. Ленин называл представителей реакционно бюрократических помещичьих кругов царской России во главе с председателем совета министров И. Л. Горемыкиным.

Придавая заголовку должную выразительность, Владимир Ильич активно использовал самые различные литературные приемы, часто прибегал к сравнению, антитезе, например: «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?», «Планы министра-клоуна». Нередко в ленинских названиях встречается метафоризация: «Басня буржуазной печати об исключении Горького», «Люди с того света»; перифраза: «Третьеиюньские зубы за немедленное наступление»; вопросительные предложения: «Чего мы добиваемся? (К партии)», «Как добиться мира?», «Как и почему крестьян обманули?», «Можно ли запугать рабочий класс „якобинством“?».

Многие заглавия работ В. И. Ленина заставляют нас вспомнить классическое литературное наследие Чернышевского, Грибоедова, Тургенева, Крылова и многих других писателей, общественных деятелей. Статьи под названием «Накануне» Владимир Ильич писал дважды — в 1906 и 1917 годах. Всемирную известность получила его работа «Что делать?».

В своих заголовках Ленин широко использовал фразеологизмы, пословицы, поговорки: «О лице и курятнике», «С большой головы на здоровую», «Соломинка в чужом глазу», «Журавль в небе или синица в руки», «Соловья баснями не кормят».

Чаще всего В. И. Ленин ставил к своим сочинениям полемически заостренные заголовки, концентрируя в них основную идею произведения, но нередко для усиления эмоциональной выразительности, привлечения большего внимания Владимир Ильич использовал лексические средства языка. К этому типу, на наш взгляд, можно отнести

заголовок ленинской статьи «Бумажные резолюции». Его смысл раскрывается непосредственно в тексте, где говорится, что Советы рабоче-крестьянских депутатов, в которых к тому времени почти повсеместно господствовали меньшевики, уже не в силах потребовать чего-либо от временного правительства, а поэтому все их резолюции — пустой звук.

И все-таки большинство ленинских названий прямо выражают авторское отношение к различным явлениям, людям, фактам, они содержат оценочные слова: «Голод и черная Дума», «Плеханов, не знающий, чего он хочет». Чтобы усилить обличительную силу своих положений и выводов, Владимир Ильич активно использовал в заголовках прием иронии. Так, суть названия «Благодарим за откровенность» становится ясна уже из начальпой фразы статьи: «Благодарим черносотенную газету „Новое Время“ за напечатание откровенных слов...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 359).

В значительной мере прием иронии усиливают кавычки. Критикуя сообщение министра финансов о благополучном хозяйственном положении России, Ленин в статье «Наши „успехи“» показывает истинное положение дел. Доказывая, что надо бороться за политическую власть и не сводить борьбу лишь к экономическим требованиям и реформам, В. И. Ленин озаглавил статью «Борьба за власть и „борьба“ за подачки». Аналогичны этим и заголовки: «Большевизм и „разложение армии“»; «Господа буржуа о „трудовом“ земледелии». Очень удачно использованы в заголовках и антонимы: «Максимум беззащитности и минимум логики», «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов».

Точность и выразительность ленинских заглавий сделали их настолько популярными, что многие из них, как например: «Лучше меньше, да лучше», «Шаг вперед, два шага назад», «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу „коммунистических субботников“»)» и многие другие, — стали употребляться как устойчивые обороты современного русского языка.

Мастерство В. И. Ленина-публициста служит ярким примером умелого обращения со словом, творческого использования богатейшего арсенала стилистических, синтаксических и грамматических средств родного языка.

Л. А. КОМИССАРОВ

Москва

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕНИНЫМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Владимир Ильич Ленин широко использовал в своих произведениях фразеологические средства языка. При этом многие фразеологизмы подвергаются у него определенным изменениям, претерпевают необычные преобразования. Так, в ленинских работах встречается оборот *как зеницу ока*. Известно, что он имеет значение — ‘бдительно, заботливо, тщательно (беречь, хранить и т. п.)’, синоним его — фразеологизм *пуще глаза*. В языке произведений Ленина он имеет разное употребление. Например, в отчете ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 года «О внутренней и внешней политике республики» В. И. Ленин предостерегает партию и народ от опасности новых походов империалистических государств. Он говорит: «...взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду» (Полное собрание сочинений. Т. 44, с. 300). Здесь, в речи, обращенной к съезду Советов, к народу страны, Ленин употребляет фразеологизм *как зеницу ока* в прямом значении — ‘бдительно охранять,

беречь' обороноспособность нашей страны и Красной Армии.

В обращении «К населению» 5 ноября 1917 года В. И. Ленин пишет: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всё цело* вашим, общенародным достоянием» (т. 35, с. 67). В этом тексте оборот также употребляется в прямом значении — 'заботливо, тщательно беречь, хранить' (народные богатства).

В письмах к друзьям этот фразеологизм подвергается смысловым и структурным преобразованиям. Рассмотрим два примера, в которых оборот употребляется в виде *пуще зеницы ока*. Считая, что в 1902 году главная задача коммунистов состояла в подготовке ко II съезду, в частности в том, «чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов», В. И. Ленин 6 мая пишет Г. М. Кржижановскому: «Это — главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!.. Берегите себя *пуще зеницы ока* — ради „главной задачи“. Если мы (то есть *вы*) не овладеете ею, — тогда совсем беда» (т. 46, с. 185).

Другой пример. В письме В. А. Носкову фразеологизму *пуще зеницы ока* придается необычный оттенок значения: беречь человека от ошибок, от заблуждений, от чрезмерного увлечения хотя и важными, но несвоевременными делами, беречь работников партии от растраты сил не по назначению, учить их переключать внимание, энергию на самые неотложные в данный момент дела. Раскрытие лепинского понимания оборота, истолкование дополнительного оттенка дается самим автором здесь же, в тексте письма. В. А. Носков в письмах В. И. Ленину сетовал на слабую работу агентов «Искры». В ответном письме (4 августа 1902) В. И. Ленин разъясняет: «Да, но мы ведь не творим себе „человеческого материала“, а берем и не можем не брать, *что дают*. Без этого нам жить нельзя. Едет человек в Россию, — говорит, хочу для „Искры“ работать — честный и преданный делу. Ну и едет, конечно, и идет за „агента“, хотя никто из нас *никогда* сего звания не раздавал. И какие же у нас средства проверять „агентов“, руководить ими, ставить на иные места? Да мы сплошь и рядом даже писем добиться не можем, — и в 9

случаях из 10 (я говорю по опыту) все наши здешние предположения о будущей деятельности „агента” летят к черту на другой день по переезде границы, и агент работает, как ему бог на душу положит». Но русские искровцы «должны найти людей, ибо есть люди,— но надо и беречь же их пуще зеницы ока, не только в прямом смысле от полиции беречь, но и беречь для этого неотложного дела, не давать увлекаться другими, полезными вообще, но несвоевременными задачами» (т. 46, с. 213, 214).

*

В языке ленинских произведений употребляется еще один фразеологический оборот — *двуликий Янус*. Он использован Лениным только два раза. Фразеологизм *двуликий Янус* имеет значение 'двуличный человек'. «В древнеримской мифологии Янус — бог времени, а также всякого начала и конца, бог перемен, движения. Он изображался с двумя лицами, молодым и старым, которые были обращены в разные стороны: молодое — вперед, в будущее, старое — назад, в прошлое» (Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А. И. Молоткова).

В работе «Аграрные прения в III Думе» оборот *двуликий Янус* использован применительно к одному лицу и в точном значении, какое закреплено за ним традицией употребления, — 'двуличный человек': «Г-н Березовский признал в октябре 1908 г. все, что говорили большевики летом 1906 года о земельном проекте к.-д.! В I Думе кадеты публично выдвигали вперед демократическую внешность своей реформы, доказывая ее помещичий характер на тайных совещаниях с Треповым и его прихвостнями. В III Думе к.-д. публично выдвигают вперед помещичий характер своей реформы, доказывая демократизм ее на тайных от полиции беседах с теми немногими чудаками, которые способны еще слушать бабушкины сказки. Двуликий Янус по ветру поворачивает свои „лики” то в одну, то в другую сторону. „Демократы” падают до того низко, что перед черносотенными зубрами стараются доказать безобидность своих действий и программ во время революции!» (т. 17, с. 314 — 315).

По-иному используется фразеологизм в книге «Экономическое содержание народничества...». В. И. Ленин использует здесь историю возникновения оборота для характеристики русских «друзей народа» как идеологов мелкой

буржуазии: «Философствование о возможности „иных путей для отечества”, это — только внешнее облачение народничества. Содержание же его — представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма» (т. 1, с. 529 — 530). В. И. Ленин изменяет оборот *двуликий Янус* и, основываясь на истории его происхождения, дает яркую сатирическую характеристику идейных взглядов народников и шаткой позиции мелкой буржуазии России.

В. И. Ленин использует фразеологизм *двуликий Янус*, полностью реализуя и его прямой смысл, и историю происхождения. При этом в речи Ленина оборот приобретает злободневное содержание, а форма может подвергаться определенному изменению.

*

Наблюдения над фразеологизмами *как зеницу ока* и *двуликий Янус* показывают, что фразеологические обороты В. И. Ленин умел наполнять своеобразным содержанием, в результате чего в ленинском контексте читатель видит сложные, широкие, яркие и запоминающиеся картины общественной жизни того времени.

Е. Д. ШЕВЛЯКОВА,
доцент Магаданского
педагогического института

*Из иллюстраций
А. В. Кокорина
к «Севастопольским
рассказам»
Л. Н. Толстого.
Фрагмент*

**Гладко вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить!**

Эти крылатые строки, привлекающие внимание своим остроумием и фольклорно-песенным ритмом, мы привыкли видеть на страницах газеты — и в обличительных статьях политического обозревателя, и в полемическом выступлении ученого, и в письме рядового советского труженика, разоблачающего недостатки, и в заглавии критической корреспонденции или фельетона — где они неизменно используются в качестве образного речевого средства проны и сатиры.

Однако мало кому известно, что эти строки, столь популярные в наши дни, возникли более ста лет назад, что они имеют определенную историческую основу и этимологически тесно связаны с одним из эпизодов Крымской войны 1853—1856 годов, которая, по определению В. И. Ленина, „показала гнилость и бессилие крепостной России”.

Речь идет о печально известной операции целью занятия Федюхиных вы-

«ГЛАДКО ВПИСАНО В БУМАГИ...»

сот, вошедшей в историю под названием сражения на Черной речке 4 августа 1855 года, которое, вследствие бездарности царских генералов, лишь ускорило сдачу Севастополя.

Отвесные, скалистые Федюхины горы, на которых укрепился неприятель, были почти неприступными для нападающих; серьезным препятствием для атаки служил глубокий канал, наполненный водой, мосты через который приходилось перебрасывать под огнем противника; через Черную речку с ее топкими берегами нельзя было переправить артиллерию. Было ясно, что, даже в случае удачи, на вершине горы, в тылу врага, будет невозможно удержаться и через несколько часов ее все равно придется сдать противнику. Однако царь Александр II упорно настаивал на сражении. Его поддержал и главнокомандующий Крымской армией М. Д. Горчаков, хотя и считал готовящееся сражение рискованной, безнадежной затеей. Но, по словам историка Е. В. Тарле, «для него самым важным делом было угодить царю».

Вот почему это бессмысленное, страшное побоище завершилось гибелью многих тысяч русских солдат и офицеров, которые своими телами устлали крутые уступы Федюхиных гор.

Вскоре после позорного провала у Черной речки среди севастопольского офицерства и солдат распространилась песня неизвестного автора, в которой была нарисована яркая по своей достоверности картина неудавшегося сражения.

В первых же ее строках, напоминающих зачин народной песни, автор с меткостью, усиливаемой употреблением просторечного фразеологизма «нелегкая несла» осмеивает всю бессмысленность затеи царского командования:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы занимать.

Автор находит образную форму для сатирического разоблачения тех, кто разрабатывал бездарные планы столь ответственного сражения:

Гладко вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить.

Замечательна своей бичующей силой также строка «Кто-то переврал», в которой содержится злая насмешка над плохой организацией дела в ходе самой кампании.

В словах песни о печальном итоге боя глубокая скорбь о погибших:

На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!..

Вскоре песня-сатира распространилась в рукописных стихах не только в Крыму, но даже в Москве и Петербурге. Особенную популярность она приобрела в революционно-демократических кругах. Так, в дневнике Н. А. Добролюбова встречаем переписанный им текст песни и запись от 23 января 1856 года о том, что в Петербурге она имеет большой успех, что ее читают, списывают, выучивают наизусть. А в 1857 году она была опубликована в «Полярной звезде» Герцена. В примечании было сказано, что это «не произведение какого-нибудь особого автора», что она списана со слов солдат и в ее «складе нетрудно узнать черты чисто народного юмора».

Эта оценка Герцена может служить одним из убедительных доказательств подлинной демократичности песни, ее непосредственной связи с миром народного художественного слова.

А между тем у этой, насквозь фольклорной, песни есть автор. Ее сочинил молодой офицер, непосредственный свидетель «неудачного ужасного дела» граф Лев Николаевич Толстой.

Советское литературоведение неопровержимо доказало принадлежность песни Л. Н. Толстому. Были скрупулезно изучены его дневники, переписка с друзьями и родственниками, мемуары и письма современников, архивы участников Севастопольской обороны — никто из лиц, близко знавших Толстого, не подвергал сомнению его авторство. Убедительным доводом служит анализ текста песни, ее лексики, авторской манеры: «... выдержанность ее тона и характера определенно говорит за единоличное творчество: в ней особенно виден талантливый наблюдатель и мастер слова, — пишет В. И. Срезневский. — В этой песне мы видим ясно руку автора „Севастопольских рассказов“...» (В. И. Срезневский. О севастопольских песнях, приписываемых Л. Н. Толстому. — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР», 1928, т. 1, кн. 2, с. 562).

Песня Толстого явилась непосредственным откликом на злобу дня, в ней нашло выражение общественное негодование по поводу случившегося, и вследствие этого многие ее строки стали крылатыми, а строфа *Гладко вписано в бумагу, Да забыли про овраги, А по ним ходить* прочно закрепилась в языке и в различных вариантах дошла до наших дней.

Внимание читателя, бесспорно, привлекают энергичная сжатость крылатой фразы, афористическая точность формулировок, конкретно называющих вещи своими именами.

И звонкая рифма, и бойкий народно-песенный ритм, сливаясь воедино, служат отличным аккомпанементом сатирическому содержанию фразы; при этом интенсивность всего высказывания усиливается переходом от более плавного звучания первых двух строк к отрывистой интонации завершающей, третьей строки.

Распространенность названной крылатой фразы в различных публицистических текстах обусловлена также ее способностью употребляться везде, где возникает необходимость острой критики явлений, оторванных от реальной действительности.

Так, например, политический обозреватель «Правды» Юрий Жуков, обличая реакционные силы Европы и Америки, выступающие за сохранение агрессивного военного блока НАТО вопреки реальному историческому процессу, пишет: «Однако, как говорится, гладко получается только на бумаге. Невзирая на такие оптимистические декларации присяжных защитников НАТО, в Европе усиливается те-

чение в пользу ликвидации военных блоков» («Правда», 19 сентября 1967).

В научной полемике по вопросам демографии доктор экономических наук Б. Урланис опровергает умозрительные построения своих оппонентов, не проверенные практикой: «Мы не можем разделить точку зрения некоторых оптимистов, строящих все свои расчеты только на лучшем использовании ресурсов Земли. В их представлении увеличить производство продуктов питания в 10—20 раз не составляет особого труда... А некоторые рассчитали, что Земля может прокормить 13 000 миллиардов людей! Нужно ли говорить, что все эти расчеты хороши на бумаге, „да забыли про овраги...”» («Литературная газета», 24 апреля 1968).

Журналисты «Литературной газеты», выступая против пераонального планирования лесных вырубок, грозящих уничтожением уникальных лесов, говорят: «„Гладко было на бумаге...”. За истекшие 50 лет мы не успели увидеть еще ни одного „лесного оборота” — у деревьев свои сроки... Рациональное лесное хозяйство остается пока уделом чистой, ни разу еще не проверенной теории...» («Литературная газета», 1 октября 1969).

В. Сухомлинский так критиковал излишнее увлечение графиками оперативного управления учебным процессом, имеющим в виду абстрактного ученика, в то время, как в центре педагогики должен стоять живой ребенок и живой учитель: «Но если бы вся проблема сводилась лишь к тому, чтобы наметить „промежуточные пункты”, расписать по ним всю программу, с какой невероятной легкостью были бы преодолены все другие трудности школьного обучения... Однако в том-то и беда, что „гладко вписано в бумагу, да забыли про овраги, а по ним ходить...”» («Литературная газета», 27 января 1966).

Против формального отношения к передовым методам в области жилищного строительства выступает бригадир комплексной бригады Г. Коваленко: «А трудимся мы по методу Н. Злобина. Когда приняли такое решение, заключили договор, нас все поддерживали, хвалили. А стали возводить один за другим этажи, и все пошло вкривь-вкось. Как в известной пословице: „Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”» («Правда», 11 июля 1975).

Число подобных примеров можно бы было значительно умножить, но и приведенные наглядно свидетельству-

ют о широком тематическом диапазоне применения крылатых слов Л. Толстого в языке нашего времени.

Возможности активного функционирования рассматриваемой крылатой фразы значительно расширяются благодаря ее способности употребляться в трансформированном виде. Состоящая в первоисточнике из трех простых предложений, в современных контекстах она представлена большим количеством усеченных вариантов: сокращенной до двух предложений (Гладко было на бумаге, да забыли про овраги), до одного (Гладко было на бумаге), до эллиптически сжатой формы (На бумаге — гладко). При этом усеченная формула многозначительно сохраняет смысл всей крылатой фразы; ее недоговоренность отвечает лаконичной манере газетного стиля; и она более свободно включается в разнообразные тексты.

Новые смысловые оттенки в содержании крылатой фразы вносят частичные изменения ее первоначального лексического состава, не разрушающие единства уже сложившегося словосочетания; при этом варьируются не все компоненты устойчивого оборота, а только глагольные формы: *вписано, было, вышло, выходит, получается...* Однако эти изменения не касаются опорных существительных, с чем закономерно связана семантическая стабильность всего крылатого выражения.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА
Москва

Басни и сказка Льва Николаевича Толстого

Лев Толстой с огромной любовью относился к устному народному творчеству, считая его первым своим учителем. «Мы все,— говорил он,— учимся у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин до Пушкина, Гоголя,— и даже о Чехове можно это сказать, да и я».

Глубоко изучая народную речь, всю жизнь собирая произведения устного народного творчества, Толстой считал их незаменимыми для подлинного овладения родным языком, для изучения культуры своего народа.

Толстой как выдающийся педагог и патриот своей родины мечтал о просвещении народа, замечая, что «образова-

ние есть потребность всякого человека». Он написал «Азбуку» и «Русские книги для чтения».

Произведения Л. Толстого много раз переиздавались. А. И. Елизарова отмечала, что рассказы Толстого в его «Книгах для чтения» «дышат безыскусственной поэзией народной речи, над которой с чисто материнской чуткостью прошла гениальная рука великого мастера слова. Рассказы эти не менее, чем остальные его произведения должны войти в сокровищницу нашего слова».

На нашей литературной странице мы печатаем басни и сказку Л. Н. Толстого из его «Русских книг для чтения»: басни «Муравей и голубка», «Лев и мышь», «Галка и голуби», «Отец и сыновья», «Олень», «Дикий и ручной осел»; сказку «Девочка и разбойники».

МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА

(Басня)

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

ЛЕВ И МЫШЬ

(Басня)

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал ее. Мышь стала просить, чтобы он пустил ее; она сказала: «Если ты меняпустишь, и я тебе добро сделаю». Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил ее.

Потом охотники поймали льва и привязали веревкой к дереву. Мышь услышала левиный рев, прибежала, перегрызла веревку и сказала: «Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь,— бывает и от мыши добро».

ГАЛКА И ГОЛУБИ

(Басня)

Галка увидела, что голубей хорошо кормят,— выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили ее. Но галка забылась и закричала по-галчьи. Тогда ее голуби стали клевать и прогнали. Галка полетела назад к своим, но галки испугались ее оттого, что она была белая, и тоже прогнали.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

(Басня)

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принесть веник и говорит:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

«Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да всё врозь — вас всякий легко погубит».

ОЛЕНЬ

(Басня)

Олень подошел к речке напиться, увидел себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит: «Только ноги мои плохи и жидки». Вдруг выскочи лев и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришел в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и говорит: «То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, те спасали, а на кого радовался, от тех пропал».

ДИКИЙ И РУЧНОЙ ОСЕЛ

(Басня)

Дикий осел увидал ручного осла, подошел к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом-то он гладок и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили на ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осел и говорит: «Нет, брат, теперь не завидую,—вижу, что твое жптье тебе соком достается».

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ

(Сказка)

Одна девочка стерегла в поле корову. Пришли разбойники и увезли девочку. Разбойники привезли девочку в лес в дом и велели ей стряпать, убирать и шить. Девочка жила у разбойников, работала на них и не знала как уйти. Когда разбойники уходили, они запирали девочку. Раз ушли все разбойники и оставили девочку одну. Она принесла соломы, сделала из соломы куклу, надела на нее свои платья и посадила у окна. А сама вымазала медом, вывалялась в перьях, и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила в окно и побежала. Только что она вышла на дорогу, видит на встречу ей идут разбойники. Разбойники не узнали ее и спросили: «чучело, что наша девочка делает?». А девочка и говорит: «Она моет, готовит и шьет, у окна разбойничков ждет». И сама еще скорее побежала.

Разбойники пришли домой и видят у окна кто-то сидит. Они поклонились и говорят: «Здравствуй, наша девочка, отопри нам»; и видят, что девочка не кланяется и молчит. Они стали бранить куклу, а она все не двигается и молчит. Тогда они сломали дверь и хотели убить девочку — и тут увидели, что это не девочка, а соломенная кукла. Разбойники ее бросили и говорят: «Обманула нас девочка!»

А девочка пришла к реке, обмылась и пришла домой.

Лексика поэзии

А. И. Одоевского

А. И. Одоевский был выдающимся поэтом-декабристом. В статье «О национальной гордости великороссов», характеризую место декабристов среди деятелей передовой общественной мысли России, В. И. Ленин писал: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 107).

Творчество поэтов-декабристов, поэтов-трибунов, было тесно связано с их политической деятельностью. В своих статьях, художественных произведениях, выступлениях они создали свою теорию словесности, в которой одно из важнейших мест занимала теория поэтического языка. Литература для декабристов — действенное оружие революционной борьбы, средство агитации, пропаганды. В многочисленных высказываниях поэтов-декабристов, а также в их литературной практике последовательно проводится мысль о том, что язык литературы должен быть обогащен славянизмами, просторечием и богатыми изобразительными

ми средствами фольклора, очищен от излишних иноязычных заимствований.

Будучи одним из виднейших поэтов-декабристов, А. И. Одоевский следовал этим общим тенденциям декабристской поэзии. Прославляя доблесть и справедливость древнерусских князей, противопоставляя их князьям-деспотам, он рисует лирический образ свободолюбивого Василька, призывающего к объединению и совместному походу на врагов Руси. А. И. Одоевский использует славянизмы в обрисовке древнерусской жизни, помогающие почувствовать дух времени и передать высокий гражданский пафос произведения:

Во времена раздора бог все *кары*
И *глад* и *мор* на нас *ниспосылал*,
Но он *призрит* на клятву примиренных,
Мы на кресте произнесли обет...

Василько

В сцене ослепления Василька:

Краснея, торчи нож
Отер полою; вот его в *зеницу*
Ввернул...

Старославянизмы употребляются также для придания произведению колорита времени славянскими названиями исторических реалий:

Перекрестясь, уселись вокруг столов;
Дубовые под *брашнами* трещали...

(*Брашна* — яства, пища, кушанья).

На расселину *забрала*
Предатель сам *пищали* наводил...

Осада Смоленска

(*Забрало* — решетка у шлема, закрывающая лицо).

Для более полного восприятия читателем духа жизни Древней Руси А. И. Одоевский сознательно вводил в свои произведения древнерусские слова и выражения.

Пищалей гром затих.
Осада Смоленска
Тиун твой судит нас...
Василько

(*Пищаль* — ружьё. *Тиун* — судья).

И паволок и злата
В сей день проси всего...
Василько

(Паволока — шелковая ткань).

Во храмы рой жен
Шли в *ферезях* камчатных...
Василько

(Ферязь — женское платье, застегнутое до земли).

И, поклонясь народу, в *гридню* он
С дружиною при кликах воротился...
Василько

(Гридня — приемная комната в древних княжеских дворцах). Характерно заимствованное из древнерусской лексик слово *вече*:

Не на *вече*, не на родину
А придешь ты на неволю...
Старица-пророчица
Колокол, на *вече* призывающий,
Я услышу гул твой умирающий...

Зосима

Особая, лирическая патетика выражается славянизмами в написанных в ссылке стихотворениях А. И. Одоевского, например, в стихотворении «При известии о польской революции»:

...Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!
...Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердцах их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень!
Лишь вспыхнет огонь во глубине сердец,
Пять жертв встанут пред нами; как венец
Вкруг выи вьется синий пламень!
Сей огонь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог!... А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

Совершенно особое место в творчестве поэтов-декабристов занимает общественно-политическая лексика.

Слово *отечество* имеет широкое общественно-политическое значение у декабристов: «Итак, с мыслью о тебе, о Россия, мое любезное и несчастное *отечество*, провожаю я старый и встречаю Новый год! Ты — единственное божество мое, которое я постигаю и которое ношу в моем сердце, — ты одно только можешь порождать сильные чувства в моем сердце...» (Н. Тургенев. Нечто о крепостном состоянии России).

И громче труб на поле чести
Зовет к *отечеству* любовь!
Ф. Г л и н к а. Военная песнь

А. И. Одоевский в том же значении употребляет слова *родина*, *отчизна*, наделенные более интимной, лирической окраской:

Вещий голос сонным слышится
С *родины* святой...
«Что за кочевья чернеются...»
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память *отчизны*.
Тризна

Понятия «отечество», «родина» тесно связаны у декабристов с понятием «народ». Борьба за благо отечества есть борьба за благо народа. В поэзии декабристов слово *народ* употребляется как противопоставленная правящей верхушке (царю и дворянству) основная масса населения:

Как истукан, немой *народ*
Под игом дремлет в тайном страхе...
В. Р а е в с к и й. Певец в темнице

С особым лирическим оттенком слово *народ* употреблено А. И. Одоевским:

И в шуме битв поет заупокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому *народу*.
«Недвижимы, как мертвые в гробах...»

Тема свободы и борьбы за нее — основная в поэзии декабристов. Для выражения понятия свободы они употребляют слова *свобода*, *вольность* и *воля*. Наиболее распространенным является у декабристов слово *свобода*.

Это идеал, к которому они стремятся, который воспевают и за который борются.

Встань, певец, пророк *свободы*...

К ю х е л ь б е к е р. Пророчество

И пламя вновь зажжем *свободы*.

О д о е в с к и й. «Струн вещей пламенные звуки...»

А. И. Одоевский употребляет также слова *воля, воляность*:

Как на *воле* люблю пм...

Утро

Славим нашу Русь, в неволе поем

Воляность святую...

Стихи на переход наш из Читы
в Петровский завод

В слове *борец* подчеркивается героическая личность борца за свободу:

Он духом был *борец*:

Он, искусив все жизни силы,

Стяжал страдальческий венец...

О д о е в с к и й. Элегия

С темой борьбы за свободу и борца за свободу тесно связаны иносказательно употребленные слова *высокий, святой, священный*, приобретающие у декабристов определенный революционный смысл. «Поэты-декабристы выработали целую систему условной фразеологии, которая была понятной и доходчивой для широких прогрессивных читательских кругов и которая, вместе с тем, не давала прямого повода для цензурных преследований» (Б. С. Мейлах. Поэтическое творчество декабристов. «Поэзия декабристов», Л., 1950, с. 30).

Слово *высокий* у декабристов означает 'полный глубокого революционного смысла':

И зажгут лучом своим

Дум *высоких* вдохновенье...

О д о е в с к и й. Последняя надежда

В близком значении употребляется А. И. Одоевским слово *возвышенный*:

В их имени таится чудный звук,

В нас будит он всю грусть минувших мук,

Всю цепь *возвышенных* мечтаний.

О д о е в с к и й. «Недвижимы, как мертвые в гробах...»

В значении 'исключительный по своей важности, великий по своим задачам (подразумевается, революционным)'

употребляются декабристами слова *святой, священный*.
Для А. И. Одоевского эпитет *святой* очень характерен:

Но в сердце вы навеки ль потушили
Святое пламя древних дней.

Дека 1610 года

И в шуме битв поет заупокой
Несчастных жертв, проливших луч *святой*...
«Недвижимы, как мертвые в гробах...»

В том же революционном значении находим у А. И. Одоевского слова *огонь, огонь, пламя, искра*:

И в душу *огнь* заронит...

Колыбельная песня

Широко известно последекабрьское стихотворение А. И. Одоевского, написанное в ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей,
И пламя вновь зажжем свободы,
Она нагрянет на царей, —
И радостно вздохнут народы!

Высокий пафос этого стихотворения, его революционная патетика выражается лексическими средствами, яркими противопоставлениями мечей и оков, цепей и святого знамени свободы, которому и в Сибири остались верны поэты-декабристы. Не случайно, отдавая дань первым борцам за свободу народа, В. И. Ленин строку из этого стихотворения — *из искры возгорится пламя* — сделал эпиграфом к газете «Искра», не случайно эта строка стала лозунгом революционных масс.

И. С. АВИЛОВА
Москва

Изобрази- тельные средства в прозе

А. А. Бестужева-Марлинского

Рассматривая творчество Пушкина или Лермонтова, Гоголя или Белинского, мы нередко упускаем из виду их талантливых предшественников, предвосхитивших и подготовивших те или иные художественные открытия в литературе. Интересно в этом плане творчество А. А. Бестужева-Марлинского, декабриста, издателя альманаха «Полярная звезда», поэта, писателя, критика. Заслуги Марлинского велики и многообразны. Благодаря ему были устранены некоторые «белые пятна» в литературе того времени: в жанровом отношении он явился «творцом или, лучше сказать, зачинщиком русской повести» (В. Белинский); «открыл русского солдата и офицера» (Н. Котляревский); его критические статьи «отличаются языком по тому времени совершенно новым», да и вообще Бестужев-Марлинский умел писать «живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно» (В. Белинский). Правда, нередко его упрекали в вычурности слога. Действительно, многочисленные сравнения, причудливые метафоры, остроумные антитезы, инверсии — чрезвычайно характерны для стиля писателя, поэтому-то Марлинский и остался в памяти нескольких поколений читателей как антипод

пушкинской прозы — упругой, лаконичной, простой в самом высоком смысле этого слова. Тем не менее язык Бестужева-Марлинского заслуживает пристального внимания и сам по себе и как необходимая ступень становления русского литературного языка.

*

А. А. Бестужев обладал незаурядными лингвистическими способностями. Он знал прекрасно языки: латинский, французский, английский (изучал его вместе с Рылевым), польский, немецкий (занимался им в якутской ссылке), татарский, некоторые горские наречия. К своему родному, русскому языку Бестужев подходил как талантливый экспериментатор-исследователь, открывая в нем посредством метафор и сравнений огромный художественный потенциал.

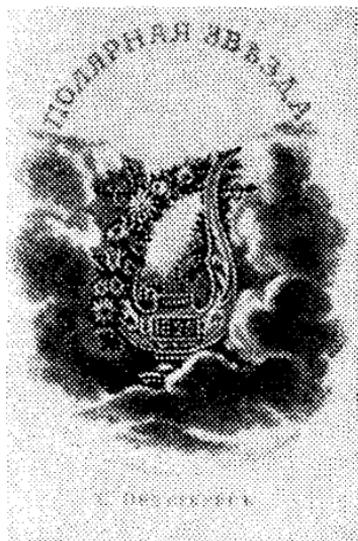
Приведем некоторые высказывания А. А. Бестужева о языке:

«Обладея неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото оного на блестящие заморские безделки» (Цитируется по изданию: А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. М., 1958);

«Гремушка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лезть слуху, сносны даже самые посредственные; но слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума...».

И практически всем своим творчеством, каждой строкой он блестяще доказывает, какие возможности открываются в словах при смелом художественном их использовании.

В письме к братьям 1 декабря 1835 года А. А. Бестужев пишет: «Да, я хочу обновить, разнообразить русский язык, и для того беру мое золото обеими руками из горы и из грязи, отовсюду, где встречу, где поймаю его. ...Однажды и навсегда — я с умыслом, а не по ошибке гну язык на разные лады, беру готовое, если есть, у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю падежи для оттенков действия или изощрения слова. Я хочу и нахожу русский язык на все готовым и все выражающим». Эти слова для нас — ключ к пониманию стиля писателя, а в свое время они явились еще и ответом на колкие замеча-

«Полярная звезда».
Обложка альманаха

А. А. Бестужев (Марлинский).
Миниатюра

ния собратьев по перу, будто Марлинский «коверкал, увеличил, ломал, терзал без всякой пощады русский язык», — так писал в № 17 «Телескопа» М. Загоскин.

*

Обратимся теперь к текстам произведений Бестужева-Марлинского и проанализируем их в двух аспектах: лексическом и ритмико-синтаксическом.

Широко применяя метафоризацию, Марлинский раздвинул внутренние границы слова и тем самым показал художественную бесконечность, заложенную в природе языкового знака. Так, трудно представить следующие слова в метафорических значениях в пределах сравнительно небольшого отрывка текста: *(вавилонский) столп, палитра, чернильница, океан, череп, решето, сосуд*. У Марлинского читаем: «Смешон человек, когда он строит вавилонский столп, чтобы убежать от природы; вдвое смешон, когда хочет поймать ее на палитру или уместить в чернильницу. Великое дело мысль, великое дело чувство, но это два океана — их не вычерпать черепом человеческим, тем безнадежнее, что зачерпнутое должно храниться в решете

выражения: нет у нас другого сосуда, другого орудия передачи». Причем в отрывке помимо именных метафор есть еще метафоры глагольные. До Марлинского поэтический словарь был ограничен (*пламя, волны, вихрь, роза, свет* и т. п.), он же показал, что в принципе любое слово и выражение может нести эстетический заряд. Ср.: *точка замерзания* в нравственности, *хвостовство* минувшего и будущего (о воспоминании и надежде); *танец* образов, идей, веков; *юное утро*; *иероглиф* рока; заниматься *умножением нуля* (о пустых разговорах); *знаменатель* всех страстей (о любопытстве); *болтливые* шпоры; повествование, *пернатое* светлыми идеями.

Ведущее место из всех поэтических фигур в языке Марлинского занимают не только метафоры, но и сравнения, сравнительные обороты: «И синие редкие тучки, *будто шпионы*, выглядывали из-за горизонта...»; «Командант знал, что в беду падают, как в *пропасть*, вдруг, но в преступление сходят по ступеням...»; «С трепетом сердца ждал он ночи; но день не хотел умирать, *как богатый дядя*». При этом предмет сравнения и то, с чем он сравнивается, паходятся в отношениях «конкретное — конкретное» и — реже — «абстрактное — конкретное». Временами, правда, Марлинский платит дань старине, сравнивая конкретное с абстрактным: «О, какая тихая, прелестная ночь растекалась тогда по Дагестану! Тихая, *как чистая совесть*; прелестная, *как самая молодость*...».

Если же предмет и средство сравнения находятся в отношениях «неодушевленное — одушевленное», то тогда метафора-сравнение сливается с олицетворением: «Глаза спят, рот смыкается иногда прежде пробития збри, а нос бессменный часовой: он всегда хранит ваш покой или ваше здоровье. Он вечно в авангарде. Испортятся глаза — его седлают очками. Нашалили руки — ему достаются щелчки. Ноги споткнулись, а он разбит!.. за все про все бедный нос в ответе, и он все переносит с христианским терпением; разве осмелится иногда храпнуть: роптать и не подумает» (Мулла-Нур. Быль).

Пожалуй, ни один из современных Марлинскому писателей не умел с такой легкостью, как он, насыщая текст сравнениями и олицетворениями, переводить повествование в другую тональность: солидное становилось смешным, выпренное — ироничным. Вот пример из повести «Испытание»:

«Если б доктора согласились общею подпискою воздвигнуть монумент болезням, он мог бы служить идеалом для статуи бога насморка». Однако надо учесть, что Марлинский нередко словесным орнаментом отвлекает сознание читателя от сюжета, конфликта, считая, что повесть, «не давая места развернуться описаниям, завязке и страстям, должна вцепляться в память остротами». Остроты его действительно, как правило, запоминаются, причем в основе многих из них лежит антитеза: «Вечно люди осуждены гоняться за игрушками; одно детство счастливо ими без раскаяния»; «Вы злой переводчик добрых мыслей» и другие.

Лексический строй языка писателя всегда связан с ритмико-синтаксическим строем. Казалось бы, множество эпитетов, метафор, сравнений всех видов, гипербола, олицетворений должно было сделать прозу Марлинского тяжелой, трудночитаемой, но этого не произошло в силу четкой, легкой, симметричной организации синтаксиса и соблюдения ритма прозы. Симметрия достигалась тем, что Марлинский использовал периоды, черпая в этой форме эмоциональность, приподнятость, пафос — все те качества, которые входили в эстетическую программу писателя-романтика-декабриста. Известно, что сложное синтаксическое целое может совпадать и не совпадать с периодом:

«Молодость, молодость! Волшебный край жизни! Прелестен ты, когда лежишь впереди, необозримый, как надежда, а не назад, как воспоминание; когда развиваешься очам как панорама, а не как обнаженная карта. Зачем не дано человеку способности, как сурку, засыпать на всю зиму настоящего горя, чтобы хоть во сне дышать твоим внешним воздухом, перекушать прежние радости и, прежним, крепким еще сердцем, выносить бури твои? Напрасно! Ничем не обновить юности, и никогда ее не забыть, и всегда сожалеть — удел наш!». Здесь выделяются три периода. Синтаксическая симметрия обнаруживается уже в первом предложении-периоде, причем сравнения даны по принципу антонимии: *надежда — воспоминание, панорама — карта, впереди — назад*.

*

Таким образом, проза Марлинского интересна с самых различных точек зрения: это и огромное разнообразие художественной лексики и стиля, продуманность построе-

ния периодов, выдержанность ритма, эмоциональная насыщенность.

Праздничность, приподнятость стиля прозы А. А. Бестужева-Марлинского определялась как идейной установкой декабризма, так и эстетической программой романтизма. Стремление к нравственному самоусовершенствованию, по мнению декабристов, можно пробудить, воздействуя на чувства, показывая идеалы, и литература поэтому должна быть выше жизни, лучше ее. Поэтическое для А. А. Бестужева становится синонимом возвышенному, героическому.

Романтическое содержание произведений, где действуют идеальные герои, где кипят страсти, совершаются роковые ошибки, произведений с фантастическими эпизодами или с экзотикой кавказской жизни требовало определенной формы выражения.

Наконец, стиль А. А. Бестужева — это отражение его личности, интересной, богатой, овеянной спорными легендами. А. А. Бестужев был декабристом. Его приговорили сначала к смертной казни, потом заменили казнь ссылкой в Якутск. Основные его произведения написаны после 14 декабря 1825 года. Почти никто из его читателей не знал, что Марлинский и ссыльный А. А. Бестужев — одно и то же лицо. Н. Г. Чернышевский сожалел о том, что в повестях Марлинского не отразились идеи и идеалы декабристов, однако, скорее всего, творчество Марлинского нужно понимать как художественную аллегория, в которой тщательно скрыто в символах, метафорах, параллелях все то, что до конца дней было дорого сердцу декабриста. Хорошим напутствием читателям и исследователям творчества служат слова самого Марлинского: «Пускай что ни говорят, а книга и сочинитель — одно и то же лицо, только в разных переплетах. Стало быть, как бы сочинитель ни вытерт был подражанием, как бы ни хотел он скрываться умышленно, настоящий цвет его кожи пробьет где-нибудь сквозь заемные белила: где-нибудь он промолвится наречием души. Ловите же его в такие проблески искренности — и с ним вместе вы поймаете целый невод его современников, с ракушками и растениями его родины, его поры».

В. К. ХАРЧЕНКО
Белгород

Современная жизнь с ее величайшими научными открытиями и социально-культурными достижениями, бурным потоком информации стремительно удаляет советского читателя от эпохи русской классической литературы. Подчас довольно трудно нашему современнику найти ключ к правильному пониманию текста русской классики, так как безвозвратно исчезли из языка или изменили свое значение многие слова, отражающие ушедший быт, мировосприятие, традиции и обычаи прошлого. Даже в таких хрестоматийных строках А. С. Пушкина, как «Ямщик сидит на облучке, В тулупе, в красном кушаке» могут быть неправильно истолкованы *ямщик*, *облучок*, *кушак*. Они требуют пояснений.

Русская классическая поэзия снабжена широким лингвистическим, историческим, литературоведческим комментарием. К услугам современного читателя многочисленные справочные издания, толковые словари, словари языка отдельных поэтов и писателей. Однако, в справочной литературе почти совершенно отсутствует семиологическое комментирование, то есть разъяснения символических, сигнальных, знаковых вкраплений в тексты

стихотворений, в результате многое остается неясным для читателей, берущих в руки поэтические сборники, или выпадает из их поля зрения, что приводит к недостаточному усвоению эстетического содержания произведения.

В русской классической литературе широко употребительны античные символы, обозначаемые словами *мирт*, *кипарис*, *олива*, *лавр*, *роза*, *пальма*, *плющ*, *померанец*, *лилия*, *дуб*, *сосна*, *орел*, *сова*, *весы*, *лира* и другие. Наиболее известен *лавр* — символ славы. Многие из античных символов с определенного времени перестали употребляться в нашей поэзии и прозе и архаизировались. И если читатель встречается, например, строки: «Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса» (А. Дельвиг. На смерть Державина), ему необходимо разъяснение образа лиры, висящей на дереве, а также комментарий символического значения слова *кипарис*, что поможет в полной мере проникнуть в смысл сказанного и оценить художественный прием автора. Кипарис (южное вечнозеленое хвойное дерево) издавна считается символом смерти и скорби. Кипарисом, как гласит античная легенда, звали красивого юношу, любимого Аполлоном (богом света и искусств). Кипарис случайно убил оленя, к которому сам был очень привязан. Он испытывал такое горе, что просил богов лишить его жизни или сделать его скорбь вечной. Аполлон превратил юношу в дерево кипарис, которое с тех пор символизирует траур и соучастие в скорби (см.: «Мифологический словарь» Ф. Ноэля, Париж, 1801). В приведенной строке А. Дельвига этот символ применен художественно интересно, как тонкий намек, который вносит необходимую долю поэтизма в выражаемое чувство скорби по поводу ухода из жизни патриарха русской поэзии — Державина. Ср. более ясное, почти тяжеловесное использование этого же символа А. Хомяковым:

Эдырне, прощай! уже более мне
Не зреть Забалканского края...
Ни тени густой полуденных садов,
Ни вас, кипарисы, любимцы гробов.
«Прощание с Адрианополем»

Также в строках, стилизующих испанскую серенаду:

Выходи же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду под сенью миртов я!

А. Плещеев, Гидальго

Читатель может не обратить внимания на то, что слово *мирты* используется автором не случайно, в русской классической поэзии — мирт — символ любви. Этот символ имеет любопытную этимологию: мирт — южный вечнозеленый кустарник с белыми душистыми цветами был любимым деревцем богини любви Венеры, поскольку он оказал ей большую услугу. Однажды, как рассказывает легенда, богиня на берегу моря сушила свои прекрасные волосы и, увидев вдали резвящихся сатиров, укрылась от них под густыми миртами. В память этого события она полюбила это деревце и пожелала, чтобы купающиеся женщины надевали венки из миртов. В стихотворении А. Плещеева слово *мирт* вносит свою долю в стилизацию испанской серенады, и, чтобы полнее ощутить эту стилизацию, нужно иметь в виду символическую нагрузку слова. В других стихотворениях символическое значение этого слова выступает более зримо. Например, у А. Пушкина: «Слепой Амур, жестокий и пристрастный, Вам терния и мирты раздавал» (Любовь одна — веселье жизни хладной).

Померанцевый цветок, флердоранж, был в древнем мире символом чистоты и вечной любви, венок из этих цветов надевала невеста: поэты также обыгрывали это значение для придания смысловой и композиционной стройности, изящества стихотворению или отдельной мысли в нем:

В Испании Амур не чужестранец...
Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышет (!) померанец.

А. Дельвиг. СД. II-й

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимья волны,
Померанцев, миртов шопот
И любовный свет луны.

И. Козлов. Венецианская ночь

Любопытна семиологическая подоплека поэтического оборота и его вариантов *печать молчания* (печать на устах и др.), уходящая корнями в античную символику. Древние нередко имели на своих печатях изображение бога молчания Гарпократа и, запечатывая ею письмо, давали понять, что содержание письма нужно хранить в секрете: Гарпо-

крат изображался с пальцем, приложенным к губам. Поэтому не случайно читаем у М. Лермонтова:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.
Смерть поэта

У Н. Щербины:

Я наложил печать глубокого молчанья
На сердце страстное, на громкие уста...
«Я наложил печать глубокого молчанья...»

Видимо, в XIX веке эта *печать молчания*, знакомая дворянским поэтам по античной мифологии (хотя бы упомянутого словаря Ф. Ноэля), не была стершимся, безликим поэтическим штампом, они мысленно видели ее и знали ее историю.

В начале XIX века в русской поэзии появляются символы и более позднего происхождения, пришедшие с Запада и Востока: лев, лилии, красный колпак, полумесяц и другие. Их значение ныне также почти полностью забыто, исчезло из сознания русского народа. Читатель смутно представляет себе, что означает слово *лев* в строках:

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царкосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Пушкин. Воспоминания в Царском Селе

(лев здесь символизирует Швецию, в гербе которой изображение данного животного). В другом случае можно остаться в некотором недоумении относительно просьбы поэта:

Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак.

Пушкин. К товарищам перед выпуском

(красный колпак символизировал революционность, революционное настроение, ввиду того что в 1789 году во время Великой французской революции красная острая шапка марсельских повстанцев была эмблемой революционных партий. Пушкин здесь намекает, что за свою революционность он может угодить в армию.)

Войны с Турцией хорошо познакомили нашу общественность с мусульманским символом — луной (полумесяцем),

обыгрывавшимся поэтами на все лады, начиная от Державина и кончая Брюсовым:

...орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну.

Державин. Осень во время осады Очакова

Друзья! На кораблях
Вдали чаймы мелькают,
И месяцы сверкают
На белых парусах.

Веневитинов. Смерть Байрона.

Поэты XIX века хорошо знали русский фольклор и, в частности, нередко использовали его символические мотивы, сейчас во многом забытые.

У Д. Веневитинова читаем:

Уже настал мой час последний,
Приди, убийца, я готов.
Приди, рази, пусть труп мой бледный
Падет под взорами врагов.
Пусть мак с травою ароматной
Растут могилы вокруг моей.

Освобождение скальда

Не каждый сегодня поймет, что поэт неспроста упомянул о маке в данном контексте, стараясь усилить этим драматическое описание, внести штрих экспрессии: мак, по представлениям многих народов, произрастает из крови убитых, особенно воинов. Не следует, однако, смешивать это символическое значение слова *мак* с его античным символическим значением; ср. у А. Пушкина:

Друзья! Вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей.

Мое завещание

(т. е. на ложе блаженных снов и невинных мыслей; здесь *мак* — символ сна, блаженного покоя, отдыха).

У А. К. Толстого обнаруживаем такие любопытные строки:

Да, братцы, это так, я не под парю вам,
То я весь в солнце, то в тумане,
Веселость у меня с печалью пополам.
Как золото на черной ткани.

«Да, братцы, это так...»

Вторая строка здесь навеяна русским народным творчеством, в котором туман всегда ассоциируется с печалью, а голлице, как источник света, символизирует радость, ве- селье.

Иногда в поэзии отражаются моменты фольклорной обрядовости, а также суеверные представления и др.

В хрестоматийном стихотворении А. Пушкина «Вакхическая песня» есть загадочное бросание колец в вино:

Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно, в густое вино
Заветные кольца бросайте!

Многие ли учителя комментируют эту фразу при изучении стихотворения в классе? А между тем она прямо-таки напрашивается на комментарий. Кратко можно сказать, что в русском фольклоре бросание кольца в вино (или в другую жидкость в сосуде) фигурирует как заклинательный акт, ведущий к встрече с разлученной любимой девушкой, с давно не виденной женой. В этом стихотворении Пушкин творчески смело и удачно синтезирует элементы античной и русской народной культуры.

В русской поэзии находит немало отражение общественно-бытовая символика прошлого, после исчезновения которой поблекли отдельные выразительные стихотворные фрагменты. Вот характерный пример:

Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом инеем пересыпаны.

Л е р м о н т о в. Песня про царя Ивана Васильевича...

В этом отрывке, как нам представляется, по замыслу поэта большую экспрессию должно нести слово *простоволосая*. В Московской Руси женщины не ходили по улице без головного убора. «Простоволосая» означало «опозоренная», и купец Калашников больше всего был поражен тем, что жена пришла домой с непокрытой головой.

Подобно этому для нынешних читателей поблекла интересно выполненная аллюзия (намек) Ф. Глинки в стихотворении «Москва»:

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

Наши современники не улавливают в интонации торжественности, величавости этого стихотворения, оттенка дерзость, лихости, намек на старинный народный обычай унижения достоинства человека оскорбительным жестом срывания с него шапки (ср. оборот *дать по шапке*).

Частотность символических вкраплений, в той или иной степени не понятных современным читателям, весьма велика в текстах русской поэтической (а также и прозаической) литературы. Есть авторы (например, А. Дельвиг, Г. Державин, К. Батюшков), у которых символика присутствует в большинстве произведений, подчас многократно. Многие выдающиеся писатели — А. Пушкин, М. Лермонтов, А. К. Толстой, А. Майков, В. Брюсов, А. Блок и другие — весьма широко прибегали к различным приемам символического изъяснения. Это, а также наблюдения за восприятием (очень часто неверным) текстов русской классической поэзии нашими современниками приводит к мысли о необходимости издания в помощь широкому читателю, всем любителям отечественной художественной литературы специального словаря символических обозначений. Работа над таким словарем по существу закончена. Опубликован краткий первоначальный вариант на 150 единиц (см.: В. В. Иванов, В. М. Панькин, А. В. Филиппов, Н. М. Шанский. Краткий словарь традиционных символов русской поэзии.— «Русский язык в школе», 1977, № 4, 5). Большой словарь символов, подготовленный теми же авторами, имеет более 350 словарных статей.

Словарь содержит лингвистические, семиологические, культуроведческие и литературоведческие сведения в их комплексе. Многие из этих сведений пока малодоступны, разбросаны по редким или уникальным отечественным изданиям, опубликованы в зарубежных изданиях, тоже подчас представляющих собой библиографическую редкость. Кроме того, проведены необходимый строгий научный анализ и обобщение всех этих сведений. Их инвентаризация, обобщение и приурочение к отечественной художественной литературе (в частности, к изучаемой в школе и вузе) в качестве лингво-семиолого-культуроведческого комментария должно, как нам кажется, способствовать повышению уровня общей культуры современного читателя, оказать действенную помощь при чтении и изучении русской художественной литературы.

Кандидат филологических наук
В. М. ПАНЬКИН,
кандидат филологических наук
А. В. ФИЛИППОВ

Н. Асеев (1889—1963) в течение всего своего творческого пути стремился к точности мысли и ясности выражения. Об этом убедительно говорят и его поэтическое наследие, и статьи о языке поэзии. Показательно название одной из заметок Асеева — «Ищем речи точной и нагой». В поисках речи «точной и нагой» поэт постоянно обращался к словотворчеству, к созданию индивидуально-авторских слов.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО Н. АСЕЕВА

Особенности словотворчества Николая Асеева в разные периоды творческого пути тесно связаны с особенностями его поэтической системы. Многим его ранним стихотворениям свойственна символичность и метафоричность. К сложной образности добавляются необычно созданные слова. Поэт часто образует их на основе древних славянских корней. В статье «Путь в поэзию» Асеев так объясняет это увлечение обновлением архаических слов: «Мне хотелось своих слов, своих, неизбитых выражений чувств — и вот рождались слова и отдельные сочетания их, непохожие на общепринятые: *леторей, грозува, шерешь, сумрова, сугемь, порада, сверкаты, повага, дивень, лыба*, — все слова из летописей и старинных сказок, которые хотелось обновить, чтобы наряду с привычными, обиходными — зазвучали они, забытые, но так сильно запоминаемые своими смысловыми оттенками».

Поэт вводит новообразования в заглавие стихотворений, тем самым сознательно обращая на них внимание читателя. Таковы названия: «Грозува» (1912), «Звенчаль» (1914), «Гремль» (1914), «Тунь» (1914) и другие. Эти стихотворения перенасыщены словами устарелыми и индивидуальными, созданными на базе устарелых.

Поэтому общий смысл таких стихотворений непонятен. Примером может служить стихотворение Н. Асеева «Заповедная буца»:

Триневластная твердыня
заневоленных сердец.
Некуда дремлюге ныне,
некуда от шумей деться:
мечутся они во стане,
ярествуют на груди.
А в те дни, смеясь, предстанет
везичь везей впереди!

Бунь на поляне Цветляны,
осень взбежала — олень, —
только твои не стубляны
ясовки, яблочный день;
только твои не срубляны
белые корни небес...

Дивится делу Цветляны
детская доля живес.

Увлечение Асеева словотворчеством сохранилось и в после-октябрьский период, когда, по словам поэта, «начинается писание стихов, не требующих разъяснений и уточнений». В поисках точного и доходчивого слова он отказывается от образования слов посредством устарелого корня или суффикса. Теперь им используются в основном словообразовательные возможности современного русского языка.

Асеев создает самые разнообразные по своему характеру новообразования. В его творчестве встречаются индивидуально образованные имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Если говорить об их количественном соотношении, то наиболее богато представлены существительные; прилагательные и глаголы встречаются примерно в два раза меньше, а наречия занимают совсем небольшое место. Новообразования, имеющие в советской поэзии особую продуктивность (то есть являющиеся словообразовательным штампом в поэзии), занимают в творчестве Асеева незначительное место. Так, самый продуктивный тип поэтических новообразований — наречия на *-о* и *-и* — составляет у него лишь пять процентов от числа всех новообразований. К ним относятся наречия типа *лунно*: «Пусть еще и холодно и *лунно*...» (Ночью из окна), *хлыстовски*: «*хлыстовски* кликушествую...» (Маяковский начинается). Другой активный в поэзии способ создания слов — образование отвлеченных существительных на *-ость* — также представлен у Асеева единичными примерами: «Удивлялись

глазастости, гулкости баса» (Памятник); «...крылатостью двух созвучий выводить на орбиту мысль» (Бессонные стихи).

Приведенные слова не являются, очевидно, индивидуальными. Их даже нельзя назвать новообразованными в полном смысле слова, хотя они и не зафиксированы словарями современного русского языка. Необычными являются слова на *-о* и *-ость*, созданные путем такого способа словообразования, при котором пропущено одно из словообразовательных звеньев. Таковы, например, наречия *клокато*, *безвстречно* и существительное *несмиримость*. В современном русском языке они не имеют исходной формы, поскольку нет соответствующих им прилагательных *клокатый*, *безвстречный*, *несмиримый*. «И море... плеснет, седе и *клокато*...» (Свердловская буря); «*безвстречно* расходятся реки», «рев... *несмиримости*» (Маяковский начинается).

Наиболее распространено у Асеева прежде всего образование отвлеченных существительных с нулевым суффиксом и с суффиксом *-и/-(-)*. Причина активного использования таких слов, очевидно, в том, что они обладают сжатостью и краткостью (ср. общелитературное *влажность* и индивидуальное *влажь*, *содружество* и *содружье*). Асеев в статьях о работе над поэтическим словом неоднократно высказывался за «веские и краткие слова». Приведем некоторые примеры: «Забурлилась, заиграла, / загремела Волга, / закружила *влажь*ю вала / кружево восторга» (Волга); «И не от тебя одной, / я знаю, / *седь* / уже сжимает мне виски...» (Чужая); «Три слова / — где зоркая *прищурь* видна» (Маяковский начинается); «...но он [Хлебников], как облако, меж ними прошумел / *о толстодушии* былого толстосума...» (Сон); «...в *громогласть* / своих стихов...» (Бессонные стихи); «...прервав *стопудовье* / зловещего храпа...» (Маяковский начинается).

В появлении слов этого типа определенную роль играет и ритико-интонационная организация стиха Асеева. Его стих часто имеет эмоционально-напряженный и четкий ритм, требующий строго определенного слогового соответствия. Интонационное членение стиха, как правило, подчеркивает новообразование, выступающее в рифме:

круче бицепсы,—

долже стаж,
разом высьпьясь

в синь и *влажь*,

Мы спортсмены

...к синим

высверкам,

к городским

да непрохожим
дальним
выселкам.

Перебор рифм
На альпийские луга
с ледников
сверк,
чтоб скользящая нога
не пошла вверх.

Это — медленный рассказ...

Для Асеева характерно еще и графическое выделение слова: стих разбивается лесенкой, и новообразование, хотя и не является рифмой, стоит в сильной позиции, в конце строки:

В ответ им
беззубый,
безлюбый,
столетний
профессорски-старческий *вышмак*:
«Назад!»

Он знал,
в чем сила народа-героя,
он чувствовал,
кто встает, величав,
в партийном *содружье*
советского строя,
в заветах Владимира Ильича.

Маяковский начинается

Другим распространенным в творчестве Асеева приемом создания слов является образование глаголов от существительных при помощи приставок и суффиксов. В этом он следует традиции Вл. Маяковского. Например: «Единственное, / что ему осталось, — / *внориться* в землю, / ждать и цепенеть» (от *нора*; Автобиография Москвы); «А я / *наструю* / свою рифму...» (от *струна*; Дурацкое званье поэта...); «Но низкий вход... / его / к порогу *примагнитит*» (от *магнит*; Автобиография Москвы); «Сразу / полдень *омелевал* и мерк...» (от *мгла*; Электриада); «*Ответрилось* детство / в садах Имеретии» (от *ветер*; Маяковский начинается); «И шли поезда / из Вологды / и *мглились* штыки / в Перми» (от *мгла*; «В те дни, как были мы молоды...»); «*Язычат* огнями / их перья и кисти...» (от *язык*; Маяковский начинается).

Большинство причастий и деепричастий у Асеева образуются непосредственно от существительных, минуя глагол: «Но вот, чу-

зунясь загаром плеча...» (от *чугун*; Свердловская буря); «И, *наёжив* уши, стал / думать думу наш красавец...» (от *ёж*; Тёх-Тёшка); «И опять, / *наёжившись* штыками, / напрягая сумрачный зрачок...» (от *ёж*; «В те дни, как были мы молоды...»); «...стекло *заалмаженный* узор / вспыхивал и цвел, как хвост павлиний...» (от *алмаз*; Курские края).

Прилагательные в поэзии Асеева в основном сложные. Почти все они созданы традиционным способом образования сложных слов. Индивидуальность этих прилагательных в их смысловой наполненности: *громкосердечная* замашка, *синежурнальная* сволочь, *приторно-постная* шестерка монахинь (Маяковский начинается). Интересным представляется также прилагательное *поэтусторонний*: «От гроба / в страхе / не убегу: / реальный, / *поэтусторонний*...» (Последний разговор). Слово *поэтусторонний* (по аналогии с общеизвестным прилагательным *потусторонний*) в приведенном контексте обладает двуплановостью значения, которая связана со значениями исходного прилагательного *сторонний*; поэтому, очевидно, буквальное значение окказионализма — «находящийся на стороне поэта» и второе — «сторонний, чужой поэту».

Имена существительные со значением лица созданы по непродуктивным в современном языке словообразовательным типам и имеют ярко выраженный индивидуальный характер: *царята* (...полымем *сдуло* / царей и *царят*.— Кумач), *молодня* (прославляя в слове *худом* / *молодню-родню*.— Автобиография Москвы), *мастеровня* (...поты *выжимая* / из *мастеровни*.— Маяковский начинается), *ненасытец* (...бейся о берег, / злой *Ненасытец*.— Днепр), *яснополянец* (...пусть, *дескать*, в *пепел* / *испепелятся* / *самые мысли* / *яснополянца!*— Фронты на тысячи верст), *начитанник* (...*начитанник* Гоголя / и Фейербаха...— Чернышевский).

Н. Асеев занимался поисками редких типов образований. Так, например, отчества на *-ич* — *Необходимович* (от *необходимый*), *Сталелитейнович* (от *сталелитейный*) и *Заботыч* (от *забота*): «...он шел, за собой увлекая ряды, / Владимир *Необходимович*» (Маяковский начинается); «Я предлагаю имена: *Завод* / *Сталелитейнович*, / *Забой* *Заботыч*...» (Автобиография Москвы). Эти имена не только служат стилистическим средством, но и имеют особую смысловую нагрузку.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что стремление Асеева к точности выражения, поиски в области обновления слова увенчались успехом. Если в его ранних стихах заметно подражание зрелым художникам слова (А. Блоку, В. Хлебникову, Вл. Маяковскому), то творчество зрелого Асеева говорит о становлении большого поэта, хорошо знающего и чувствующего родной язык.

Вл. Маяковский в стихотворении «Юбилейное», посвященном 25-летию со дня рождения А. С. Пушкина, так написал об Асеев-поэте:

Правда,
 есть
 у нас
 Асеев
 Колька.
Этот может.
 Хватка у него
 моя.

*Кандидат филологических наук
М. А. БАКИНА
Москва*

О ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Общеизвестно, что поэзия — наиболее приверженный традициям вид словесного творчества. Связи поэтического произведения с традицией могут быть различны. Можно говорить о традиционном размере, ритме, рифме, традиционных темах, мотивах, образах, речевых средств-

вах. Чтобы проследить связь поэтического произведения современности с традицией в области речевых средств, обратимся к тем стихотворениям, в которых речевые средства являются частью устойчивого в литературной традиции единства. Такое единство

составляют тема произведения, его образный строй и соответствующие им средства выражения. Так, например, одна из «вечных» для поэзии тем (тема жизни и смерти) издавна образно представлялась в виде движения по некоему пути, завершающегося обретением вечного покоя (смерти). Для выражения этого представления в стихотворной речи прошлого имелись и определенные речевые средства: описательно-метафорические сочетания — *путь, дорога жизни* (жизнь); перифрастические сочетания глагольного типа — *идти по жизненной дороге; проходить путь жизни* (жить); *окончить, завершить путь жизни* (умереть); *отправляться в последний путь* (умирать); слова-символы *путь, дорога* (жизнь).

Современные поэты нередко обращаются к традиционным образным представлениям и закрепленным за ними литературной традицией речевым средствам, которые выступают в тексте как носители поэтической эмоциональной окраски. Так, издавна употребляются поэтические перифразы *уходить в житейский путь* в значении «начинать жизнь, жить»:

*Уходит сын в житейский путь,
Мать смотрит вслед из-под ладони,
Ей этой ночью не уснуть
В родном и опустевшем доме.*

К у н я е в. «Уходит сын...»

отправляться в последний путь в значении «умирать»:

*Хочу, в последний отправляясь путь,
Без страха в очи Вечности взглянуть
Из-под тяжелых непослушных век,
Пусть знает смерть — уходит Человек!*

Д р у н и н а. «В постели, в самолете
иль в бою...»

Отметим, что в первом случае определение *житейский* (ср. традиционное *жизненный*) не изменяет существенно общего смысла сочетания. В стихотворении В. Федорова «Любовь к тебе, стыдясь, не спрячу...»:

*Но долгодуть, тоска сильнее,—
Кто знает, может, до седины...
Мне будет без тебя труднее,
Пойми!.. Ведь я пойду один*

слово-символ *путь*, употребляемый в метафорическом значении глагол *пойти* составляют элементы одного, устойчивого в поэтической традиции образа. Не связанные синтаксически, они спаяны единством образной основы. Метафорический смысл этих слов

ясен из контекста: речь идет о жизни, жизненном пути человека. Тот же смысл и в выделенных словах стихотворения М. Светлова «Счастье»:

Поэт, добывающий счастье,
Иду и в пути не один —
Советского подданства мастер,
Хозяин волшебных долин.

Более характерно для современной поэтической речи такое использование традиционных образных представлений, которое сопровождается привлечением новых средств. Последнее воспринимается обычно как отход от традиции или намеренное ее преодоление. При этом, однако, следует иметь в виду, что изменение устойчивого образа, влекущее появление нового речевого материала, предполагает знание традиции и наличие ее в тексте в качестве фона, на котором выступает новое.

Процесс преобразования традиционных образных представлений и привлечения новых речевых средств в современной поэзии может быть иллюстрирован на материале, развивающем тему поэтического творчества.

С созданием образа, опора которого на поэтическую традицию (тема — образ — средства выражения) несомненна, встречаемся в стихотворении В. Бокова «Сергей Есенин»:

Есенин-пахарь
В том огромном поле,
Где пушкинские борозды свежи,
Где нива, созревающая стоя,
Во имя нас ложится под ножи.

В образе поэта-пахаря в «поле, где пушкинские борозды свежи», оказались слитыми воедино два образных представления, известных истории поэзии. Одно из них изображало человека как пахаря жизненного поля: «Путник — ляжешь на ночлеге, В гавань, плаватель, войдешь. [Бедный] *пахарь* утомленный, Отрешишь волов от *плуга*. На последней борозде» (Пушкин. Родриг); «А ты, когда вступаешь в осень дней, *Орагай жизненного поля*, И пред тобой во благостыне всей Является земная доля; Когда тебе *житейские бразды*, Труд бытия вознаграждая, Готовятся подать свои плоды И спеет *жатва* дорогая...» (Баратынский. Осень). Другое представление изображало поэта как сеятеля духовных даров: «Свободы *сеятель* пустынный, Я вышел рано, до звезды; Рукою чистой и безвинной В поработанные бразды Бросал живительное *семя...*» (Пушкин. Свободы сеятель пустынный); «*Сеятель* знания на ниву народную! Почву ты, что ли, находишь бесплодную, Худы ль твои *семена?*» (Некрасов. Сеятелям).

Совокупность лексических средств, создающих образ в стихотворении В. Бокова — *пахарь, поле, борозды, нива*, как бы отсылает к поэтической традиции, вызывая в памяти читателя те или иные известные отражения упомянутых представлений в стихотворной речи прошлого и сообщая, таким образом, тексту высокую экспрессию. Лишь одно из перечисленных слов — *нива* — является носителем поэтической окраски в литературном языке, остальные несут экспрессию устойчивых поэтических образов.

Высказанная в образной форме мысль В. Бокова о том, что поэт — работник, труженик, пахарь на поле поэзии, утверждается им и в другой форме. Так, в стихотворении «Ярмарка в Ростове» поэт пишет:

Ходит Шолохов Михаил,
Пахарь поля, где сеется слово.

Ориентация на поэтическую традицию здесь менее ощутима. Связь с традиционными образами выражена слабее в частности и потому, что в воплощении образа *пахарь поля, где сеется слово*, нет элементов с ярко выраженной стилистической или эмоциональной окраской. А их наличие небезразлично для поэтической окрашенности лирического текста. Стилистическая и эмоциональная окраска слова является существенным дополнением к эмоциональности, которую несет с собой образ. Экспрессия преобразованных поэтом старых образов, не получая языковой поддержки, стилистического «подкрепления», оказалась значительно ослабленной. Это привело к разрушению ощутимой связи с традицией, так как высокая поэтическая экспрессия неотделима от традиционных образных представлений поэта. В стихотворении В. Бокова «Весна зовет меня в поля...» лирический герой говорит о себе:

Мой дед всю жизнь пахал сохой,
Невзгоды взвешивал на плечи.
Я, внук его, *пашу* строкой.

Созданный на основе поэтической традиции образ становится здесь основой метафоры — *пашу*, он дан в сжатом, как бы свернутом, виде. Менее удачным представляется применение метафоры *пахать* к искусству в широком смысле слова, что лишено опоры в поэзии прошлого, как, например, в стихотворении В. Бокова «Сын мой ходит по болотинам...», где тот же глагол *пахать* употребляется для обозначения деятельности живописца: «Краски яркие ложатся, Холст огнем запылал, Нелегка на поле жатва Там, где Суриков *пахал!*».

Разработка традиционной темы, преобразование старых образных представлений, как видим, вызывает появление метафоры,

значение которой вмещает в себя часть старого образа, сохраняя преемственную связь с поэтической традицией. Своеобразие такой метафоры в том, что она — поэтизм, специфическое средство стихотворной речи. Вне поэзии, без учета поэтической традиции (тема, образ, средства выражения) смысловая глубина такой метафоры не обнаруживается. Такими поэтизмами в сегодняшней поэзии можно считать метафорическое обозначение поэта-писателя — *пахарь* — и его деятельности — *пахать*. Ср. наличие тех же слов в переносном употреблении в названии и тексте стихотворения Л. Стекольниково «Великий *пахарь*»:

Потом он уселся к столу и ведет
Строку за строкой, за страницей страницу:
Блещат в бороде его слезы и пот.
Масонствует Пьер... первый бал у Наташи...
Кутузов глядит в Бородинский рассвет...
От края до края глубоко он *пахет*.
Для нас, для потомков, на тысячи лет.

Или в стихотворении Л. Решетникова:

Пишу не модно и не броско,
Традиционностью грешу:
Строку, как искони полоску,
Не поперек, а вдоль *пашу*.

Смысловое родство с «боковским» образом поэта-пахаря обнаруживает образ поэта у Е. Винокурова в стихотворении «Низка моя осадка...»:

Я занят только сутью...
Болотный пласт упруг,
Я налегаю грудью
На неуклюжий плуг.
Вот лопнет перепонка!
За гатью снова гать...
Ах, шариком пинг-понга
Над безднами б скакать!

То же образное содержание (ср. метафорическое значение глагола *пахать* применительно к обозначению творческого процесса) заключено здесь в форму перифразы — *налегать грудью на плуг*. Мысль о нелегком труде поэта подчеркивается указанием на тяжесть физического труда (*пахать*), которому уподоблено поэтическое творчество. О ней говорит и предельная степень физического напряжения лирического героя (*Вот лопнет перепонка!*), и противопоставленность его труда легкому пути в поэзии, ироническое отрицание которого выражено конструкцией экспрес-

сивно-разговорного характера: «Ах, шариком пинг-понга Над безднами б скакать!».

Смысловая общность различных поэтических образов В. Бокова и Е. Винокурова не случайна. В ней проявляется характерная черта современной поэзии: творчество поэта изображается в сравнении с трудом рабочего, крестьянина, подчеркивается трудовой характер творческого процесса. Такое изображение является по существу продолжением давней полемики с классической поэзией, в которой поэтическое творчество часто представлялось как действие по наитию, по вдохновению свыше. Poleмика с подобным представлением нашла ярчайшее выражение у Маяковского, ср. «Разговор с фининспектором о поэзии»: «Труд мой / любому / труду / родствен» и далее: «Поэзия — / та же добыча радия. / В грамм добыча, / в год труды. / Изводишь, / единого слова ради, / тысячи тонн / словесной руды». Она охватывает не только сферу поэтических ассоциаций и их образных воплощений, но и область речевых средств.

Среди индивидуальных художественных образов, объединенных упомянутым общим представлением, можно назвать следующие: поэт уподобляется дояру (Яшин. Рогатый Пегас) и пахарю (приведенные иллюстрации из стихотворений В. Бокова, Е. Винокурова, Л. Решетникова, Л. Стекольниковой); поэтическое творчество — бурению скважины (Слуцкий. «Из — целую жизнь буримой — скважины...») и долблению руды в забое (Самойлов. Вдохновение; Поперечный. «А главное — это работа...»); душа поэта — «землечерпалка с железным скрипом грузного ковша» (Федоров. «Ты говоришь...»); обращение к поэтическому творчеству уподоблено даже получению «переводки из слесарки в цех поэтов» (Сазонов. Переводка) и др.

Продолжение спора с классической поэзией можно видеть и в широком использовании прямых наименований процесса поэтического творчества в современной поэзии. Достаточно назвать для примера синонимический ряд существительных *работа, труд, дело, ремесло*, которые употребляются для обозначения творческого процесса.

А главное — это *работа*,
Как в темном забое порой.
Потом будет небо с зарей,
Рубаха, рябая от пота.
Потом будут ливни, трава,
И пьяная лодка без весел,
И сердцу жить долго без весел,
Покуда в нем зреют слова.

П о п е р е ч н ы й, «А главное — это работа...»

Нелегко труд заводов и полей,
Но есть работа много тяжелей.
Работа эта — быть среди людей,
Работа эта — жить среди напастей,
Работа эта — из очередей
Выуживать словечко позубастей.

Межиоров. «Нелегко труд заводов...»

Но уже проверил: никогда и ни за что
дело мое меня не отпустит.
Знаю, куда бы меня ни занесло —
встанет на пути неизменно
дело мое, *дело*. *Мое ремесло*.
Радостная высшая мера.

Р. Рождественский. Говорила мама:
«Сынок, уймись»

В этом *деле*, как в подводном деле,
Не бывает никакой халтуры.
В этом *деле*, как в цеху горячем,
нет прохладных отношений к делу.

Слуцкий. Изящная словесность

Прямые наименования практически вытеснили в сегодняшней поэзии многообразные описательные и иносказательные обозначения прошлого (ср. *служенье Музам*, *небесное пенье* и под.), которые были приметой «украшенной» стихотворной речи и одновременно возвышали обозначаемое явление. Характерная черта прямых наименований поэтического творчества — отсутствие эмоциональной окраски, подчеркнутая, особенно в сравнении с собственно поэтическими средствами, простота названия процесса, который классическая поэзия издавна поэтизировала. Это определяет стилистическое своеобразие прямых наименований поэтического творчества среди других средств стихотворной речи.

Пополнение стихотворной речи новыми средствами охватывает множество «содержательных» сфер с устойчиво закрепленными за определенным содержанием средствами. Оно связано с преобразованием различных традиционных образных представлений или отталкиванием от известных способов выражения. В этом — один из постоянных источников обогащения выразительных возможностей поэзии, обновления поэтического слова.

Кандидат филологических наук
Н. Н. ИВАНОВА

Москва

Дождь ПОШЕЛ
и не ПРОХОДИТ...
Дождь ИДЕТ,
хотя не ХОДИТ...

О Ж И В Л Е Н И Е В Н У Т Р Е Н Н Е Й Ф О Р М Ы С Л О В А

Что такое «внутренняя форма слова»? Обратимся к наследию выдающегося языковеда А. А. Потебни. Известно, что звучание и значение слова — его неперменные компоненты. Так, в слове *защита* звуковой состав — это внешняя форма; содержание определяется его лексическим значением — ‘действие по глаголу защищать’, а исходное значение — ‘то, чем защищаются, щит’ — это и есть внутренняя форма слова. Этимологическое, то есть первоначальное значение слова, представление и составляет его внутреннюю форму. Например, когда мы говорим *медведь* о неуклюжем, неповоротливом человеке, то вспоминаем и прямое значение этого слова (зверь). Поэтому всегда внутренней формой всякого слова с переносным значением будет предшествующее ему прямое значение.

Наш язык находится в постоянном развитии, и поэтому утрата внутренней формы — объективный и неизбежный процесс смыслового развития слова, отражающий диалектическое взаимодействие языка и мышления. Если бы конкретность первоначального значения постоянно сохранялась, это тормозило бы мышление, не могли бы, в частности, существовать идиомы — устойчивые обороты речи: *бить баклуши*, *водить за нос*, *делать из мухи слона* и

т. п. Слова *земляника, подснежник, ошеломить, дача* уже не вызывают в нашем сознании представление о земле, снеге, шлеме, том, что дано.

А. А. Потебня внутренней форме отводил особую роль в создании художественного (поэтического) слова. Вполне естественно, что писатели прибегают к оживлению внутренней формы. Такая возможность обусловлена системным характером лексики. Употребление одного слова способно вызвать в нашем сознании представление о другом, связанном с ним определенными смысловыми или ассоциативными отношениями. Поэтому такое оживление с полным основанием может рассматриваться как стилистический прием.

Внутреннюю форму воскрешают, например, чтобы обновить стершиеся метафоры, влить в них свежее поэтические силы. Рассмотрим пример: «Дождь пошел и не проходит... Дождь идет, хотя не ходит...» (Барто). Метафоры *дождь пошел, дождь идет* давно уже не вызывают в сознании никакого представления о действии по глаголу *идти*. Но в соседстве со словами *не проходит, не ходит*, означающими конкретное действие, в метафорических сочетаниях оживает внутренняя форма, и мы невольно в поэтической картине дождя начинаем ощущать элементы движения. Дремавший образ, заложенный в лексической метафоре, вновь вспыхивает.

В языке художественной литературы часто оживляется внутренняя форма собственных имен. Когда мы употребляем географическое название *Черное море*, никому не приходит в голову мысль о цвете воды. В этом случае перед нами только собственное имя. Но в стихах поэта, оказавшись рядом со словом, имеющим цветочное значение, оно уже воспринимается как поэтический образ: «Самое синее в мире *Черное море* мое» (Матусовский).

Итак, оживление внутренней формы — следствие того, что между определенными словами волей писателя устанавливаются смысловые и ассоциативные связи. Эти связи разнообразны. В зависимости от их характера можно наметить несколько приемов оживления внутренней формы.

1. Прямое указание на этимологию слова. Чаще с этим мы встречаемся в словарях. Так, в «Справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой разъяснение слова *паронимы* начинается с раскрытия его этимологии: «паронимы (от греч. *para* — возле + *онома*, *онома* — имя)». Это, разумеется, не стилистический прием, так как здесь преследуются лексикографические цели. Однако подобное толкование может выходить за рамки словарей и справочников, переноситься в научные, научно-популярные и даже художественные тексты. При этом

оно иногда изменяется по форме, теряет строгость, необходимую в этимологических исследованиях и справочниках, но всегда дает возможность глубже понять смысл слова, а следовательно, облегчает его восприятие: «Поэтому наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к *монизму*, то есть объяснению явлений с помощью *какого-нибудь одного основного принципа* (μονος по-гречески значит единый)» (Плеханов). В научно-популярном стиле этимологические сведения, включаемые в авторское изложение, не только облегчают восприятие слова, но и повышают интерес к содержанию, делают изложение колоритным и наглядным.

В языке художественной литературы прямое указание на этимологическое значение слова служит средством сгущения экспрессии, подчеркивает нужные оттенки мысли автора или персонажа. Вспомним, как в романе «Отцы и дети» Аркадий и Николай Петрович рассуждают о Базарове: «„Он нигилист”, — повторил Аркадий. — Нигилист, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского *nihil*, *ничего*, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... ничего не признает?» (Тургенев).

2. Сопоставление слова с этимологически родственным словом. Многие слова, имеющие общий источник, в смысловом отношении уже разошлись. Намеренное их сближение заставляет вспомнить былые связи, обнажает внутреннюю форму, создавая своеобразное пересечение смыслов, усиливающих выразительность речи. Так возникает почти осязаемая конкретность и точность описаний: «Еще растет в болоте *голубика* кустиком, ягода *голубая*, более крупная, не пройдешь, не заметив. В *глухих* местах, где живет огромная птица *глухарь*, встречается кистяника, красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зеленой оправе» (Пришвин). Ср. также: «В *Тиши* всегда *затишье*... В *Бобровке* некогда водились *бобры*, а теперь гоняют мальков шелесперы» (Паустовский).

Так подчеркивается лирическая взволнованность, сила чувств автора или героя: «Не чудо ль, что зовут Вас *Вера*? Ужели можно *верить* вам?» (Лермонтов); «Ведь каждый раз, когда мне удастся хорошо написать, читатели говорят: „*Молодец!*” И я *молодею*» (Пришвин).

Неожиданная встреча родственных слов создает и комический эффект: «Манилов никак не хотел выпускать *руки* нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот уже не знал, как ее *выручить*» (Гоголь).

Нередко писатели восстанавливают внутреннюю форму, чтобы добиться уточнения детали, важной в фактическом или психоло-

гическом отношении: «Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами,— не тут-то было: название *Чертовой Долины* происходит от слова „черта“, а не „черт“, ибо здесь когда-то была граница Грузии» (Лермонтов).

3. Сопоставление омонимов. Возникающие в контексте омонимические отношения также возвращают слову внутреннюю форму и тем самым подчеркивают в нем элементы образности. Это происходит, например, при встрече омонимов, один из которых стал собственным именем: «*Тихий океан* решительно издевается над нами: тут он вздумал доказать нам, что он в самом деле *тихий*» (Гончаров); «Потом мы прошли вдоль берегов *Белого озера*. Оно и вправду было *белое*, но со слабой синеватостью, как снятое молоко» (Паустовский).

Значение многих фразеологизмов представляется немотивированным, так как составляющие их слова не могут объяснить значение целостного оборота. Но если его элементы сталкиваются в контексте с омонимичными словами, фразеологизму возвращается прямое значение. Оно как бы наслаивается на значение фразеологическое. Взаимодействие этих двух смысловых планов порождает впечатляющий стилистический эффект, используемый писателями различных жанров для придания речи характерного рисунка: «Не встретив в ней противоречий, я кратко кончил свою речь: „Мой друг, *игра не стоит свеч!* И мною потушил все *свечи!*» (Вельтман); «В теории *собаку съел*, а здесь *не съел* он и *мышонка*» (Михалков).

4. Включение слова с заглохшей внутренней формой в антонимические отношения. Противопоставляются обычно слова, имеющие в своем значении качественный признак. Среди них на первом месте лексические единицы с цветовым и пространственным значением, но затем ставшие собственными именами. Противопоставление противоположных понятий уже само по себе — действенное средство усиления экспрессии слова. В тех же случаях, когда на глазах у читателя воскрешается внутренняя форма одного из членов противопоставления, экспрессия фразы и степень ее эмоционального воздействия еще более усиливаются. Такой прием широко распространен в публицистическом стиле и языке художественной литературы: «Мы встречались с вами на *белом снегу Черной грязи*» (Герцен); «*Черная* речка между *белыми* берегами, окаймленная кружевом прозрачного льда, текла медленно и лениво» (Андреев); «Как ты мне *близок, Дальний Восток!*» (Завальнюк). Ср. примеры, построенные на противопоставлении других понятий: «А

теперь полагается говорить о нем, понизив голос, и называть его „покойный Шубин“. Это было нелепо, несообразно. Он всегда был такой *беспокойный!*» (Платов); «*Живица*,— задумчиво повторил Андрей.— Хорошее слово. *Жи-ви-ца*. Вот видите, а на вид *сухое, безжизненное* дерево» (Гранин).

5. Сопоставление слова с другим словом того же семантического ряда. Слова группируются по тематическому признаку в различные семантические ряды. Широко представлен, например, семантический ряд со значением цвета. Если от таких слов образуются собственные имена, они, как мы уже видели, теряют цветовую семантику. Но о ней могут напомнить встречающиеся в том же контексте нарицательные слова, имеющие значение цвета. В результате такого соседства в собственном имени оживает внутренняя форма. В одних случаях она используется для усиления образности: «Керчане покажут вам лысую, изрытую раскопками гору..., с которой видна мутная *зелень* Азова, глухая *синева* Черного моря и *белесый* туман лермонтовской Тамани» (Паустовский); «Прямо перед нами по щебенчатому откосу цвели густыми *золотыми* брызгами кусты дрока, а позади дымилось и сверкало, как *синяя* бездна, *Черное море*» (Паустовский). В других — служит источником комизма: «Вы, Аркадий Николаевич, *стойте* между наукой и техникой, смотрите — *не садьте* между ними» (Гранин).

Аналогичной обработке может быть подвергнут и фразеологический оборот, в результате чего на фоне значения фразеологизма отчетливо проступает прямое значение слагающих его слов. Одновременное употребление устойчивого выражения в переносном и прямом смысле применяется для неожиданного поворота мысли, создания острой шутки, иронии: «Когда она заговорила о чернобурой *лисе*, муж смотрел на нее *волком*» (Кроткий); «Когда же он услышал, что пришедшая в гости старуха „*собака съела*“ на каких-то делах, он спрятал от нее своего любимого пса» (Чуковский).

6. Ложное этимологизирование. Существуют разные по происхождению, но в той или иной мере сходные по звучанию слова. Намеренное их сближение приводит к приписыванию одному из них ложной внутренней формы. Получается такой же стилистический результат, как и при оживлении подлинной внутренней формы. Для писателя в этом случае важен прежде всего эффект выразительности: «Не находите ли вы, начал Аркадий, что *ясень* по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и *ясно* не сквозит на воздухе, как он» (Тургенев); «Что,

Лука, старец лукавый, все истории рассказываешь?» (Горький).

Искусственность этимологического сближения нередко специально оговаривается авторами, что подчеркивает сознательность выбора приема: «У нас произносили не „капитал“, а „копитал“, производя *капитал* от слова „копить“» (Достоевский). Ср. также: «Совершенно случайно иностранное слово „спорт“ оказалось похожим на наше русское „спор“. В этом сходстве заключается большой смысл. Спортсмены *спорят*. Только они *спорят* не за столом, за чашкой чая, а на стадионе, в плавательном бассейне, на лыжне или на ледяной дорожке» (Светлов).

Ложная внутренняя форма иногда противопоставляется подлинной. Это производит особенно сильное впечатление: «Слово *плутократия* происходит от греческого слова *плутос*, что значит богатство. *Плутократией* называется господство капитала. Но если читатель, увлекаясь обольстительным созвучием, захочет производить *плутократию* от русского слова *плут*, то смелая догадка будет неверна только в этимологическом отношении» (Писарев).

7. Специально направленные замечания в контексте, оформленные в виде вставных конструкций. Вот, например, применение этого приема в полемической функции: «...неужели г. Слепов — и попалась же такая удачная фамилия! — серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе?» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 7, с. 85); «Статья г. Ф. Малова — чрезвычайно удачно выбравшего свой псевдоним — в воскресном (8 апреля) „Товарище“ потому и представляет из себя поучительное и характерное явление, что верно отражает это настроение» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 250).

Бывают случаи, когда внутренняя форма слова раскрывается общим смыслом контекста, содержанием произведения в целом. На такой основе строится, например, рассказ А. П. Чехова «Лошадина фамилия», в котором персонаж по ассоциации со словом *лошадь* вспоминает фамилию нужного ему чиновника.

Оживление внутренней формы — продуктивный и емкий стилистический прием. Он позволяет подчеркнуть смысловой вес слова и привлечь к нему внимание, освежает восприятие и усиливает выразительность.

С. А. ПУГАЧ

Рисунок С. Гавриловой

■

Мне дорог пример из Хлебникова не как достижение, а как дорога.

В. Маяковский

■

«С а м о в и т о е с л о в о» В. Хлебникова

Хлебников — русский советский поэт, представитель литературного течения футуризма (от лат. futurum — будущее). Футуристы требовали от поэзии современности, активности, обновления поэтического словаря и предельной силы выразительности. На деле же поэзия футуристов, лишенная глубокого содержания и далекая от жизни, была одной из разновидностей декадентства. Все поэтическое «бунтарство» футуристов ограничивалось лишь областью стихотворной формы. Хлебников писал: «Учитесь: на язык бросает тень будущее» (Цитируется по изданию: В. Хлебников. Собрание произведений. Т. 5. Л., 1933). Адресатом его поэтического творчества были не столько современники, сколько будущие поколения.

Об ошибках, преувеличениях, произвольности в построениях Хлебникова писали многие. Он сам именовал себя «узником созвучия», пронизировал: «Я слова божок». Но в то же время остро чувствовал «чары слова» и в своей «валяне слов» хорошо изучил их.

Понимание того, что сделано художником, мыслителем приходит к читателю порой не сразу. Для этого бывает нужно накопление опыта, развитие эстетических представлений, появление новых течений в науке и искусстве. И вот в наши дни оказывается, что его рассуждения о «заумном языке» и «самовитом слове» созвучны идеям современ-

ных теорий массовой коммуникации, речевого воздействия, звукового символизма. Поэт-будетлянин (будетлянство — хлебниковское название футуризма) по-своему разрабатывал теорию воздействия посредством речи, изучал источники ее силы, при этом обнаруживая неиспользованные резервы — «глухонемые пласты языка».

Языковед и сегодня найдет для себя много близкого и интересного в творениях Хлебникова, если внимательно и вдумчиво прочтает их. За сложностью и метафоричностью языка, условностью терминологии откроется самобытная система идей, до сих пор не потерявшая своей актуальности.

Исходные позиции, с которых Хлебников оценивал искусство слова, определял высокое назначение поэзии, таковы: «Одна из тайн творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь, и находить словам место на осях жизни этого народа».

У Хлебникова речь идет не только о красоте слова, языка, но о гораздо более важном — об идейном воздействии с помощью речи: «Общественные деятели вряд ли учитывали тот вред, который наносится неудачно построенным словом». (Нужно учесть, что у Хлебникова «слово», «словотворчество» часто понимается как «речь», «речетворчество»). И поэт волнуется: «Нет путейцев языка... Кто из Москвы в Киев поедет через Нью-Йорк? А какая строчка книжного языка свободна от таких путешествий? Это потому, что нет науки словотворчества». Здесь декларируется необходимость сознательного отношения к речи, рассчитанной на воздействие. Именно поэтому Хлебников резко разграничивал целенаправленную и естественную, произвольную речь: «Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли». Думая о целесообразно организованной речи, поэт осмыслил ее сущность через ее назначение — люди общаются, чтобы направлять друг друга в совместной деятельности: «Мы учим: слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами». Здесь уже учтена опосредствованность речевого воздействия, направленного прежде всего на сознание. Механизм эмоционального воздействия, основанный на подражании, на «заражении чувствами», когда определенные эмоции вызывают сходное переживание, был для Хлебникова ясен: «Искусство всегда хочет быть знаком душевного движения, властным призывать его» (В. Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940, с. 334). Оставалось выяснить, от чего зависит эмоциональная и идейная сила речи. В поисках ответа на этот вопрос Хлебников основное внимание сосредоточил на изучении роли слова как основной единицы речи. Предложение строится из слов, значения их объединяются, в итоге формируется содержание высказывания. Каким оно будет, за-

висит прежде всего от того, какие слова взяты. От этого же зависит воздействие, сила речи. Главное — в слове. В этом смысл того пафоса, с которым поэт утверждал «слово как таковое», «самовитое слово». Чтобы понять, как воздействует речь, нужно прежде понять, как воздействует слово, в чем его сила.

Основной фактор силы слова поэт видит в его образности. «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивают второй смысл». Здесь говорится об образности, связанной с появлением переносных значений у слов. Это могут быть и самые широко распространенные «орел» или «сокол» о человеке, и глубоко индивидуальные, сугубо хлебниковские «вещун слова», «путеец языка». Кстати, именно с помощью таких «вторых смыслов» Хлебникову удавалось передать свою безграничную и искреннюю веру в силу слова и речи:

Ты возницей стоишь
И слова гонишь бичом
Народов взволнованный круг...

Образность может быть связана и с прозрачностью «внутренней формы» слова. В стихах Хлебникова часто можно встретить слова: *плетень, копун, хват, темница, полоснуть, тайковидец*. Чтобы подчеркнуть их образность, поэт часто сопоставляет: *хват — хватать, взор — зрил — зазор, отточен — точен*. Он играет «внутренней формой», когда создает свои неологизмы: *будетляне, теоряне, словельщик, смеярышня*. Размышляя об этом факторе словесного воздействия, поэт пишет: «„Крылышкуя“ и т. д. потому прекрасно, что в нем, как в коне Трои, сидит слово ушкой (разбойник)... Крылышкуя скрыл ушкуя деревянный конь». Как видно Хлебников оставлял за собой, да и за читателем, большую свободу в осмыслении «внутренней формы» слов, открывая простор для «народной этимологии»: «Не есть ли число семь усеченное слово семья? Число пять можно выводить из слова пинки (распять, распинать)». Такие осмысления могут и казаться, и быть на самом деле произвольными. Но наличие, пусть даже неверно осмысленной, внутренней формы у слова — фактор его образности и силы.

Пожалуй, самое крупное открытие, сделанное Хлебниковым в процессе изучения факторов речевого воздействия, — это «заумный язык». Именно здесь вскрываются «глухонемые пласты языка». Речь идет о выразительности звуковой формы слова. Хлебников верил, что каждый звук имеет «значение», что звучание и значение слова накрепко связаны, что достаточно вскрыть это, и откроется бездна неиспользованных возможностей вырази-

тельности. Им был предложен своеобразный и остроумный метод изучения «значения» звука: «Если взять одно слово, допустим, чашка, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч». Ассоциативные связи звука со значениями этих слов, иногда как будто неуловимые, могут определять восприятие звука и его образность. Хлебников говорил об этом: «Слово живет двойной жизнью... То разум говорит „слушаюсь“ звуку, то чистый звук — чистому разуму».

Во всем, что сделано Хлебниковым в этом направлении, ошибочны лишь произвольные истолкования значений звуков. Принципиальные же положения в наше время нашли экспериментальное подтверждение и обоснование в работах советских исследователей «фонетического символизма» А. П. Журавлева и В. В. Левицкого (см.: А. П. Журавлев. Фонетическое значение. Л., 1974; В. В. Левицкий. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973). Они доказали, что звуки действительно имеют символическое значение. Читатель не обязательно осознает это, но скопление определенных звуков может вызвать при восприятии текста особую реакцию. Таким путем можно, как об этом пишет А. А. Леонтьев, управлять восприятием текста и даже «диктовать» читателю оценку содержания речи (см.: А. А. Леонтьев. Слова «холодные» и «горячие». — «Наука и жизнь», 1974, № 4, с. 78). Прямо об этом же в начале двадцатых годов говорил и Хлебников: «Если различать в душе правительство рассудка и бурный народ чувств, то заговоры и заумный язык есть обращение через голову правительства прямо к народу чувств».

Особенно важно то, что подтверждается роль выразительности звуковой формы слова, яркость и образность звучания, взаимосвязь символики звуковой формы и значения слова увеличивают его действенность. Примеры таких слов приводит А. П. Журавлев в книге «Фонетическое значение»: *дылда, жуть, кошмар, любовь, очарование, хляк, хлюпик, хрыч* и т. п.

Определив некоторые важные факторы силы слова «как такового», Хлебников попытался ответить на вопрос, от чего зависит сила конкретного употребления слова. «Сила слова (если найти величину), — записывает он, — походит на действие луча на пороховой погреб под большой столицей... Детонация зависит не от силы, а от меры (точности) — шаг пехотинца разрушает мост, по которому он идет». Здесь схвачено нечто важное: воздействие может быть скрытым, завуалированным, большой эффект возникает часто за счет вроде бы слабых слов. И точность обозначения

играет здесь главную роль, затем целесообразная эффективность, экономность, когда максимум выразительности достигается за счет минимума средств, ибо «песня родственна бегу, в наименьшее время надо слову покрыть наибольшее число верст образов и мысли!».

Итак, опыт поисков Хлебникова очень интересен. До сих пор актуальны открытия поэта: важнейшие факторы силы «слова как такового» — звуковая, морфологическая («внутренняя форма») и смысловая (перенос значения) образность слова; факторы силы слова в контексте — точность и экономность употребления, иногда — скрытность эффекта воздействия.

Хлебников думал о многом. Ошибался, иногда проходил мимо важных проблем и задач, не на все вопросы успел найти ответ. Остались строки: «Каменский в прекрасной вещи „Стенька Разин“ искусно работал над задачей так разместить на цветущем кусте сто соловьев и жаворонков, чтобы из них вышел Стенька Разин». Это одна из попыток ответить на вопрос, как «самовитое слово» живет в речи, как объединяется сила слов и создается содержание и сила текста. В написанном — нераскрытая тайна и предчувствие открытия. Достижения нет, но есть дорога.

В. А. МАРИНЧАК
Харьков

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

I. В предложенных для анализа отрывках из произведений Льва Толстого определите значение слова *море*. Какую роль в выявлении образа играет контекст?

Вот несколько примеров из романа «Анна Каренина» и из повести «Смерть Ивана Ильича»: «Алексей Александрович думал тотчас стать в те холодные отношения, в которых он должен был быть с братом жены, против которой он начинал дело развода; но он не рассчитывал на то *море* добродушия, которое выливалось из берегов в душе Степана Аркадьича» (Анна Каренина, ч. IV, гл. VIII); «Но эти неприятные известия потонули в том *море добродушия и веселости*, которые всегда были в нем и особенно усилились Карлсбадскими водами» (ч. II, гл. XXXII); «Она еще издали почувствовала приближение мужа и невольно следила за ним *в тех волнах толпы*, между которыми он двигался... Он смотрел прямо на нее, но

не узнавал жены в море кисей, лент, перьев, зонтиков и цветов...» (ч. II, XXVIII); «Для него она была единственным островом не только доброго к нему расположения, но любви среди моря враждебности и насмешки, которое окружало его» (ч. V, XXIV).

В семейной жизни Ивана Ильича (Смерть Ивана Ильича) «...ссоры всякую минуту готовы были разгораться. Оставались только те редкие периоды влюбленности, которые находили на супругов, но продолжались недолго. Это были островки, на которые они приставали на время, но потом опять пускались в море затаенной вражды, выражавшейся в отчуждении друг от друга».

II. Глаголы *надеть*//*снять* в условиях художественного контекста могут составлять антонимическую пару. Какими речевыми средствами Лев Толстой создает сатирический образ, используя антонимы *надеть*//*снять*?

В повести «Смерть Ивана Ильича» к больному приезжает доктор «...с тем выражением — что вот вы там чего-то напутали, а мы сейчас вам все устроим. Доктор знает, что это выражение здесь не годится, но он уже раз навсегда *надел его и не может снять*, как человек, с утра надевший фрак и едущий с визитами».

III. Развернутое двух- или трехчастное сравнение (так пазываемый «семантический комплекс») находит широкое использование в языке художественной литературы. Определите речевые средства выражения подобного приема в произведениях Льва Толстого.

1. «Разговор между обедавшими... не умолкал, где скользя, где цепляясь и задевая кого-нибудь за живое. Один раз Дарья Александровна была задета за живое и так разгорячилась, что даже покраснела... продолжал Вронский, очевидно, почему-то затронутый за живое этим разговором».

2. «Как и во всех местах, где собираются люди, так и на маленьких немецких водах, куда прибыли Щербацкие, совершилась обычная как бы кристаллизация общества, определяющая каждому его члену определенное и неизменное место. Как определенно и неизменно частица воды на холоде получает известную форму снежного кристалла, так точно каждое новое лицо, приехавшее на воды, тотчас же устанавливалось в свойственное ему место».

Фюрст Щербацкий замт гемалин унд тохтер, и по квартире, которую заняли, и по имени, и по знакомым, которых они нашли, тотчас же кристаллизировались в свое определенное и предназначенное им место» (Анна Каренина).

ВЕВЕРЛЕЙ

и история его имени

Редакция «Русской речи» получает много писем, авторы которых обсуждают вопросы написания по-русски иноязычных имен собственных. Хотя в письмах затрагиваются разнообразнейшие вопросы, все же их можно сгруппировать в две категории: авторы одних желают упразднить все традиционные написания и максимально приблизить русское звучание собственных имен к иноязычному оригиналу, другие, наоборот, стремятся сохранить традиции, закрепленные и освященные вековым употреблением.

Г. Грищук из Воронежа пишет: «Название первого, принесшего автору славу, романа В. Скотта всегда переводилось „Веверлей“, но вот в собрании сочинений писателя в 20-ти томах имя героя переведено как Узверли... Необходимо бережно относиться даже к неверным транскрипциям имен собственных, но уже достаточно прочно закрепившимся в русском языке. В правильном, стабильном написании имен собственных практически заинтересованы как издатели, так и читатели».

О написании иноязычных собственных имен

Если спросить любого школьника или студента, кто такой *Веверлей*, то он, очевидно, не задумавшись, ответит, что это тот самый чудак, который, не умея плавать, купаться пошел. Но едва ли кто знает подлинную и причудливую историю Веверлея и его имени. Английское слово *Waverley* (в русской транскрипции прошлого века *Веверлей*) — название романа В. Скотта, анонимно изданного им. Следующий свой роман он подписал «автор Веверлея», а затем в качестве автора фигурировал уже Веверлей, до тех пор пока В. Скотт не счел возможным выступать в печати под собственным именем. Поэтому творчество раннего Скотта называется *Веверлейским периодом*, а ранние романы — *Веверлейским циклом*. Безусловно, новое написание имени героя в русском языке вуалирует ставшее терминологичным сочетание *Ве-*

серлейский цикл. Заглавный герой романа «Веверлей» не ходил купаться и не был женат на Доротее, как об этом говорится в фольклоре наших дней. Но и этот фольклор имеет свою историю. Интересно и следующее: будучи единожды использованным для литературных мистификаций, имя *Веверлей* и впредь их порождало.

В 1926 году вышла в свет маленькая книжечка «Парнасс дубом». Действительные авторы ее не были известны, а на внутренней стороне обложки был перечислен длинный список, включавший Гомера, Пушкина и многих других знаменитостей от сотворения мира до тех дней. Имена авторов этой литературной мистификации стали известны лишь недавно. В книжечке было напечатано общеизвестное стихотворение о Веверлее, а далее шли стилизованные переложения этой темы в манере Гомера, Пушкина, Некрасова и других поэтов.

Пошел купаться Веверлей,
Оставил дома Доротею,
На помощь пару пузырей
Берет он, плавать не умея.
Его постиг печальный рок:
Хотел нырнуть он с головою,
Но голова тяжеле ног,
Она осталась под водою...

Но и на этом приключения Веверлея в России не кончились. Образ его и имя недавно снова были использованы в литератур-

ной пародии (см. «Литературную газету», 13 октября 1976; пародист Г. Борисов). А. Вознесенский обыграл бы эту тему так:

Сосед мой Веверлей Букашкин,
Бухгалтер цвета промокашки,
Напялив белые штаны,
Идет купаться без жены.

Выписка из протокола:
«В воду вошел, как кол он,
Ноги остались торчать».
Подпись, число, печать...

А. Межиров написал бы о Веверлее так:

Мне часто снятся мотоциклы
«ИЖ», «Ява», «ИндIAN», «Харлей»,
Но нет, он не работал в цирке
Иван Петрович Веверлей...
И вот однажды на рассвете,
Уйдя купаться на канал,
Он утонул; девочку этим
Он, прямо скажем, доконал...

Все это свидетельствует о том, что двойник скоттовского Веверлея прекрасно прижился в России. Ну а как же быть с подлинным? Еще раз обратимся к школьникам и студентам, которые знают песенку и заглядывали в сочинение Скотта. Они утверждают, что *Веверлей* — это совсем не то, что *Уэверли*, и что в новом издании В. Скотта просто невозможно было оставить традиционное *Веверлей*. Добавим кстати, что имя самого Скотта в указанном издании сохранено как *Вальтер*, хотя по современным правилам транскрипции следовало бы дать *Уолтер*.

Остановимся также на русской передаче английского w. Полагается писать *y* во всех случаях, кроме традиционных и кроме тех, где *w* оказывается в положении перед *y* (*Вулф*, а не *Уулф*): *Тауэр*, принц *уэльский*, Джеймс *Уатт*, но *Вашингтон*, *Вестминстер*, *виндзорские* кумушки (хотя географическое название транскрибируется *Уинсор*), ружье «*Винчестер*» (хотя город стал *Уинчестер*).

Тов. Гришук обвиняет редакторов в небрежном отношении к вопросу транскрибирования собственных имен, однако дело обстоит как раз наоборот. Каждая новая транскрипция — это результат сверхбережного отношения к именам. Например, фамилию ирландской писательницы Марии *Эджворт* стали в последние годы писать *Эджуорт*. А ведь еще точнее было бы *Эджуэрт*. Кстати, в фамилии *Вордсворт* тот же второй компонент (*worth*), сле-

довательно, она должна стать *Уэрдсуэрт*. Однако этого не происходит, поскольку имена связаны с культурой и культурной преемственностью. В свете этого представляется, что если имя писательницы *Остен* уже печаталось так в романе «Гордость и предубеждение» (М., 1967; ср. в «Краткой литературной энциклопедии» *Остин*), то едва ли следовало писать его как *Оустен* в книге «Теккерей — сатирик» (автор В. В. Ивашева).

Здесь мы приходим к самому неожиданному выводу: стремясь бережно относиться к иноязычным именам и передавать максимально близко их звучание, мы как бы обрываем нити преемственности, связывающие наш сегодняшний день с прошлым. Как правильно отмечает Г. Грицук, «написание иностранных имен должно быть максимально приближено к их подлинному звучанию». Но ведь именами зарубежных деятелей культуры мы пользуемся давно, а оптимальные правила передачи тогда еще не существовали. Обращаясь к той сумме научных и культурных знаний, которыми располагает человечество сегодня, мы невольно пользуемся теми формулировками, которые были созданы вчера. А вчера многое звучало не так и писалось не так.

Р. А. Петерс из Свердловской области пишет: «Название столицы Италии на всех европейских языках пишется (и произносится) через *o*. Ведь географические названия на всех языках звучат сходно, так почему в данном случае возникает такое грубое искажение — *Рим?*». Действительно, по-итальянски это название произносится *Рома*, по-немецки и по-шведски — *Ром*, по-английски — *Роум*. Наше русское *Рим*, каким бы грубым искажением ни казалось оно сегодня, возникло не по чьей-то прихоти и не по чьему-либо злему умыслу. Как полагают, в древние славянские языки это название перешло через посредство древнегерманских наречий.

Исторический путь, который проделало название, пока пришло к нам, сказался и на его содержании. В старых славянских текстах наряду с *римьскъ*, *римлянинъ* встречаются и формы *роумьскъ*, *роумин*, при этом последние варианты нередко относились к грекам. Вспомним, что в 364 году Римская империя раскололась на Западную Римскую (собственно Рим с близлежащими провинциями) и Восточную Римскую, или Византию. Поэтому на известном этапе *римским* называется византийское, связанное не столько с языком Византии того времени, сколько с византийской культурой.

Расположенная неподалеку от современной Греции страна, возникшая когда-то как отдаленнейшая провинция Рима, как ме-

сто, куда высылали преступников, называется у нас *Румыния*. В этом названии ясно просвечивает название Рима в одном из его древних вариантов *Рум* (ср. на Кавказе *Рум-гора*, названная так по близлежащей византийской фактории). Второй гласный в слове *Румыния* мы произносим *ы*, в ряде славянских языков это название произносится *Румуния* (обратим внимание на соответствие *у* и *ы*), в некоторых западных — *Romania*, ясно сохраняя слово *Roma*. Современные нам румыны с гордостью говорят о том, что они потомки древних римлян.

Как видно из этого небольшого обзора, чем древнее название, чем больше оно путешествовало от народа к народу, тем сложнее те исторические изменения, которым оно подвергалось в языках, через которые оно прошло и в которые было заимствовано. Эти искажения, какими бы странными ни казались человеку, воспитанному в век радио, телевидения, звукового кино, в древние времена были неизбежны и закономерны.

Давайте попробуем представить себе, как выглядела бы наша речь, если бы все старые традиционные имена были переделаны в соответствии с их подлинным современным звучанием в языке-источнике.

— Где ваш папа?

— Уехал в *Рому* снимать *Колоссео*. Возможно, оттуда он поедет в *Хеллас* снимать *Акрополис*. Он готовит повый фильм для фестиваля в *Уиллу*.

Быть может, наши потомки в XXI веке и будут говорить именно так. Но тогда для них наши *Рим*, *Колизей*, *Греция*, *Акрополь*, *Осло* канут безвозвратно в Лету, и, чтобы читать наши современные книги, им понадобятся многочисленные словари. Ведь если мы будем писать вместо привычного *Флоренция* — *Фиренце*, вместо *Генуя* — *Дженова*, вместо *Корсика* — *Корс*, вместо *Испания* — *Эспанья*, вместо *Норвегия* — *Норье*, вместо *Англия* — *Ингленд*, вместо *Париж* — *Пари* и т. д., непонятными станут их производные: *флорентийская школа живописи*, прозвище Наполеона *Корсиканец*, *генуэзские крепости*, *испанские гранды*, *норвежские сельди*, *английский сплин*, *парижские моды*, *римское право*, *венские стулья*, *шотландские овчарки*, *ирландские сеттеры* и т. д.

Имя собственное как отражение и продукт культуры вбирает в себя и концентрирует огромную экстралингвистическую информацию, которую невозможно передать иными словами. Если имя собственное общеизвестно, оно обычно образует значительное количество производных слов, словосочетаний, фразеологизмов. Например: *разъезжать по Парижам* (по столицам мира), *парижанин*, *парижанка*, *Парижская Коммуна*, *парижский шик*, *парижские моды* и т. д. Таким же образом от названия столицы Нидерландов

города *Гаага* образованы: *Гаагская конвенция*, *коньки гаги* (гаа-ги), *Гаагский конгресс*, *Гаагское соглашение*, *Гаагская конференция*.

Подобные выражения и сочетания сделаются обескровленными, лишенными почвы, если заменить традиционное *Париж* на *Пари* (в последнем случае даже трудно образовать прилагательное, невозможно склонять) или *Гаага* на *Ден-Хаг* или *с'Гравенхаге* (в нидерландском языке это название употребляется в двух вариантах; происходит оно от основы *хаг* 'загород', 'забор', 'огороженное место', ср. наше *город* от основы со значением 'городить', 'огораживать').

Не случаен и тот факт, что традиционными бывают, как правило, очень давние названия. При этом возможны самые разнообразные случаи. Название итальянской реки *По* в ряде славянских языков принято в традиционной форме *Пад*. Но так река называлась и в самой Италии много веков назад. Оказывается, славяне сохранили более древнюю форму ее названия. Современное французское *Марсей* в XVII—XVIII веках звучало по-французски *Марсель*, в такой форме оно и вошло в русский язык. Сравните его производные: *марселец*, «*Марсельеза*».

Названия стран обычно традиционны все и во всех языках. Это наиболее старые заимствования. Они связаны с названием языка и народа. Порой даже не ясно, что первично — название государства или народа, его населяющего: *Португалия* — *португальцы*, *Бельгия* — *бельгийцы*, *Италия* — *итальянцы*. Ср. названия соответствующих языков (*португальский*, *итальянский*), хотя абсолютного параллелизма здесь нет, поскольку в одной стране говорят на нескольких языках (Бельгия, Швейцария), а один язык, например немецкий, является государственным в нескольких странах: ГДР, ФРГ, Австрия, Швейцария, Бельгия.

Современные русские названия стран (*Испания*, *Швеция*) образованы по новолатинской модели с окончанием *-ия*. Она выработалась в переводческих приказах и канцеляриях и вытеснила прежние образования типа *Испанское королевство*, *Сведское королевство*. Большинство русских названий на *-ия* не соответствует подлинным: *España*, *Sverige*. По этой же модели образовано в русском языке название государства *Бразилия* при местном (португальско-бразильском) *Brasil*.

За последние 10—15 лет во всем мире большое внимание уделяется написанию имен собственных. Организация Объединенных Наций провела три конференции по стандартизации географических названий. Речь идет о едином написании всех географических

названий во всех странах. С этой целью изучаются многие проблемы, привлечены сотни экспертов, исписаны тысячи страниц.

Однако не все здесь так просто. Начнем с того, что в разных частях земли люди пользуются разными системами письменности. Эксперты ООН считают, что лучше всего представить нелатинские системы письма в латинской транслитерации, составленной по единому принципу. Но и это не просто из-за различных принципов, лежащих в основе отдельных систем письма, тем более, что латинский алфавит далек от совершенства.

При сопоставлении латинского алфавита со славянским кириллическим эксперты подчеркивают преимущества последнего. Однако латинский алфавит имеет более широкое распространение на земном шаре, поэтому на латинскую основу в известной мере проще, чем на кириллическую, перевести прочие графические системы.

Один из самых серьезных вопросов, стоящих перед экспертами ООН,— отношение к древним, общеизвестным традиционным названиям. Недавно для них был предложен термин *экзонимы*, созданный английским географом Оруссо. Термин, на наш взгляд, не вполне удачный. Он происходит от греческого слова *экзо* 'вне', 'снаружи' и *оним* 'имя'. Очевидно, имеется в виду произношение имени вне, за пределами той территории, на которой расположен именуемый объект, например русское *Рим* и английское *Роум* при итальянском *Рома*. Экзонимы оказались камнем преткновения для экспертов. Если стандартизировать название в его местной форме, то надо отказаться от традиционных *Рим*, *Париж*, *Вена*, однако многие объекты широко известны именно под своими традиционными именами, отличными от местного произношения. Вспомним, как в разных странах называется наша *Москва*: англ. *Moscow*, нем. *Moskau*, франц. *Moscou*. Интересно и то, что все эти формы хранят насколько возможно точно основу прилагательного *московский*.

Мнения экспертов разделились: объявить жестокую борьбу традициям — значит порвать все культурные нити, связывающие современность с прошлым. Сохранить традиции — значит закрепить ту диспропорцию, которая наблюдается между местным (обычно менее известным) и иностранным произношением названий крупных географических объектов. Что важнее? С одной стороны, ООН ратует за сохранение мировых культурных ценностей и традиций, с другой стороны — за единство написания географических названий во всем мире. Противоречие это, кажется, не имеет рационального разрешения.

В нашей стране издавна сложилась традиция бережного отношения к иноязычным именам. Но столь же бережно и отношение

к традиционным названиям. Представляется, что в настоящее время не может быть единого отношения ко всем ранее известным транскрипциям. Однако менять их следует очень осторожно и лишь в случае крайней необходимости.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

Рисунок Б. Захарова

Кинофестиваль в КАННЕ или в КАННАХ?

Название местечка рядом с Ниццей, которое упоминал Ф. Шалпини в письме М. Горькому (19 января 1912): «Сейчас здесь, в Cannes, живет М. И. Терещенко», — стало общеизвестным благодаря проводимым здесь международным кинофестивалям. Они традиционно устраиваются обычно в мае конца 40-х годов и стали крупным событием мировой культурной жизни; их главный трофей — пальмовая ветвь признается одной из самых желанных кинематографических наград.

Название это естественно передать с ориентацией на письменную французскую форму и по типу русских имен *Броды*, *Крестцы*, *Гагры*. В романе авторитетного стилиста и знатока русского языка А. Крона читаем: «У меня был талант. Я мог лечить людей или сделать что-то для науки. Вместо этого у меня есть счет в банке, два дома в Акроне, штат Огайо, и вилла в *Каннах*» (А. Крон. Бессонница. — «Новый мир», 1977, № 6). Ср. примеры из периодики: «Серьезный экзамен перед турниром УЕФА — неофициальным первенством Европы по футболу предстоит выдержать юношам — участникам сборной СССР во французском городе *Канны*» («Правда», 1 апреля 1969); «На юге Франции в местечке Мужен, недалеко от города *Канны*, 8 апреля скончался Пабло Пикассо» («Известия», 9 апреля 1973). Такую же нормативную форму находим в статье известного кинорежиссера М. Донского «Высокое призвание искусства»: «Я недавно вернулся из *Канн*, где был членом жюри на кинофестивале» («Литературная газета», 1972, № 35).

Однако в целом авторы многочисленных сообщений, связанных с кинофестивалями, упорно узаконивают иную форму: «Седьмой международный кинофестиваль в городе *Канн*» («Известия», 14 ап-

реля 1954); «На вынешнем фестивале в *Канне* представлены 24 конкурсные полнометражные картины» («Известия», 13 мая 1966); «В небольшом средиземноморском городке *Канне* недавно проходил очередной международный кинофестиваль» («Правда», 10 июня 1966); «Фестиваль в *Канне* чем-то похож на пеструю ярмарку» («Неделя», 1966, № 21); «Я продолжал размышлять о том, где видел это лицо, слышал этот голос. *Канн...* Кинофестиваль» («Литературная газета», 1968, № 17); «*Канн*, 1955 год. Последние дни традиционного фестиваля» («Советская культура», 15 августа 1972); «Международный кинофестиваль в *Канне* 1972 года общей своей атмосферой напоминал прошлое» («Литературная газета», 1972, № 23); «*Канн* по-прежнему остается одним из представительных международных киносмотров» («Литературная газета», 1974, № 25); «Внешне за год, прошедший между двумя фестивалями, в *Канне* мало что изменилось... В главном зале Дворца кино и на кинорынке — во всех больших и малых кинотеатрах *Канна* с утра до поздней ночи крутились новые фильмы...» («Литературная газета», 1975, № 25); «На днях в *Канне* закончился международный кинофестиваль. В нынешнем году он был для *Канна* тридцатым, юбилейным. В этом году *Канн* привлек рекордное число журналистов» («Литературная газета», 1976, № 23).

За кинорепортерами последовал и переводчик связанного с кинематографом романа «Вечер в Византии» американского писателя И. Шоу: «Несколько лет назад она получила в *Канне* премию, но в этом году, судя по улыбке, никаких иллюзий не питает... *Канн* он помнил другим... В *Канне* ведь все возможно... Пусть хоть сегодня *Канн* помнит, что он должен быть похожим на одно из полотен Дюфи...» (И. Шоу. Вечер в Византии. Перевод с англ. К. Чугупова.— «Иностранная литература», 1975, № 9). Форма *Канн* стала распространяться на общее употребление, и не связанное с тематикой кино: «Этот метод решили испробовать на аэродроме города *Канна*» («Известия», 2 января 1975); «Они с Ги улетели в *Канн...* Просила передать вам, что они в *Канне...* Она не сказала, зачем они отправились в *Канн?*» (Дж. Олдридж. Розы и оружие. Перевод с англ. О. Сороки.— «Иностранная литература», 1975, № 3); «На центральной улице приморского города *Канна* трое юношей избивали старика. Рядом шумела толпа прохожих, но никто не пришел ему на помощь» («Известия», 27 апреля 1977).

Важнейшей причиной появления формы *Канн* и ее стихийного укоренения речевой практикой вместо нормативной *Канны* явилось, несомненно, желание избежать омонимии названия курортного местечка на юге Франции с названием селения *Канны* на юго-востоке Италии (латинское *Саннае*, -*āgum*, f.; ныне — *Санпе*). Последнее закреплено как историзм в сочетании *битва при Каннах*

и нередко в переносном значении: «...Маневра, намеченного Шлиффеном в его теоретических „Каннах“»; «Немецкая военная литература старается придать самсоновскому поражению вид шлиффеновских рецептурных „Канн“»; «...Между анцибаловскими *Каннами* и гинденбургским Танненбергом нет никакого ни по форме, ни по идее сходства»; «Германское командование не имело никаких оснований венчать себя лаврами Ганнибала и провозглашать Танненберг „Новыми *Каннами*“...» (Н. Яковлев. 1 августа 1914. М., 1974). Высмеивая ошибки в книге «Миранда» [серия «Жизнь замечательных людей», выпуск 20 (414)], А. Михайловский и В. Сергеев в реплике «История с историей» замечают, что автор назвал *Канном* «мало кому не известные» *Канны*, близ которых «знаменитый полководец Карфагена Ганнибал в 216 году до н. э. наголову разбил меньшими силами многочисленные легионы римлян, обойдя их с флангов и тыла»; они рекомендуют не подменять *Канны* «городком *Канн* на юге Франции» («Правда», 29 января 1966).

Французские *Канны* именовать *Канном* и не смешивать их таким образом с *Каннами* итальянскими заманчиво, но влечет за собой возможность новой географической путаницы уже в пределах Франции. Ведь *Каном* (правда, орфографически с одним *н*, что, впрочем, вряд ли отличает в русском произношении это название от *Канна* с двумя *н*!) называется крупный французский город, университетский центр в Нормандии — Саен: «Марата заколола в ванне женщина, прибывшая нарочно из *Кана*, чтобы совершить это преступление» (А. Франс. Боги жаждут. Перевод с франц. Б. Лифшиц. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 6. М., 1959); «И только недели две спустя после взятия *Кана*... австралийский журналист признался, что было рекомендовано избегать тесного общения со мной... Высадившись почти месяц назад — 6 июня — войска союзников захватили дорогу Шербур-Карантан-Байе-*Кан* ...*Кан* — крупнейший город провинции и важный узел дорог — все еще был так же далек, как и в первый день вторжения» (Д. Краминов. Длинный штык войны.— «Октябрь», 1974, № 11). Ср. малооправданное написание и этого названия с двумя *н*: «За ним наблюдают сто врачей и инженеров, специально приехавших в *Канн*, чтобы присутствовать при проведении интересного опыта» («Литературная газета», 1968, № 30).

Нет сомнения в том, что нормандский город следует называть *Кан*, а итальянское местечко — *Канны*. Напомним также о ботаническом термине *канна*, преимущественно применяемом в форме множественного числа *канны*. Это название вида тропических растений с широкими листьями и яркими красными или желтыми цветками легендой возводится к битве при Каннах. Но исторически оно связано с новолатинским названием тростника, камыша (*сап-*

па), лежащим, вероятно, и в основе топонима *Канны* в Италии. Сложнее дать рекомендацию относительно французского кинофестивального курорта, хотя ясно, что наблюдающийся разнобой следует прекратить. При всем желании сохранить традиционную для таких случаев форму *Канны* целесообразно все же признать нормой новую форму *Канн*. Написание с двумя *n* отличает это название, по крайней мере на письме, от названия *Кан*, а единственное число устраняет риск его смешения с названием *Канны*.

Нельзя здесь не вспомнить о тенденции современного русского словоупотребления решительно упорядочивать передачу иноязычных названий и имен. Эта тенденция, сплошь и рядом нарушая традиционные правила и даже меняя исторически установившиеся формы, базируется на соображениях целесообразности в общении или речевого удобства. В большинстве случаев при этом торжествует форма, наиболее близкая к произношению слова-оригинала. Так, вместо привычного по школьным учебникам географии *Лос-Анджелоса* мы все чаще встречаемся с *Лос-Анджелесом*: «В *Лос-Анджелесе* началось новое расследование обстоятельств убийства сенатора Кеннеди в июне 1968 года» («Известия», 21 августа 1975); «В *Лос-Анджелесе* закончил работу 27-й конгресс Международной Федерации астронавтики» («Правда», 19 октября 1976). Ср.: *Холливуд* вместо *Голливуд*: «Президент Джеральд Форд, выступая на пресс-конференции в *Холливуде* (...), высказался за предоставление дополнительной американской военной помощи...» («Правда», 28 февраля 1975); *Ганга* вместо *Ганг*: «Некий князь жил на берегу великой *Ганги* жизнью воинственного государя» (Г. Гессе. *Игра в бисер*. Перевод с нем. Д. Каравкиной и Вс. Розанова. М., 1969) и т. д. Интересны такие написания: «Статья в еженедельнике „*Хорицонт*“» («Правда», 1 сентября 1976; ср. русское *горизонт*); «немецкая газета „*Айнхайт*“» («Правда», 18 января 1975; старая и привычная передача этого слова — *эйнхейт*) и т. д. Отчасти эту тему мы затрагивали в заметке «*Трейлер* или *грайлер*? Или все-таки *прицеп*?» («Русская речь», 1976, № 5), где приводили и другие примеры.

Преобразование формы *Канны* от французского Cannes в *Канн* находится вполне в русле торжествующей ориентации на производительную норму (а не на письменную!) языка-источника. Это служит важным аргументом в пользу признания правильным для обозначения места международных кинофестивалей слова *Канн* (наряду с учетом сложившейся практики и необходимостью преодолеть смешение с другими названиями — *Кан* и *Канны*).

Так же действуют сейчас и законодатели-кодификаторы, проводящие унификацию и регламентацию географических названий в словарях, справочниках, атласах и энциклопедиях. Впервые выска-

занная рекомендация была закреплена в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» (издание второе, переработанное и дополненное; М., 1967); *Канн, -а* (Франция, юг)... *Кáнны, Канн* (Италия)... *Кан, -а* (Франция, север); находим ее в «Большой Советской Энциклопедии» (изд. 3-е, т. 11. М., 1973), в «Энциклопедическом словаре географических названий» (М., 1973), в «Атласе мира» (М., 1975). Остается лишь пожалеть, что не все редакторы и корректоры следуют предписаниям, уже четко сформулированным.

В. Г. КОСТОМАРОВ

Москва

Какого рода ЦУНА́МИ?

В русском литературном языке XIX и даже начала XX века сотни существительных испытывали колебание в роде, например: *ботинок* и *ботинка*, *браслет* и *браслета*, *коленка* и *коленко*, *жабб*, ср. и м., *фиаско*, ср. и м., *портмоне*, ср. и м., *госпиталь*, м. и ж., *кадриль*, ж. и м., *тополь*, м. и ж., и многие другие. В современном языке насчитывается несколько десятков имен, не имеющих однозначной родовой характеристики, хотя вариантность грамматического рода в русском языке в целом явление убывающее. Как в устной, так и в письменной речи можно встретить: *вольер* и *вольера*, *заусеница* и *заусенец*, *клавиша* и *клавиш*, *лангуст* и *лангуста*, *манжет* и *манжета*, *надолб* и *надолба*, *приступок* и *приступка*, *проток* и *протока*, *рей* и *рея*, *ставень* и *ставня*, *унт* и *унта* и т. п. Впрочем, у имен с выраженными морфологическими показателями (на твердый согласный звук — мужской род, на *-а* — женский, на *-о* — средний) варьирование в роде не является продуктивным и постепенно отмирает.

В тех же случаях, когда колебания продолжаются, родовые варианты часто приобретают функциональную специализацию. Так, вариант *спазм* характерен для современной научной и профессиональной речи медиков (в научно-популярных журналах «Здоровье», «Наука и жизнь» и т. п. обычно употребляется имен-

ло эта форма). В художественной литературе, напротив, чаще встречается *спазма* (зафиксирован у Л. Толстого, Достоевского, Боборыкина, Короленко, Скитальца, Брюсова, М. Горького, А. Н. Толстого, Гарина-Михайловского, Леонова, Серафимовича, Шолохова, Павленко, Катаева, Паустовского, М. Кольцова, Березко, Пермитина, Гранина, Лаптева, С. Смирнова и др.).

Не у всех разрядов существительных установление грамматического рода является делом простым и очевидным. Многие имена с невыраженными морфологическими показателями, например существительные на *-ль*: *вегеталь*, *вылужоль*, *гонобобель*, *стпель*, *сташоль* и т. п., а также несклоняемые заимствованные слова (*авеню*, *баккара*, *виски*, *кофе*, *пенальти* и др.) обнаруживают не только колебания в роде, но и представляют значительные трудности при выборе правильной, нормативной формы (*широкоз* *авеню* или *широкая авеню*?).

Известно, что в современном русском языке грамматический род неодушевленных существительных чаще всего определяется формально, по окончанию, то есть независимо от характера обозначаемого предмета или явления и лексического значения слова. Прямая содержательная мотивировка грамматического рода уже давно утрачена. С точки зрения смысла, необъяснимо, например, почему *живот* — мужского рода, а *пузо* и *брюхо* — среднего, *вяз* и *клеи* — мужского, а *сосна* и *осина* — женского. «У подавляющего большинства имен существительных, — замечал академик В. В. Виноградов, — у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники» (В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, с. 58).

С точки зрения «языковой техники», по формальному признаку, все несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду (исключения немногочисленны: *кофе*, *сирокко* — мужского рода, *кольраби*, *салями* — женского). Естественно, это общее правило распространяется и на несклоняемые неологизмы: *бикини*, *липси*, *манки*, *сиртаки*, *цукки* и т. п. Хотя словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971) и предлагает для большей части подобных неологизмов именно такую родовую характеристику — средний род (исключения: *сиртаки*, м., иногда ср.), в современной речи они употребляются то в одном, то в другом грамматическом роде.

Возьмем слово *цунами*. Средний род: «цунами, возникшее в Тихом океане» («Сельская жизнь», 6 августа 1972); «крупнейшее цунами обрушилось» («Социалистическая индустрия», 22 марта 1970); «туристское цунами, заставшее нас врасплох, пагубно скаывается на сохранности природы» («Литературная газета», 30 января 1974); женский род: «та же цунами слизнула и весь поселок» («Литературная газета», 25 сентября 1974); «цунами шла» (В. Мезенцев. Энциклопедия чудес).

Ненормативное употребление наблюдается и у других неологизмов. Слово *липси* согласно общему правилу должно относиться к среднему роду. Нередко, однако, мы слышим: *модный липси*. Ср.: «Им [молодым] все одно плясать — что барыню, что модный липси» (В. Кузнецов. Молодые).

Как объяснить эти реальные факты колебаний в роде у слов-неологизмов, не имеющих традиционной вариантности, то есть не унаследовавших двоякое выражение рода от старого строя языка? Очевидно, что для современного состояния русского литературного языка влияние грамматического рода слова в языке-источнике (этот фактор служил причиной возникновения многих родовых вариантов в XVIII—XIX вв.) не имеет существенного значения. Ведь никто из говорящих не восстанавливает (да это и не всегда возможно сделать) исконный грамматический род таких заимствований, как *бикини*, *липси*, *цунами* и т. п.

Причина родовой вариантности слов-неологизмов заключается в ином. Оказывается, немотивированность (бессодержательность) категории рода и принципиальная независимость формальных родовых характеристик от содержания (значения слова) проявляется в чистом виде лишь при рассмотрении изолированного слова в его отношении к обозначаемому. Но родовая принадлежность слова часто мотивируется с содержательной стороны косвенно, определяется с точки зрения смысловых и словообразовательных связей между словами. Непосредственная немотивированность рода у заимствованных несклоняемых существительных часто предрасполагает к подсознательному (а иногда и осознанному) подведению слова с конкретным значением под более общее, родовое понятие. И родовая характеристика слова, обозначающего это понятие, переносится на еще малознакомый и грамматически неустойчивый неологизм. Так, слово *липси* ассоциируется с общим понятием «танец» (и поэтому нередко употребляется в мужском роде), а *цунами*, связываясь с понятием «волна», порождает формально ненормативные сочетания: *цунами шла*, *обрушилась* и т. п.

Такая морфологическая вариантность, вызванная абсолютным в своем проявлении противоречием между формой и содержанием

ем (в данном случае — косвенной, или точнее, ассоциативной мотивированностью рода) является естественным и неизбежным этапом освоения нового слова. Вспомним, что сходный путь проделали и многие другие заимствованные слова (см., например: Е. А. Вологодина. Какого рода «джерси», «такси», «виски»? — «Русская речь», 1975, № 6). Слово *такси*, ассоциируясь то с «автомобилем», то с «машиной», в период вхождения в широкое употребление использовалось не только, как сейчас, в среднем роде, но также в мужском и женском: «такси остановился» (А. Н. Толстой. Эмигранты); «моя такси» (М. Кольцов. Три дня в такси). На наших глазах слово *галифе* под влиянием родового понятия «брюки» теряет принадлежность к среднему роду и все чаще употребляется как существительные *pluralia tantum* (имеющие только множественное число). Согласование слова *галифе* с прилагательными во множественном числе (*широкие галифе*, *синие галифе* и т. п.) зафиксировано у Шолохова, Н. Островского, А. Н. Толстого, Червенцева, Малышкина, Пантелсева, Беляева, Наседкина, Бабаевского, Паустовского, Катаева, Гранина, Лукницкого.

Примечательно, что у некоторых подобных неологизмов обнаруживаются позиционно-сочетаемые особенности родовых вариантов. Так, слово *авеню* в свободных сочетаниях встречается в среднем и женском роде (ассоциация со словами *улица*, *аллея*: «авеню Тореза широкое, прямое» (А. Старков. Товарищи в борьбе); «озеленить асфальтовое авеню» («Литературная газета», 12 сентября 1973) и «широкая, тенистая авеню де Версай» (Рубакин. Над рекою времени). В сочетаниях с порядковыми числительными *авеню* зарегистрировано только как существительное женского рода: *первая*, *вторая* и т. д. *авеню*, а не *первое*, *второе* и т. д. В этом случае, видимо, смысловая аналогия преобладает над формальным признаком слова (в языке-источнике — франц. *avenue* — слово женского рода): «пятая авеню упирается в арку Вашингтона» («Правда», 8 апреля 1972); «на всю Десятую авеню» (Катаев, Святой колодец).

Родовая характеристика, таким образом, иногда оказывается зависимой не только от внешних (формальных) признаков, но и от лексико-семантических взаимоотношений, словообразовательных связей между словами, психологических ассоциаций, наконец, культурно-исторической традиции, вступающих в противоборство с воздействием формальной аналогии. Борьба противостоящих притягательных сил — формального признака и ассоциативной мотивированности рода — является в современном русском языке одним из основных источников вариантности рода у слов-неологизмов.

Нормативная практика, нацеленная на сохранение устойчивой и единообразной грамматической системы (но не сводящаяся к искусственной унификации), не может не учитывать структурного, стилистического и сочетаемостного своеобразия родовых вариантов: *широкое* и *широкая авеню*, но только: *пятая авеню*. Хотя есть веские основания говорить об общем преобладании силы формальной аналогии над косвенно-содержательной мотивированностью рода, повальная формализация и искоренение живых типов родовых вариантов едва ли оправдано и вряд ли осуществимо за короткое время. Следует, кроме того, считаться с избирательным капризом литературного языка, который нередко удерживает в качестве нормы непродуктивные с формальной точки зрения варианты, например, *кофе*, *сирокко* — мужского рода.

Установление единой грамматической нормы — это не единовременный акт, а различный по длительности процесс, в особенности если вариантность форм (хотя и временная) вызвана теми живыми внутрисистемными причинами, которые в сущности и определяют общее направление языковой эволюции.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ
Ленинград

СНЕЖНО-БЕЛЫЙ, ИЗУМРУДНО-ЗЕЛЕНый

Одним из продуктивных способов словосложения в современном русском языке является образование сложных прилагательных на основе сравнительных оборотов: *кроваво-красный* (красный как кровь), *снежно-белый* (белый как снег), *угольно-черный* (черный как уголь) и т. п. Хотя такие прилагательные однородны по морфологическому составу и одинаково соотносительны со сравнительными конструкциями, по своему образованию они могут быть различны.

В статье рассматриваются сложные прилагательные, обозначающие цвет и образованные из словосочетаний — сравнительных оборотов, с одной стороны, и по существующим в языке моделям — с другой.

В русском языке превращению в сложные прилагательные подвергаются не любые сравнительные обороты, а лишь отвечаю-

щие определенным условиям. Прилагательные, входящие в сравнительный оборот, должны обязательно быть качественными и обозначать цвет: *белый, желтый, зеленый* (белый как мел; желтый как лимон; зеленый как изумруд). Существительные тоже характеризуются известными лексико-семантическими особенностями. Как правило, это вещественные существительные, названия полезных ископаемых, металлов, минералов, сельскохозяйственных культур, овощей, ягод, растений, пищевых продуктов, тканей и т. п.: *глина, песок, мрамор, гипс, сталь, бронза, золото, олово, железо, серебро, свинец, чугун, янтарь, жемчуг, деготь, смола, известь, снег, пепел, огонь, горох, салат, лук, морковь, малина, полотно, шелк, бархат, сливки, сметана, шоколад, сахар, мед, молоко, мука, солома, лен, яблоки, трава, табак, лимон, кирпич*.

Реалии (предметы, вещи), названиями которых служат перечисленные существительные, обладают постоянным цветовым признаком, той или иной окраской. Именно поэтому относительные прилагательные, образуемые от этих существительных, легко приобретают качественные (цветовые) обозначения: *бронза — бронзовый* 'сделанный из бронзы' и 'цвета бронзы, золотисто-коричневый'; *изумруд — изумрудный* 'сделанный из изумруда' и 'цвета изумруда, ярко-зеленый'; *золото — золотой* 'сделанный из золота' и 'цвета золота, блестяще-желтый'.

Только при наличии названных условий может быть на основе сравнительного оборота образовано сложное прилагательное. Так, например, устойчивые сравнительные обороты *красный как рак* и *седой как лунь* не могут быть преобразованы в сложные прилагательные, потому что существительные *рак* и *лунь* не являются вещественными и не образуют прилагательных с качественным значением. Даже в индивидуальном употреблении не встречаются прилагательные *раково-красный* или *луне-седой*. Точно так же не могут быть образованы прилагательные от сравнительных оборотов типа *сладкий как сахар, мягкий как лен, липкий как смола*, потому что прилагательные здесь не являются цветообозначениями. Не принято говорить: *сахарно-сладкий, льняно-мягкий, смолисто-липкий* или *смоляно-липкий*. Однако есть *сахарно-белый, льняно-седой, смолисто-* или *смоляно-черный*.

Как видно из последнего примера, от некоторых существительных возможно образование относительных прилагательных с разными суффиксами. Такие параллельные образования, совпадающие иногда не во всех, а лишь в части значений, в специальной литературе получили название однокорневых слов (см.: Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966). Например, от существительного *смола* образованы относительные прилагательные *смоляной* 'относящийся к смоле, свойственный ей', 'содержащий

смолу, со смолой', 'подвергшийся смоленю, пропитанный смолой' и *смолистый* 'относящийся к смоле, свойственный ей', 'содержащий много смолы; обильный смолой'. Однако как качественные эти прилагательные употребляются в одном значении — 'похожий на смолу цветом, очень черный'.

Сравнительные обороты превращаются в сложные прилагательные-синонимы, полностью совпадающие в своих значениях или же различающиеся оттенками значения и стилистической окраской. *Желтый как мочало* образует сложные прилагательные-синонимы *мочалисто-желтый* и *мочально-желтый*; *желтый как песок* — *песочно-желтый* и *песчано-желтый* (в словарях цветное значение прилагательного *песчаный*, с которым оно употребляется главным образом в специальной литературе, не отмечается); *желтый как солома* — *соломенно-желтый* и *соломисто-желтый*; *желтый как охра* — *охристо-желтый*, *охрово-желтый* и *охряно-желтый*. «Ветерок шевелил его мочалисто-желтую бороду» (Поповкин. Семья Рубанюк); «Старое сено, соломины, мочально-желтые кочки — все прорастает зеленой травой» (Пришвин. Лесная капля); «Подосел высокий атаманец-казак. Его, как видно, трепала лихорадка: он был песочно-желт — как в желтухе валялся, одет в шубу и валенки» (Шолохов. Тихий Дон); «Песчано-желтые глыбы зверей неуклюже рассекают бумажные щиты, садятся, ложатся, исполняя приказания герра Кислинга» (Жеребцов. Цирковые огни); «Он вытер кулаком соломенно-желтые ершистые брови и грозно кашлянул» (Федин. Первые радости); «Плоды [яблони] крупные, почти овальные, соломисто-желтые, иногда с розовато-оранжевым румянцем» (Календарь-справочник садовода-любителя); «Очень разнообразны цвета мрамора Франции, особенно Пиренеев, где известны темно-красные пятнистые сорта с белыми пятнами, черные с золотистыми жилками, охристо-желтые с красными разводами» (Ферсман. Рассказы о самоцветах); «Обожженные горы были охрово-желты» (Федин. Необыкновенное лето); «Но еще лиловели кое-где флоксы и яркие охряно-желтые погонки» (Лидин. Певчий дрозд).

Образование сложных прилагательных из сравнительных оборотов не ведет к вытеснению последних, сокращению или исчезновению. И те и другие продолжают сосуществовать, вступая в синонимические отношения, расширяя стилистические возможности языка. При этом сравнительные обороты одинаково употребительны: как в литературно-художественной, так и в разговорно-бытовой речи (для последней особенно характерны устойчивые обороты). Синонимичные же им сложные прилагательные являются принадлежностью книжных стилей, в художественных произведениях, например, они встречаются преимущественно в авторском повествовании и редко включаются в речь персонажей. Ср.: «Пили бабуш-

кины наливки, *желтую, как золото, темную, как деготь, и зеленую* (М. Горький. Детство) и «[На окне] стояли два горшка с розанаму и штоф какой-то *золотисто-желтой* настойки» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); «В *дегтярно-темных* лужах дробились и гасли поблекшие голубовато-серебряные звезды» (В. Федоров. Вечный огонь); «Она обернулась ко мне *бледная, как мрамор*, только глаза чудесно сверкали» (Лермонтов. Княжна Мери) и «От потери ли крови или от волнения лицо Тихона было *мраморно-бледно*, нос заострился» (Пермитин. Горные орлы); «Илья Кузьмич был в то утро в дурном расположении духа и *желт, как лимон*» (Апухтин. Два отрывка из неоконченной повести) и «На белоснежно-чистой подушке его лицо казалось сейчас *лимонно-желтым*» (Тендряков. За бегущим днем).

Как уже отмечалось исследователями (см., например: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, с. 351), в таких сложных прилагательных сравнительная характеристика часто сопровождается усилением поясняемого признака. Например: *кроваво-красный* — это не только 'красный как кровь', но еще и 'ярко-красный', 'очень красный', ср. также: *снежно-белый, угольно-черный, яично-желтый, изумрудно-зеленый* и др. Но так бывает далеко не всегда. Прилагательные *травяно-зеленый, клюквенно-красный, мышино-серый* и многие другие не имеют усилительного значения, а при помощи сравнения обозначают оттенки цвета.

В некоторых из описываемых прилагательных возможна перестановка частей, в результате которой при сохранении общего значения сложного слова сравнительная характеристика ослабляется и усиливается уточнение цветового признака. «Свет невидимых ламп заливал лепной потолок и ребристые, *кипенно-белые* стены», (Дм. Еремич. Беседа в Кремле) и «[Облака] двигались величавыми *бело-кипенными* громадами...» (Носов. Кончилось лето...); «Толстые, черные, со стальным отливом косы ее, наполовину только расплетенные, упали на *мраморно-белые* плечи» и «В голубом свете [луны] старик увидел *беломраморный* могучий торс снохи, распустившиеся, упавшие волною до поясницы черные ее косы» (Пермитин. Горные орлы); «Небо загромождено клочьями *снежно-белых* облаков» (М. Горький. Легкий человек) и «По небу носились *белоснежные* перистые облака» (Станюкович. Человек за бортом!); «Внизу, над рекою, стелется *молочно-белый* туман» (Соколов-Микитов. Дороги) и «...Южный Пик сиял как-то особенно торжественно и ярко, прикрытый наполовину медленно ползущим вверх *бело-молочным* облаком» (Станюкович. Наши нравы).

Приведенные примеры показывают, что перестановка частей в составе прилагательных-сравнений возможна тогда, когда первая

часть является основой прилагательного, способного самостоятельно выступать в качестве цветообозначения: *медный, лимонный, жемчужный* и т. п. Ср. еще: *медно-красное* лицо (Короленко) и *красно-медное* пламя (Воронов); *лимонно-желтые* лучи солнца (Б. Полевой) и *желто-лимонные* цыганские физиономии (Чехов); [галстук] *жемчужно-серый*, как парижское утро (Катаев) и *серо-жемчужное* платье (Куприн).

Прилагательные-сравнения образуются от большинства общепотребительных оборотов, в которых сравнение проводится по цветовому признаку (см.: В. И. Орлова, Т. Н. Семенова.— «Русская речь», 1976, № 1). Различные нюансы красного цвета передаются сложными прилагательными: *кроваво-красная* заря (Арсеньев), *кроваво-красный* закат (Нагибин); *кровяно-красный* свет (А. Толстой), *кровяно-красный* румянец (Шолохов); *пламенно-красный* околыш (Шолохов), *пламенно-красный* диск солнца (Алексеев); *маково-красная* повязка (Инбер), *маково-красный* цвет [мотоцикла] (Трифонов); *кумачево-красное* лицо (Короленко); *медно-красные* волосы (Куприн), *медно-красные* сосны (Солоухин); *кораллово-красный* след очков (Катаев); *рубиново-красные* уши (Нагибин), *рубиново-красный* чай (Панов); *вишнево-красная* обивка лож (Паустовский), *вишнево-красные* зори (Шолохов); *малиново-красное* знамя (Короленко), *малиново-красный* турмалин (Ферсман); *свекольно-красное* лицо (Пермитин), *свекольно-красная* шея (Авдеев); *мясо-красный* эвдиалит (Ферсман).

Человеческий глаз, как отмечают ученые-специалисты, в среднем способен различать в гамме ахроматических цветов (белого, черного и серого) около 300 оттенков. Многие из оттенков белого и черного цвета могут быть переданы прилагательными-сравнениями:

белый — *сахарно-белые* зубы (Акулов), *сахарно-белые* папки снега (Поповкин); *мучнисто-белое* лицо (Бондарев); *известково-белые* лица (Шолохов, Катаев); *гипсово-белая* нога (Мальцев); *мраморно-белые* дома (Сергеев-Ценский); *пенно-белая* река (М. Горький); *кипенно-белая* рубашка берез (Пермитин), *кипенно-белый* снег (Грибачев); *молочно-белый* абажур (М. Горький), *молочно-белые* зубы (Караваяева), *молочно-белый* сок (Николаева); *сметанно-белые* снизу грибы (Солоухин), *сметанно-белое* лицо (Федоров); *сливочно-белая* спина (Катаев);

черный — *дегтярно-черные* глаза (Шолохов, Пермитин), *дегтярно-черная* гладь Днепра (Алексеев); *смолисто-черная* «лопата» [бороды] (Пермитин), *смолисто-черная* река (Тендряков); *смолянисто-черные* густые брови (Пермитин); *смолево-черные* косы (Караваяева), *смоляно-черные* брови (Коптяева), *смоляно-черный* чуб (Стаднюк); *углисто-черная* пахота (Шолохов), *углисто-черные...*

грядки (Тендряков); *угольно-черные пышные усы* (Б. Полевой), *угольно-черная вода* (Тендряков); *чугунно-черные трубы* (Ставский); *маслинно-черные глаза* (Воронов), *маслиново-черные прически* (Катаев).

Итак, сложные прилагательные типа *красно-красный* образуются только от таких сравнительных конструкций, в которых в основе сравнения лежит цветовой признак. А существительные, с которыми проводится сравнение, как правило, относятся к числу вещественных и могут образовывать прилагательные с относительным и качественным значением. Этот словообразовательный тип оказался настолько продуктивным, что по его модели стали образовываться сложные прилагательные не только от устойчивых и общеупотребительных сравнительных оборотов, как это было первоначально, но и вообще от любых оборотов, в которых сравнение проводится по цветовому признаку. При этом существительные necessarily должны быть вещественными: *белый как береза* — *березово-белые ноги*; *черный как жук* — *жуково-черный человек*; *черный как цыган* — *цыгановато-черный офицер* (Шолохов). Ср. также: *девичьи-розовые маленькие уши* (Караваева); *младенчески-розовый капитан* (Федин); *облачно-серый мрамор* (Ферсман); *цыпльче-желтая степь* (А.Толстой) и др.

Такие прилагательные, как правило, являются индивидуальными авторскими образованиями (окказионализмами) и возникают в результате необычного соединения двух лексических единиц в одно сложное слово, чем и создается их новизна и выразительность. Образуются они по типу *красно-красный* из качественного и относительного прилагательного, первое из которых обозначает цвет, а второе уточняет, конкретизирует его оттенок путем сравнения с окраской какого-либо предмета: *бурачно-красное лицо* (Мальцев); ...*дверца, раскаляясь, становилась арбузно-алой* (Воронов); *алебастрово-белая шея* (Ниллин); *ватнисто-белый столб воды* (Тендряков); *лицо... стало крахмально-белым* (Ильф, Петров); *рафинадно-белые жемчужинки [зубов]* (Лидин); [лицо] стало *рисово-белым* (Катаев); *фарфорово-белое лицо* (Лавров); *виноградно-зеленая сквозная тень акаций* (Катаев); *пыльно-серое лицо* (Вересаев); *рафинадно-синяя подкова зубов* (Шолохов); *битумно-черная масса* (Воронов); *графитно-черные шахтеры* (Ляшко); *гудроново-черный конь* (Воронов); *карамельно-зеленое вечернее небо* (Ильф, Петров).

Писатели в поисках оригинальных и экономных художественно-изобразительных средств постоянно создают подобные слова. Их большое количество служит свидетельством неограниченных возможностей образования новых слов по существующим в языке словообразовательным типам.

Г. И. ГЕРАСИМОВ,
доцент Белгородского пединститута

Бесперывный — неперывный, беспрестанный — непрестанный

Произведения писателей и поэтов пушкинского времени дают богатый материал для наблюдений над процессами, происходившими в лексике русского литературного языка. Определенный интерес представляет изучение смысловых связей прилагательных с отрицательными приставками *без-* и *не-*, соотносительных по образованию с одной и той же основой: *бесперывный* — *неперывный*, *беспрестанный* — *непрестанный*. Эти слова вступали между собой в синонимические отношения, что является формальным показателем качественности этих прилагательных.

В языке русской литературы пушкинского времени эти прилагательные широко употребительны в разных жанрах прозы и стиха. Данные Словаря языка Пушкина показывают более высокую частотность слов *беспрестанный*, *бесперывный* и меньшую — *неперывный*, *непрестанный*. Приблизительно также употребляются они и другими писателями: Лермонтовым, Бестужевым-Марлинским, Глинкой, Батюшковым и другими.

Тождественность и близость значений всех четырех прилагательных отмечают «Словарь Академии Российской» (1806—1822), «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) и другие лексикографические источники.

Так, например, значение прилагательного *неперывный* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля объясняется следующим образом: *«непрестанный, длиющийся безперечь, без прерыва, не переставая; бесперывный, беспрестанный, бесперемежный, беспромежный, безотдынный, неотступный, неуёмный, сплошной, всегданный»*. Синонимичность значений слов реализуется, как известно, в их сочетаниях с существительными определенной семантики. Поэтому важно рассмотреть употребление и значение анализируемых прилагательных в художественной литературе первых десятилетий XIX века.

Значения прилагательных *беспрерывный* — ‘происходящий без перерыва, непрерывный’ и *непрерывный* — ‘длящийся долго, непрерываясь, не сменяясь ничем другим’ можно отметить как тождественные в следующем употреблении: «Они беспокоили нас стрельбою *беспрерывною*» (Пушкин. Записки бригадира Моро-де-Бразе); «Выстрелы их были метки и *беспрерывны*» (Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана). Батюшков употребляет в этом же значении другое слово: «*Беспременная* пальба и дым орудий — все обстоятельства придавали интерес этим стихам» (Чужое мое сокровище).

Как видно, в этих прилагательных тесно переплетаются значения глагола *прервать* и имени существительного *без перерыва*. Но ярче одинаковые значения слов проявляются у Пушкина в следующем употреблении: «...Несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец, *беспрерывный* скрип нагайских ароб выводили меня из терпения» (Путешествие в Арзрум); «Быть может, он для блага мира Иль хоть для славы был рожден; Его умолкнувшая лира Гремучий, *непрерывный* звон В веках поднять могла» (Евгений Онегин). В сочетании с близкими именами *скрип* и *звон* слова *беспрерывный* и *непрерывный* можно заменить качественными прилагательными *сплошной*, *неумолчный*.

Очень близки значения прилагательных в таких случаях: «...Скоро мое внимание было сильно ими привлечено. Они [календары] составляли *непрерывную* цепь годов...» (Пушкин. История села Горюхина) и «*беспрерывный* ряд фонарей» (Карамзин. Письма). Здесь прилагательные имеют значение — ‘не имеющий перерывов, тянущийся сплошным рядом’. В первом примере слово употреблено во временном значении, а во втором — в пространственном.

В сочетаниях с неконкретными именами выступают все производные прилагательные: «Мы были в *беспременном* томлении» (Карамзин. Письма); «Нас ждет доля блаженства, *непрерывного*, неисчерпаемого блаженства» (Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»); «И — в *беспрерывном* так томлении Мы тратим жизнь...» (Лермонтов. Корсар); «Он спросил меня о причине такой *непрерывной* унылости» (Жуковский. Марьяна Роща). В подобных сочетаниях прилагательные употреблены авторами в стилистически окрашенных контекстах, независимо от того, проза это или поэзия.

Синонимичными были и прилагательные *беспременный* — *непрестанный*, которые тождественны словам *беспрерывный* — *непрерывный*. Значения слова *непрестанный* — ‘постоянный, непрерыв-

ный', а *беспреданный* — 'непрерывный, безостановочный': «Он имел *непрестанную* нужду в рассеянии и *непрестанно* скучал» (Пушкин. Дубровский); «Идеальное время — сознание *непрестанного* развития» (журнал «Московский вестник», 1927, № 11); «...*непрестанные* опалы в два года истребили большую часть Иоанова войска» (Карамзин. История государства Российского); «...перемен, необходимых по *беспреданному* движению слова» (Карамзин. Речь на собрании); «Я был в *беспреданной* борьбе с самыми злонамеренными наущениями» (журнал «Сын Отечества», 1825, № 11); «Припните это моей лености, которая в *беспреданной* ссоре с приличиями света» (Бестужев-Марлинский. Письмо Вяземскому).

Беспреданный намного употребительнее однокорневого слова *не-* и в каком-то отношении ближе к значению *беспреданный* — *непрерывный*. Оно встречается достаточно часто в сочетаниях с существительными, обозначающими психическое состояние человека: *беспреданное* уединение (Карамзин); *беспреданная* опасность (Бестужев-Марлинский); для *беспреданной* горести (Карамзин).

Можно отметить также употребление всех однокорневых прилагательных с существительными, обозначающими трудовую деятельность человека: «*непрерывный* труд» (Жуковский), «от трудов *непрестанных*» (Карамзин), «*непрестанная* деятельность» (Карамзин), где они синонимичны в значении 'длющийся без перерыва' и близки по значению к качественным прилагательным *постоянный, всегдашний*.

Будучи по своему образованию соотносительны с глаголами *прервать, перестать*, они имеют значение относительных прилагательных, указывая на действие, которое невозможно или нельзя прервать, остановить. Данные прилагательные приобрели яркий оттенок качественности. Об этом свидетельствует их способность сочетаться с большим количеством отвлеченных существительных, а также образование новых значений у этих прилагательных. Рядом с такими прилагательными постепенно развивается группа синонимичных качественных слов. Особенно ярко это явление прослеживается в языке художественной литературы.

Если говорить о стилистической окраске слов, то, употребленные в различных стилях и жанрах литературы, они несут на себе некоторый палет «высокости». Это замечание в первую очередь относится к словам *беспреданный* — *непрестанный*.

Как видно, все прилагательные вступали в сочетания с самыми различными группами слов. Некоторые из этих сочетаний в современном русском языке кажутся если и не совсем устаревшими, то в некоторой степени «старомодными», ср.: *непрестанные опалы*;

беспрестанная опасность. Так, например, сейчас следует употребить существительное *дождь* скорее с прилагательным *беспрерывный*, чем *беспрестанный*. Но ср.: «Ботанический залив был скован льдом. *Непрестанный* ветер сдувал со льда сухой снег» (Паустовский. Северная повесть). Здесь автор выбрал форму *непрестанный*, видимо, в целях исторической стилизации языка. В современном употреблении в сочетаниях с временным значением чаще встречаются прилагательные *постоянный*, *всегдашний*, *продолжительный*, а в значении пространственном — *сплошной*.

Прилагательные *беспрерывный*, *непрерывный*, *беспрестанный*, *непрестанный* сохранились и в современном русском языке. Слова при отмечают их значения без каких-либо стилистических ограничений, и лишь «Словарь русского языка» С. И. Ожегова характеризует слово *непрестанный* как книжное. Однако круг существительных, с которыми они сочетаются, несколько сузился, особенно это относится к отвлеченным существительным.

Таким образом, все четыре слова, очень близкие, а иногда и тождественные по смыслу, сохраняются в активном речевом употреблении, но синонимичность их значений несколько ослабла. Казалось бы, язык должен избавиться от некоторых из тождественных по значению однокорневых слов. Можно думать, что с течением времени некоторые из прилагательных уйдут в пассивный словарный запас, и их современное состояние является переходным моментом в жизни этих однокорневых образований.

Н. А. ДЖАФАРОВА,
преподаватель Дагестанского
университета имени В. И. Ленина
Махачкала

О НАЗВАНИЯХ ПРОФЕССИЙ

Мы часто оцениваем названия профессий, говоря, что одни из них хорошие, красивые, а другие — нехорошие, некрасивые. Цель статьи — показать, как в обиходном (неспециальном) употреблении оцениваются наименования профессий, и определить критерии, основные признаки эстетической оценки этих терминов. В статье использованы материалы (примеры эстетической оценки названий лиц по профессии), собранные автором в разных источниках, в основном в периодической печати и художественной литературе.

Особенность терминов — названий профессий состоит в том, что их эстетическая оценка дается без учета терминологического окружения, однако играет довольно существенную роль. Так, в фельетоне «Тарифный роман» («Правда», 20 марта 1977) И. Шатуновский пишет: «До сих пор не найдены заменители *бойцу скота, волочилыщику, выдувальщику, навивщику заушников* (в производстве очков) и т. д. Не найдены, должно быть, потому, что поисками занят весьма немногочисленный круг специалистов. А почему бы не привлечь к этой работе писателей, педагогов, историков, филологов, социологов? Почему новую расцветку носков должен утверждать художественный совет, а для рассмотрения наименований рабочих профессий, с которыми люди проходят через десятилетия, никаких подобных советов не существует вовсе?».

Таким образом, рассмотрение критериев эстетической оценки терминов — названий профессий имеет не только чисто теоретический, но и практический аспект.

1. Социолингвистический критерий. Престижность, «романтичность» профессии определяется ее историей, отношением к людям, владеющим ею, сложившимся в течение десятков, а может быть, сотен лет. Нет, пожалуй, сейчас более значимой, популярной профессии, чем профессия космонавта. Ю. Апенченко и А. Покровский в статье «Такая это профессия» писали: «Пятнадцать лет — небольшой срок для становления профессии, необычной уже потому, что космос — среда, мало приспособленная для обитания человека. Каждый выход на орбиту по-прежнему остается подвигом. И одновременно — рабочей вахтой» («Правда», 11 апреля 1976).

По образцу наименования этой профессии создаются новые слова: *океанавт, гидронавт, недронавт* — с общим значением 'путе-

шественник, исследователь, работающий в среде, часто новой и поэтому опасной, которую он изучает (обычно в водном, воздушном или космическом пространстве)» (см.: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, с. 223).

Издавна высокую общественную значимость имели профессии кузнеца, строителя. Поэтому не случайно переносное употребление этих слов для названия творца, деятеля, создателя: *кузнец человеческого счастья, кузнец победы, кузнец коммунистического завтра, строитель новой жизни, строитель коммунизма*.

Жизненно важная для человека и общества проблема выбора профессии зачастую зависит от того, каково обиходное, сложившееся восприятие профессии. А оно связано с наименованием.

«Некоторые слова, обозначающие лицо по его профессии, способны функционально приобретать значение качества лица и стилистическую экспрессию, связанную с этим значением. При этом такие существительные обычно теряют значение определенной конкретной деятельности, характерное для них ранее. *Фигляр* в таких случаях не обязательно значит 'фокусник', *шаман* — не обязательно 'колдун', *маляр* обозначает, собственно, не 'майлара', а 'бездарного художника'» (Н. А. Крылов.— «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина». Т. 158. М., 1960, с. 4).

Слово *сапожник* имеет значение не только 'мастер по шитью и починке обуви', но 'тот, кто плохо, неумело работает': «Третий сеанс протекал так, что все время хотелось крикнуть, как в кино-театре кричат порой механику: — Эй, сапожник, рамку!» (Падерня. В погоне за кашалотами).

В статье А. Юсина «Сапожных дел профессор» приводится следующий монолог героя: «— Договоримся о терминах,— говорит профессор. — Что вы понимаете под словом *сапожник*? Человека, который недобросовестно выполняет свою работу? Если же иметь в виду профессию, то давно прошло то время, когда в обувные мастерские приходили неграмотные люди, которые только и умели, что держать в руках молоток. Теперь, чтобы работать в обувном производстве, надо освоить математику, уметь применить теорию линейного программирования для раскроя кожи, использовать электронно-вычислительные машины для конструирования. Надо также знать основы антропологии, биологии и анатомии. Обувщик должен постигнуть химию полимеров— недалеко то время, когда ботинки будут отливаться в химических цехах. Вот, что такое современный сапожник» («Правда», 28 января 1974).

Д. Н. Шмелев в статье «О семантических изменениях в современном русском языке» отметил подобное восприятие слова как определенный семантический сдвиг; в речевой практике первона-

альное специальное значение слова отходит на второй план и поэтому нуждается в разъяснении, а вторичное, переносное значение становится основным: «Товарищ Неклепаев по профессии был лакировщиком. Нет, он не занимался литературой: он наводил блеск на стулья, шкафы, кровати и прочие мебельные изделия» (Б. Привалов. Трава трын; сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, с. 6).

Для эстетического восприятия термина важным оказывается и сфера его употребления, и те эмоции, чувства, которые он вызывает: «Всего несколько десятков лет назад в многопрофильных стационарах... было слово няня.. Няня — это слово в больницу пришло не случайно, в нем слышатся отзвуки материнства, с ним связано множество положительных эмоций, так необходимых человеку во время болезни... В понятии „сестра милосердия“ был глубокий смысл, который и пояснять незачем. Продолжим дальше: слово доктор является интимным братом официального слова врач и как будто никогда никем не отменялось. И все же в повседневной жизни больниц вместо няня, сестрица, доктор слышится санитарка! медсестра! врач! Их не выдумали. Они проникли в сознание людей из штатных расписаний и ведомостей», — пишет К. Симонян в заметке под названием «Пусть слово лечит!» («Комсомольская правда», 11 октября 1975).

Как показывает практика, не подвержены терминологизации названия профессий, представляющие высокий стиль (*рудознатцы, розмыслы, градоделыцы*) и низкий (*зубодер, глухарь, стихоплет, щелкопер, бараночник*).

Таким образом, социолингвистический критерий предполагает учет следующих факторов, влияющих на эстетическую оценку термина: общественная значимость профессии; способность определенного названия быть образцом для создания новых наименований; наличие переносных значений в общенародном языке; сфера употребления и эмоциональная окраска слова.

2. Лингвистический критерий определяется характеристикой словообразовательного типа, по которому создано слово. Если слова образованы с помощью стилистически сниженных средств словообразования, то они воспринимаются носителями языка как некрасивые: «— А вы тоже циркач? — обращается Домка к плюшевой бороде.— Не циркач, а цирковой, товарищ доктор. Один — Мудрик — один. А-р-ригинальный номер... Жонглер с гранатами» (Полевой. Доктор Вера).

Слова, включающие непродуктивный суффикс, характеризуются как названия, отражающие ремесленную организацию труда, и заменяются системными терминами. Сравним названия профессий, приведенные в двух словарях занятий — 1921 и 1959 годов: *кваси-*

ла, *квасиль*, *квасильщик* — только *квасильщик* (кож.); *золотарь* (ювелирн.) — *золотильщик* (ювелирн.); *замочиво*, *замочило*, *мнец* — *замачивальщик* (льна); *мазарь*, *мазила*, *мазальщик* — *мазальщик*, *мазильщик*; *насекало*, *насекальщик* — только *насекальщик*.

В современных словарях и справочниках по заработной плате мы уже не встретим таких названий профессий, как *раздирала*, *насекала*, *носок*, *резак*, *сыпаль*, *сушкарь*, *тесарь*, *щипаль*, *тягалец*, *замывало*, *вертело*, *подметало*. Их заменяют образования с суффиксом *-щик* и его производными.

Однако русский суффикс *-щик* (*-чик*) может использоваться не только как нейтральное средство терминообразования, но и как экспрессивное: «Я был встречен очень любезно.— Дорогой мой, это же превосходно, Вы такой опытный структурщик (есть такое жаргонное слово), кандидат наук. Конечно, я рад Вас видеть, Вы будете у меня заниматься... изучением структуры льда» (А. Китайгородский. Физика — моя профессия). Среди лингвистов слово *структурщик* приобрело отрицательную окраску в сравнении с термином *структуралист*. В литературном языке для названия профессии используется слово *атомщик*, а параллельное наименование *атомчик* имеет значение 'сторонник атомной войны'. По нашим наблюдениям, при обозначении профессии в ряде случаев носители языка предпочитают названия, оформленные не с помощью суффикса *-щик*. Так, рабочие предпочитают профессионализм *приборист* при наличии термина *приборщик*. В разговоре со специалистами по электронике слово *электронщик* было оценено как жаргонное, а *электроник* — литературное.

В Словаре занятий 1921 года для обозначения работника водного транспорта дано только наименование *сигнальщик*, а в Словаре занятий 1959 года — *сигналист* и *сигнальщик*, в проекте Единого перечня профессий 1962 года — *сигналист*. В тарифно-квалификационном справочнике рабочих асбестовой промышленности (М., 1958) и штатном расписании Магнитогорского комбината приведено только *сигналист*. В Едином перечне профессий рабочих 1964 года названия *фактурист*, *порционист*, *пробист* заменили прежние обозначения профессий с суффиксом *-щик* (*фактурщик*, *порционщик*, *пробщик*).

3. Ономастологический критерий предполагает правильность выбора признака, положенного в основу названия. Для терминов характерен сознательный подход к выбору признаков, которые вкладываются в основу именованного лица по профессии. Например, в производственно-технической терминологии большинство рабочих профессий включает название специального действия. В тех случаях, когда в обиходе это слово вызывает отрицательную оценку, весь термин воспринимается как неудачный: «Потом буду-

щий тесть как бы между прочим поинтересовался, чем занимается Евгений.

— Работаю на заводе сливщином-разливщином.

Светин папа насторожился.

— А вы, часом, не заливаете, молодой человек? Разве такие профессии бывают?

— Бывают,— уверенно ответил Евгений» (И. Шатуновский. Тарифный роман).

Действительно, бывают такие наименования лиц по профессии: *травильщик, долбежник, болванщик, чесальщик, шишельник, кишечник, трепальщик, перегибщик, трясунык, туалетчик, отшмыговщик, надувальщик, отмачивальщик, отмучивальщик, околачивальщик, шкурульщик, отшибальщик, надиральщик*. Эти и подобные названия профессий вызывают протест у носителей языка.

В «Правде» (15 декабря 1971) был опубликован стихотворный фельетон Степана Олейника (перевод В. Корчагина) «Дайте слово!» (Из выступления работника фермы):

Я скажу вам без прикрас:
Ферма наша — высший класс.

.
Но вопрос мой вот каков —

Не насчет окороков,
А насчет общеизвестных
Устарелостей словесных.

Ведь и вы, как век назад,
(Прямо скажем, невпопад)
Нас — по профилю в работе —
Свинопасами зовете.

Разве я пасу свиней
По примеру давних дней —
За селом на травке жалкой,
С хворостиной или палкой?

Нет!.. Однако, как и встарь,
Свинопас я да *свинарь*...

Мы, конечно, все равно
Труд наш цевим, любим. Но,
Может быть, языковеды
Все ж обсудят наши беды?
Причитаться будут с нас
Горы сала и колбас...

Термин дайте!

Дайте слово!

Наша премия готова!

Как видим, человеку далеко не безразлично, как называется его профессия. Не безразлично это и обществу. Условно выделенные нами критерии эстетической оценки термина лишь намечают пути, по которым должна идти исследовательская мысль, чтобы помочь практикам-терминологам в отборе и упорядочении названий лиц по профессии.

Л. А. ШКАТОВА,
доцент Челябинского университета

Доктор географических наук, профессор Е. М. Поспелов (Москва) в предлагаемом материале сообщает свои наблюдения о некоторых случаях неточного употребления термина 'масштаб' в языке современной прессы и научной литературы. Полагаем, что эти наблюдения будут полезны и филологам, и работникам газеты, а также тем, кто интересуется вопросами терминологии.

МАСШТАБ И МАСШТАБНЫЙ

Термин *масштаб* широко применяется в картографии, топографии и техническом черчении. Не вдаваясь в детали употребления этого термина и производных от него (*главный масштаб*, *частный масштаб*, *масштаб длин*, *площадей* и т. д.), отметим, что в наиболее общем случае под *масштабом* понимается отношение длины линии на карте (аэроснимке, чертеже) к длине соответствующей линии на местности (в натуре). Толковые словари русского языка отмечают также переносное, нетерминологическое употребление слова *масштаб* в значении 'размах, значение, охват'. Это слово получило широкое распространение в языке газеты и в художественной литературе. Следует отметить, что наблюдается неточное употребление термина *масштаб*.

Прежде всего остановимся на сочетании *крупный масштаб* и прилагательном *крупномасштабный*, широко распространенных в журналистской лексике. В основе этих слов — технические термины. В картографии масштабы по величине подразделяются на

крупные и мелкие. Их определителем служит величина знаменателя численного масштаба: чем она больше, тем мельче масштаб. ~~К~~азалось бы, что такое словоупотребление вполне логично и понятно. Ведь известно, чем больше знаменатель дроби (а численные масштабы выражаются дробями), тем дробь меньше. Но многие авторы, далекие от картографии, зачастую оказываются во власти «магии чисел»: поскольку знаменатель больше, то и сама дробь представляется им более крупной.

В одной из книг по ономастике мы встретили: *крупномасштабная карта 1:3 000 000*. И далее: «По мере „умельчения“ масштаба количество тюркских топонимов возрастает»; «На карте более мелкого масштаба (1:2 500 000) можно рассмотреть... населенный пункт и речку с характерным тюркским названием...». Заметим, карту масштаба 1:3 000 000 очень трудно считать «крупномасштабной», карта 1:2 500 000 не мельче, а крупнее предыдущей. И наконец, с «умельчением» изображения количество подписываемых названий сокращается, а не увеличивается. К сожалению, случаи подобной путаницы между крупными и мелкими масштабами далеко не единичны.

Еще хуже, когда журналисты оперируют конкретными масштабами. Так, в рецензии на телефильм говорилось: «...авторами взят местный, очень локальный сюжет, так сказать, масштаб карты-трехверстки» («Правда», 4 марта 1975). Здесь возникают два вопроса. Во-первых, зачем, говоря о современности, автору потребовалось прибегать к дореволюционной трехверстной карте? И, во-вторых, почему трехверстная карта рассматривается как обозначение локальности (речь идет о маленьком эстонском островке)? Ведь трехверстная карта (1:126 000) достаточно мелкомасштабна: один ее сантиметр соответствует 1,26 километра на местности. Очевидно, желая подчеркнуть локальность сюжета, небольшую площадь островка, следовало говорить о действительно крупномасштабной карте, например 1:10 000. Такое вольное обращение с техническими терминами приводит к досадным смысловым ошибкам.

Е. М. ПОСПЕЛОВ

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Языковые контрасты

«Герой нашего времени» может быть с полным основанием назван романом контрастов, так как М. Ю. Лермонтов отобразил в нем те глубокие социальные противоречия, которые были свойственны русскому обществу в 30-е годы XIX века.

Основными средствами выражения контрастов в романе являются языковые и контекстуально-речевые антонимы. Большая часть антонимических средств используется для создания образа Печорина. Одни из них употребляются при характеристике попыток Печорина познать самого себя, осмыслить свое прошлое и настоящее, понять те внутренние противоречия, которые составляют сущность его характера. Другие находим в контекстах, изображающих анализ Печориным своих конкретных поступков, а также своего состояния и настроения в тот или иной момент. Назначение третьих — выражать особенности его восприятия и оценок отдельных лиц или их суждений. Четвертые характерны для рассуждений Печорина на разные темы, непосредственно с ним, на первый взгляд, не связанные.

Лермонтов изображает социальные противоречия общества и сложность характера главного героя часто на фоне контрастов в природе. Действие происходит на Кавказе, природа которого разнообразна: это не только горы и утесы, но и пропасти, ущелья, долины; ярким цветовым явлениям противостоит мгла, чернота, тень.

Языковых антонимов в романе сравнительно немного, но они выполняют важные функции, выражая наиболее очевидные и вместе с тем основные контрасты как в характере самого Печорина, так и в той среде, которая окружает его. Например: «Одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла... — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого»; «К печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению»; «Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе»; «Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле»; «Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец!».

Среди языковых антонимов преобладают в романе существенные. Особую значимость в контексте получают слова радости, наслаждения, с одной стороны, и страдания, бедствия, печали — с другой. Раздумья Печорина постоянно связаны с понятиями, обозначенными этими словами. Не угадав предназначенного ему «высокого назначения», он не познал подлинных радостей и наслаждений, следовательно, не нашел смысла жизни. Признание неспособности найти свое место в жизни и выражается в приведенных примерах, в которых антонимы объединяются в следующие пары: радости — страдания; радости — бедствия; радости — печали; наслаждения — печали.

Подобные антонимы — неотъемлемая часть средств выражения процесса самоанализа Печорина. Встречаются языковые антонимы и в общих рассуждениях героя: «На небесах не более постоянства, чем на земле»; «Радости забываются, а печали никогда». Имеются антонимы этого типа и в речи других героев, обращенной к Печорину и определенным образом характеризующей его. Так, княжна Мэри говорит: «Или вы меня презираете, или очень любите!», а Вера замечает: «...ты любил меня как собственность, как источник радостей, трезог и печалей». Ср. языковые антонимы, использованные для изображения контрастов в природе: «Тихо было на небе и на земле»; «Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка»; «На-

право был утес, *налево* пропасть»; «...*высоко-высоко* золотая бахрома снегов, а *внизу* Арагва».

Есть в романе примеры антонимичных прилагательных: высший — низший; мрачный — радужный; первый — последний; антонимы глаголы (любить — презирать; выздороветь — умереть; жить — умереть); антонимы наречия (хуже — лучше; направо — налево; высоко-высоко — внизу) и антонимы местоимения (свое — чужое).

Более сложные и разнообразные функции выполняют в романе многочисленные контекстуально-речевые антонимы. Лишь немногие из них являются средством выражения контрастов «крупного масштаба», например: «*Воспитание* ли меня сделало таким, *бог* ли так меня создал, не знаю»; «*История души человеческой*, хотя бы самой *мелкой души*, едва ли не любопытнее и не полезнее истории *целого народа*». Большая же часть этих антонимов выражает скрытые контрасты, так как они ускользают от «видения» многих и их могут обнаружить лишь люди типа Печорина, привыкшие анализировать жизнь во всех ее проявлениях. «*История*» души Печорина, изложенная в его «Журнале», является, с этой точки зрения, историей открытий различных контрастов. Печорин понимает, что для близких к нему людей он часто оказывался носителем *зла*. Так, он знает, что Вера продолжает его любить, хотя ей отлично известны его мелкие слабости и дурные страсти. «*Неужели зло так привлекательно?*» — спрашивает он себя, думая о ней и о причинах ее чувств к нему. Эта догадка подтверждается Верой, в письме которой находим такое признание: «...ни в ком *зло* не бывает так привлекательно...». Следовательно, «открытие» о привлекательности *зла* делает и Вера.

«*Зло*» и «*привлекательность*» — противоположные понятия, поэтому для выражения вопроса Печорина и ответа Веры избирается форма оксюморона, в которой объединяются семантически несовместимые слова.

Анализируя свое прошлое, Печорин говорит о «бесцветной молодости» и о том, что позже «...стал *наслаждаться бешено* всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги»; узнав о заговоре против него, он чувствует «холодную злость»; анекдоты, которые он рассказывает с целью отвлечь кавалеров от княжны Мери, «...были *умны до глупости*»; нарзан в ванне воспринимался им как «холодный кипяток».

Иллюстрация к роману «Герой нашего времени».
Худ. Д. А. Шмаинов

Степень семантического несоответствия слов, являющихся членами выделенных пар, конечно, неодинакова. Однако каждая пара, несомненно, указывает на контраст.

Способность Печорина всюду видеть контрасты поразительна. Отсутствие у него друзей он объясняет, например, тем, что дружба никогда не основывается на равноправии: «Из двух друзей всегда один раб другого». А так как рабом он быть не способен, то это означает, что и друга у него не может быть. Таким образом, само понятие друга для Печорина внутренне противоречиво.

Совершенно иной по характеру контраст рисуется с помощью выражения *академические позы*. Эти позы принимают франты, не имеющие никакого отношения к науке, следовательно, и к Академии; они «... исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают». Внутренне противоречивое сочетание слов *академические позы* становится в контексте средством сатирической характеристики лиц, презираемых Печориным.

Лермонтовым часто используется прием антитезы для выражения как явных, так и скрытых контрастов. Вот примеры первой разновидности: «Любовь *дикарки* немногим лучше любви *знатной барыни: невежество и простосердечие* одной так же надоедает, как и *кокетство* другой»; «Как часто мы принимаем за *убеждение* *обман чувств* или *промах рассудка*».

Для выражения скрытых контрастов чаще всего используются два определения, связанных противительным союзом *но*, к одному существительному: «Признаюсь еще, чувство *неприятное*, но *знакомое* пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу»; «Мне уже пересказали *две* три эпиграммы на мой счет довольно *колкие*, но вместе с тем очень *лестные*»; «Ее [княжны Мери] легкая, но *благородная* походка имела в себе что-то девственное...».

Все приведенные контексты взяты из «Журнала» Печорина. Реализация приема антитезы в них очень специфична. На первый взгляд, противопоставление выделенных определений кажется необязательным и даже несколько искусственным (ср. чувство неприятное и знакомое; походка легкая и благородная). Однако Печорин находит контрасты и в этих случаях.

Антитеза «чувство *неприятное*, но *знакомое*» получает подробное разъяснение в более широком контексте. Печорин пишет о том, что лгал Грушницкому (который только что получил из рук княжны Мери упавший стакан и был поэтому «бледным» и «страстным») не только из-за врожденной страсти противоречить, но и из-за чувства зависти. Это чувство он признает неприятным, но в подобных ситуациях, с его точки зрения, закономерным. Для него оно не новое, и он полагает, что оно свойственно и другим молодым людям, привыкшим баловать «свое самолюбие». Следовательно, оценка чувства зависти как неприятного, но хорошо ему известного и в определенных условиях неизбежного сложилась у Печорина давно. Этот контраст «открыт» им задолго до событий, описываемых в романе.

Антитеза же «*скверное*, но *непобедимое* чувство» отражает попытки Печорина объяснить, почему он добивается любви княжны Мери, которую обольстить он не хочет и на которой жениться не будет. И здесь чувство, «...которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего...», он признает «скверным», однако оно кажется ему «непобедимым». Во всяком случае он не хочет быть выше этого чувства, хотя и видит в нем проявление «мел-

кого удовольствия». В этом «открытии» раскрывается одна из наиболее характерных черт «Героя нашего времени».

Замеченные Печориным контрасты образуют единую цепь, звенья которой находятся в отношениях взаимной обусловленности. Так, антитеза «эпиграммы *колкие, но лестные*» представляется вполне понятной: с одной стороны, эпиграммы задела Печорина, он чувствует их колкость, но, с другой стороны, их появление лестно для него, так как в эпиграммах проявилась зависть к нему, и их авторы — его враги. Все это тешит его самолюбие.

Наблюдая за княжной Мери, Печорин замечает, что у нее «*легкая, но благородная походка*». В этой антитезе отражены его представления о женщинах из высшего светского общества. «Легкую» походку он, по-видимому, не считает совместимым с «благородством», но в данном случае вынужден признать, что возможны и исключения. Это признание — еще одно «открытие» Печорина.

Антитезы получают в романе и другие формы выражения, например, контрастные по смыслу предложения: «Есть минуты, когда понимаю Вампира!... А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия»; «Я всегда ненавидел гостей у себя — теперь у меня каждый день полон дом».

Рассмотрев далеко не все средства выражения контрастов, имеющихся в романе, мы, однако, можем сделать определенные выводы.

Характер Печорина раскрывается в двух планах: с одной стороны, он — главный герой, активный участник событий, о которых повествуется; с другой стороны, он — «автор» «исповеди», в которой с предельной откровенностью выявляются его понимание жизни, результаты наблюдений и раздумий. Чувствуя в душе своей «силы необъятные», он, однако, не использует их для «назначения высшего», а увлекается «приманками страстей пустых и неблагодарных». Это противоречие между «назначением» и действительным образом жизни, поступками — характерный порок не только героя, а всего поколения, «болезнь» эпохи. Именно поэтому в романе так много внимания уделяется показу различных контрастов, многочисленны и разнообразны способы и средства их выражения.

Г. С. БОЯРИНЦЕВА
Саранск
Рисунок Ю. Космынина

Роль плана в сочинении

Нужен ли план сочинения? Надо ли записывать пункты плана в свою работу? Эти и аналогичные вопросы тревожат учащихся.

Ответить на них можно следующим образом: предварять текст своей работы записью плана необязательно; окончательная оценка сочинения никак не связана с наличием или отсутствием плана работы, хороший план не возместит недостатков плохого сочинения, и, наоборот, хорошая работа, если даже автор не записал почему-либо пункты своего плана на бумагу, будет оценена по достоинству.

Но все сказанное не следует понимать как рекомендацию пренебречь планом, отказаться от его составления. Напротив, опыт показывает, что, отказываясь от такой работы, автор сочинения рискует потерпеть неудачу.

Хорошо продуманный план сочинения способствует отбору необходимого для анализа материала, акцентирует внимание на главном, предусматривает наиболее короткий и правильный путь раскрытия темы. Недостаточное внимание к плану оборачивается серьезными недочетами в работе и, в первую очередь, смещением акцентов, когда наиболее важные моменты в сочинении вытесняются второстепенными, а главная мысль растворяется в многословии.

Итак, письменная работа учащегося или абитуриента должна опираться на хорошо продуманный план.

Что же собою представляет план сочинения? Каковы его функции в письменной работе по литературе?

План обычно состоит из трех частей (вступления, основной части и заключения), которые подчинены единой цели: глубоко и аргументированно раскрыть главную мысль, намеченную в формулировке темы сочинения.

Рассмотрим функции каждой части сочинения повнимательнее, чтобы при написании работы избежать ошибок, вызванных неведением или неопытностью.

Содержательная и композиционная роль вступления состоит в том, чтобы сформулировать главную мысль, поставить задачу, решаемую всей работой, дать сочинению зачин, четкое и логическое начало. Думается, что примеры, почерпнутые из школьных и вступительных сочинений, будут наиболее удобным материалом, который поможет нам, с одной стороны, выявить типичные ошибки, допускаемые их авторами в такого рода работах, а с другой — показать образец правильного мышления и изложения.

Вот начало сочинения на тему «Судьба человека и судьба народа в творчестве М. А. Шолохова»:

«О чем бы ни писал Михаил Шолохов: о запутанной и трагической жизни Григория Мелехова, о незамысловатом юморе деда Щукаря, о неггибаемом мужестве Андрея Соколова, — перед нами вырисовываются жизни и судьбы не только этих героев, а и всего народа».

Начало лаконичное и содержательное. Автор назвал героев и как бы предупредил, что судьба народа решается через их судьбы. Свою задачу он усматривает в том, чтобы доказать это положение. Мысль, заложенную во вступлении, можно было бы в плане сформулировать так: «Неразрывная связь судеб героев М. А. Шолохова с судьбой всего народа».

Другое сочинение написано на тему «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан (Н. А. Некрасов)». Вот его начало: «Подлинная поэзия отражает передовые идеи своего времени. Каждый этап общественного развития выдвигает перед поэтами новые задачи. Но всегда главная цель поэзии — служить родине, народу».

Это вступление четко формулирует задачу, поставленную автором перед собой: ему предстоит доказать, что главная цель поэзии — это служение родине, народу. Именно так надо сформулировать и тот пункт плана, который соответствует вступлению.

И то, и другое вступление — заявки на хорошие творческие работы. В обоих случаях темы сочинений натолкнули авторов на серьезные, глубокие идеи. И теперь дело

за анализом литературного материала для раскрытия и подтверждения справедливости этих идей.

Но имеет смысл сказать и об упущениях в письменных работах по литературе, о сочинениях, которые не могут служить образцами.

Тема работы: „Духовная близость и различие характеров Андрея Болконского и Пьера Безухова“. А вот и начало:

«Я где-то слышала, что когда любишь человека, не учитываешь его качеств, не смотришь, за что именно, а просто любишь. И так можно любить не только юношу, но подругу, родителей. Прочитав в девятом классе „Войну и мир“, я не смогла, как обычно, разобрать всех героев, всех поставить на свои полочки, свои места. Я не хотела просто так, по-книжному, подойти к ним. Они были для меня, как живые люди, и я не могла разбирать их, как какую-нибудь машину, по гайкам и винтикам. Я их просто полюбила... Да-да, полюбила, как живых, и Пьера, и Андрея, и Наташу».

Страстное, эмоциональное вступление. Беда только в том, что автор решительно разрушает традиции эстетического восприятия произведений искусства: он не хочет замечать специфики литературных героев, созданных художественным воображением писателя; иронически говорит о литературном анализе как о каком-то растаскивании «машины по гайкам и винтикам».

Вступление не может считаться удовлетворительным. Получилось не вступление, а лирическое отступление от темы, заключающее в себе множество неверных мыслей. Ясно, что записанный в качестве вступления в план пункт «Мое отношение к героям Толстого» — не нужен, выглядит неуклюжим и не формулирует задачу работы. Между тем, о духовных связях героев Толстого не сказано ни слова.

Что же касается эмоциональности, страстности, ярко выраженной любви к литературным героям, личной заинтересованности и участия в их судьбах,— они не противопоставлены сочинению. Но перегруженность работы субъективными ощущениями, чрезмерное повторение местоимения *я* несколько не помогают раскрытию темы. Все это надо употреблять в сочинении в дозах, соответствующих требованиям такта и логики объективного анализа художественного произведения.

Таким образом, цель вступления — ввести автора и читателя в существо темы, определить задачу работы, подготовить дальнейшее движение мысли, дальнейший ход анализа. Четкое, лаконичное, содержательное вступление наилучшим образом характеризует всю работу.

*

В основной части сочинения, в зависимости от типа выбранной темы, следует или рассматривать образ литературного героя, или исследовать проблему, поставленную в заголовке.

Если предстоит написать работу о каком-либо литературном герое, то важно отметить в плане, а затем отразить и в сочинении социальные истоки этого образа и конкретно-индивидуальные его черты, используя при этом свое знание эпохи, замысел автора произведения, свое отношение к отдельным поступкам и высказываниям героя.

Рассмотрим основную часть плана к сочинению, посвященному анализу образа Базарова, главного героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

1. Образ Евгения Базарова — воплощение типичных черт «новых людей»:
 - а) близость к простым людям;
 - б) отрицание старых авторитетов;
 - в) отрицание всего уклада дворянско-помещичьей жизни;
 - г) смысл жизни Базарова — труд;
 - д) высокие нравственные качества Базарова: честность, правдивость, сила воли, способность к большой и искренней любви, чувство собственного достоинства.
2. Противоречия в образе Базарова.
3. Художественная сила и убедительность этого образа.

Смысл сочинения, в основе которого лежит характеристика литературного образа, состоит в раскрытии социального характера героя, показе обусловленности этого характера запросами и противоречиями действительной жизни. Однако социальный тип, в котором отразилась определенная историческая эпоха со всеми своими проти-

воречиями, моралью, борьбой, в романе выражается личностью Базарова, с присущими только ей конкретно-индивидуальными качествами. В намерениях и поступках, в отношениях с окружающими людьми раскрываются разные стороны этой личности. И на те черты, которые доминируют в образе, имеют не только индивидуальное, но и социальное значение, следует и обращать свое внимание пишущему сочинение. В предложенном плане как раз и сделана попытка найти и охарактеризовать самое существенное в образе Евгения Базарова.

Пункты плана должны отражать различные свойства характера, нравственные качества литературного героя, намечать разные пути рассмотрения данного образа, но ни в коем случае не толкать на пересказ. Многие, казалось бы значительные, эпизоды романа, в которых присутствует или активно действует рассматриваемый герой, важны не сами по себе и поэтому их незачем выделять в плане. Они лишь дополняют, вносят новые штрихи в характеристику образа, помогают проникнуть в его сущность и выразительно иллюстрируют черты, которые присущи только ему, определяя его и как индивидуальность и как социальный тип. Автору сочинения важно выявить именно эти характерные черты и обстоятельно проанализировать их.

Проблемная и свободная темы ставят перед пишущим иные задачи.

В основной части сочинения на такие темы планом должно быть предусмотрено исследование главной проблемы или по этапам, по мере развития ее во времени, или вширь, с привлечением большого и разнообразного литературного материала.

В плане, который будет предложен, основная часть содержит три центральных пункта, показывающих, что проблема исследуется с учетом роста классового сознания пролетариата и одновременно в широком диапазоне рассмотрения многочисленных героев романа, отражающих разную степень и различные формы проявления классового сознания.

План составлен к теме «Развитие и рост классового самосознания рабочих масс в процессе революционной борьбы (по роману М. Горького „Мать“»).

Основная часть: Рост классового сознания масс в процессе революционной борьбы.

1. Этапы развития политического сознания и революционной активности масс:
 - а) забитость, моральная и духовная опустошенность, пассивность по отношению к своим угнетателям;
 - б) постепенное осознание правды социальных отношений, повышение активности рабочих;
 - в) понимание своей роли в общественной жизни, активное участие в политической борьбе.
2. Жизненные пути Ниловны, Павла Власова, Рыбина — типичные примеры духовного возрождения человека в процессе революционной борьбы.
3. Новаторство М. Горького, открывающего для литературы нового героя, сознательного революционера-пролетария.

Роман Горького дает обширный материал для показа роста классового самосознания рабочих. С одной стороны, массовые сцены — стачки и демонстрации, изображение которых Горький впервые ввел в литературу, а с другой — характеристики отдельных героев, участников борьбы рабочих против своих эксплуататоров. Перед нами два пути раскрытия проблемы развития и роста классового самосознания пролетариата. Естественно, что они отражены в первом и втором пунктах плана. Третий пункт посвящен непосредственно М. Горькому — первооткрывателю интересующей нас большой проблемы.

На разные темы приходится писать сочинения. И в каждом случае нельзя обойтись без того, чтобы не отыскать и не выделить в своей работе главную, ведущую мысль. Эта мысль будет заключать в себе ответ на вопрос, заключенный в названии темы, и свяжет воедино большой и разнообразный литературный материал, который предстоит проанализировать в сочинении. Этапы развития этой мысли должны быть подробно зафиксированы в плане.

Рассмотрим еще один план сочинения на тему: «Я с теми, кто вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден» (Маяковский). Продумаем главную мысль предстоящей работы и попытаемся отразить путь ее раскрытия в плане.

Я с теми, кто вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден,— вот они акценты, которые вытекают из поэтического заявления Маяковского. Следовательно, предложенная нам тема содержит несколько главных мыслей, которые должны быть раскрыты в сочинении.

Первая мысль — это активное участие поэта в делах своего народа. Но может ли он сделать что-нибудь существенное, если в руках у него не штык или лопата, а всего лишь перо?

Да, поэт может помочь своему народу, если использует свое перо для борьбы со злом, будет *выметать* из нового общества все вредное и дурное. Борьба со злом — такова вторая мысль, которую надо раскрыть в процессе работы над сочинением.

А третья мысль состоит в том, что поэт вышел *строить*, возводить вместе со всеми новое, гуманное, счастливое общество, причем строить самоотверженно, с энтузиазмом, «в сплошной лихорадке буден».

В раскрытии сформулированных идей нельзя ограничиться одним или двумя произведениями Маяковского, а надо использовать и лирические, и патетические стихи поэта, и его язвучую, боевую сатиру.

Первый пункт плана, соответствующий вступлению к работе, может быть сформулирован следующим образом: «Маяковский — великий сын великого народа». В сочинении надо только несколько конкретизировать эту мысль, сказав о том, как в революции и в строительстве социализма проявилось величие русского народа, а также и о том, как тесно сплетена с судьбой народа судьба его замечательного сына — поэта Владимира Маяковского.

Затем следует обратиться к поэзии Маяковского, главным героем которой является он сам. Это он, поэт Маяковский, воспевает победы народа, радуется маршу, «которым идем», и одновременно осуждает, гневно выступает против врагов новой жизни, сжигая их огнем своей пламенной сатиры.

Вот план сочинения:

Вступление: В. Маяковский — великий сын великого народа.

Основная часть:

1. Неразрывная связь поэта с народом, строящим социализм;
 - а) Любовь к советской социалистической Родине;
 - б) Вера в ее будущее;
 - в) Гордость за людей, не жалеющих жизни во славу своей Родины, людей, строящих ее будущее;
 - г) Поэт — певец великих дел своего народа.
 2. В. Маяковский — борец против обывательщины, мещанства, разгильдяйства, бюрократизма и т. д.
 3. Искусство на службе революции и социализма.
- Заключение: Сила и бессмертие поэзии В. Маяковского в его партийности.

Пункты плана, которые будут выражать эти мысли, можно дополнять строками из разных произведений поэта. Когда речь идет о поэзии, очень хорошо составлять цитатный план.

Завершает работу заключение. Его функция состоит в том, чтобы в утвердительной форме повторить главную мысль работы, ту мысль, которая первоначально возникает во вступлении. Четкая формулировка идеи, которая является главной в заключении, непременно должна быть отражена в плане.

Заключения бывают разными. Все зависит от того, какую функцию в данном сочинении заключение выполняет. Оно может быть тесно связано с темой работы и содержать в себе итог предшествующих рассуждений автора по поводу конкретной темы. Но оно может и выйти за рамки темы, включить в себя оценку всего творчества писателя, как, скажем, «Некрасов — певец труда и борьбы» в сочинении «Изображение крестьян в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“»; может подсказать дальнейшее развитие темы, как, например, — «Мой современник — строитель коммунистического завтра» в сочинении «Мой современник».

Заключение, наконец, может послужить мостиком в современность, если в работе речь идет о прошлом. Одним из таких заключений, извлеченным из сочинения на тему «Отечественная война 1812 года в изображении Л. Н. Толстого», можно и закончить рассмотрение вопроса о роли и принципах составления плана в письменной работе по литературе.

«Окинув взглядом всю историю нашей Родины, мы увидим, что патриотизм — вообще одно из главных качеств русского характера, а патриотическая тема является одной из главных тем русской и советской литературы. Начинает эту тему бессмертное „Слово о полку Игореве“, а продолжают сотни произведений русских и советских писателей. В этом ряду стоит и замечательное произведение Л. Н. Толстого.

Эта тема вечна. Ибо вечен патриотический дух в нашем народе, вечна наша прекрасная Родина».

И. К. КРЕМЕНСКАЯ
Москва

ХРОНИКА

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ

●

В конце прошлого года в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось торжественное заседание, посвященное 10-ле-

Русский язык, будучи средством общения многомиллионного и многонационального советского народа, получает все большее распространение среди народов мира. Он способствует вкладу нашей страны в сокровищницу мировой культуры и открывает доступ к духовным богатствам мировой цивилизации советским людям и народам других стран.

Л. И. Брежнев. Приветствие участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы

тию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Открывая заседание, Президент МАПРЯЛ, академик

М. Б. Храпченко подчеркнул знаменательный факт, что своей первый юбилей, десять лет со дня основания, Ассоциация отметила в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в год принятия нашей страной новой Конституции.

В Основном Законе СССР с новой силой воплотился миролюбивый характер международной политики нашего государства. Советский Союз со времен Октябрьской революции неизменно выступает за справедливый и прочный мир на земле. Это создает благоприятную основу для деятельности общественных организаций, в том числе и МАПРЯЛ.

Живейшим стимулом в деятельности Ассоциации явилось Приветствие товарища Л. И. Брежнева участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы, состоявшегося в 1976 году в Варшаве. «Большой вклад в распространение русского языка вносит Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, — говорилось в Приветствии, — чья деятельность получает поддержку тысяч русистов многих стран мира».

МАПРЯЛ рассматривает свою деятельность по распространению русского языка в мире, как общегуманистическую деятельность, потому что русский язык — это язык мира и социального прогресса, язык

общества, девизом которого является благо человека в самом глубоком и благородном понимании. Это язык нашей великой страны с ее героической историей, с яркой и многообразной культурой, с одним из самых высоких уровней образования, с интенсивной и дружной творческой жизнью многочисленных наций и народностей.

Эту же мысль подчеркнул в своем приветственном слове к собравшимся министр высшего и среднего специального образования СССР, член-корреспондент АН СССР В. П. Елютин.

Замечательная история Страны Советов за 60 лет: Великая Октябрьская социалистическая революция, победа советского народа в Великой Отечественной войне, рост экономического и политического могущества нашей страны, успехи в области науки, техники и культуры — все это пробуждает в зарубежных странах интерес к изучению русского языка — хранителя великих духовных ценностей человечества.

Интерес к русскому языку возрос сейчас во много раз в связи с принятием в нашей стране новой Конституции, знаменующей собой дальнейшее развитие социалистической демократии в Советском Союзе, расширение прав граждан, закрепившей приверженность нашего государства делу мира и сотрудничества между народами.

Ныне язык Ленинских декретов, первых декретов Советской власти, стал одним из популярнейших языков в мире. Он все чаще используется в качестве официального языка на различных международных конференциях, совещаниях, симпозиумах и т. п.

«Ваша организация,— сказал В. П. Елютин, обращаясь к представителям членов МАПРЯЛ,— может гордиться результатами своей деятельности по распространению преподавания и изучения русского языка и литературы в мире, координации научных исследований, по обмену информацией, педагогическим опытом, методической, научной и учебной литературой».

С докладом о деятельности Ассоциации за десять лет выступил генеральный секретарь МАПРЯЛ, член-корреспондент АПН СССР профессор В. Г. Костомаров.

Делегатам Парижской конференции, состоявшейся в сентябре 1967-го года, сказал докладчик, при всем их оптимизме, с трудом поверилось бы, что учреждаемая ассоциация окажется способной высоко поднять авторитет преподавателя-русиста в общественном мнении, действительно управлять научно-исследовательской, издательской и учебно-методической работой в разных странах, созывать представительные конгрессы, проводить международные олимпиады школь-

ников и многие другие мероприятия.

Залог успеха МАПРЯЛ в том, что, верно отражая социальные потребности современного мира в русском языке, она авторитетно координирует и направляет практическую, творческую деятельность преподавателей русского языка и литературы, ученых-русистов.

Само сознание культурно-исторической целесообразности объединения русистов возникло в разных странах как результат ведущей роли Советского Союза на международной арене и растущей пользы от знания русского языка — одного из богатейших и выразительнейших языков широкого международного общения. Такая позиция МАПРЯЛ обеспечила ей признание не только профессиональных кругов, но и государственных органов разных стран, общественности. Наше добровольное профессиональное объединение,— отметил докладчик,— живет и действует в полном соответствии с благородными принципами Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Распространение языков, в частности русского языка, служит важной предпосылкой для расширения общения между народами, для лучшего ознакомления с культурой каждой страны, для развития международного сотрудничества. Своей работой МАПРЯЛ вносит

ленту в прогресс и процветание человечества.

Объединяя и обобщая усилия и опыт русистов разных стран, МАПРЯЛ сумела за свою короткую пока историю заметно сплотить школьных учителей и университетских преподавателей, ученых-лингвистов и литературоведов. Она заметно оживила, активизировала преподавание русского языка и литературы, придала ему большую научную обоснованность, учебно-методическую оснащенность и организованность, развила нужные для него исследования на стыке дисциплин.

Характерной чертой МАПРЯЛ можно назвать смелое выдвижение новых проблем и активную их реализацию.

Жизненные силы МАПРЯЛ черпает в деятельности своих коллективных действительных членов, как правило, национальных объединений. Общество русистов Болгарии, Польское общество русистов, Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Чешская ассоциация русистов, ассоциация русистов Словакии и многие другие ведут громадную работу в своих странах, берут на себя организацию международных мероприятий и обеспечивают славу МАПРЯЛ как массовой, влиятельной и динамичной ассоциации с мировым авторитетом и большими возможностями.

Всемерную помощь МАПРЯЛ оказывает Советский Союз. Значительным событием в международной жизни русистов явилось создание Института русского языка им. А. С. Пушкина в Москве. Функционирование Института и его филиалов в Варшаве, Праге, Будапеште, Гаване расширило возможности повышения квалификации зарубежных преподавателей русского языка.

Празднование десятилетия МАПРЯЛ вылилось в деловую кампанию по дальнейшему расширению изучения русского языка в разных странах, повышению эффективности и качества преподавания, углублению исследований в области русистики. Об этом говорили представители ряда действительных членов МАПРЯЛ: профессор, д-р Б. Бялокович (ПНР), д-р Г. Мукерджи (Индия), профессор, д-р М. Бабович (СФРЮ), профессор Д. Дэвидсон (США), профессор С. Галсан (МНР), профессор, д-р К. Габка (ГДР).

Все выступавшие высказали единодушное стремление приложить еще большие усилия на поприще распространения русского языка, так как эти усилия будут способствовать осуществлению светлых идеалов человечества, установлению на земле прочного мира, дружбы и взаимопонимания между народами.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

ПАРТИЯ

Коммунистическая партия — это авангард советского народа, его наиболее сознательная, передовая часть, неотделимая от народа в целом.

Из доклада товарища Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 года

Слово *партия* пришло в русский язык еще в петровское время из французского языка. Знаменитый «Лексикон вокабулам новым» — первый словарь иностранных слов — так объясняет это заимствование: «Партия — несколько члкъ, часть».

В памятниках русской письменности начала XVIII века слово *партия* выступало в роли синонима к русскому *отряд*: «И фельдмаршал Шереметев в том походе июля месяца, посланною от себя партиєю получил викторию под Митавою» (Архив Куракина, т. I).

В начале XVIII века встречается и другое значение слова *партия*: «сторона, соединение нескольких людей противу других... единомышленники, последователи, сообщники» (Н. Яновский. Новый словотолкователь). «И того ж лета гетман литовский князь Вепневицкой взял партию шведскую, а учинилося то согласие между ими чрез бискупа Брестовскаго виленскаго и каноника» (Архив Куракина, т. I).

С первой четверти XVIII века слово начинает все чаще использоваться для обоз-

начения различного рода общественных и политических группировок: «Бибикова подозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя» (А. С. Пушкин. История Пугачева). Наименование одинаково широко употреблялось как для обозначения партий политических, так и литературных: «Партии, ничего не имеющие между собою общего, в нападках на натуральную школу действуют согласно, единодушно, приписывают ей мнения, которых она чуждается, намерения, которых у ней никогда не было...» (В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года).

С середины XIX века политическая направленность термина становится более ясной. *Партия* все чаще употребляется в сочетаниях: *либеральная партия, партия радикалов, социалистическая партия*.

В 90-е годы XIX века В. И. Ленин ставит задачу создания из разрозненных марксистских кружков революционной пролетарской партии. Основанная как передовой отряд рабочего класса, наша коммунистическая партия прошла славный путь борьбы, привела рабочий класс и крестьян к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Это определило дальнейшую судьбу термина, отодвинув на периферийные позиции его значения 'отряд', 'группа', 'часть', 'сторона'. Общественно-политическое содержание стало основным в семантике слова:

Мозг класса,

дело класса,

сила класса,

слава класса —

вот что такое партия

В. М а я к о в с к и й. Владимир Ильич Ленин

Новое семантическое наполнение получают и производные от *партия* — *партийность*: «С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 4, с. 419); *партийный*: «Когда-нибудь в музее Великой Отечественной войны эти партийные билеты расскажут нашим потомкам о том, что никогда на земле не было более стойких и более верных людей, чем воины-большевики» (Б. Горбатов. Партийный билет); *партийцы*: «Нам на строительство до зарезу нужны на этих ответственных местах авторитетные и классово-сознательные товарищи: десятниками и бригадирами должны быть обязательно партийцы как организаторы и подлинные революционеры» (Ф. Гладков. Мятая юность).

Слово *партия* стало в нашей стране символом всего нового и передового, устремленного в будущее. Недаром в Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик записано: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу».

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

О. А. ПЫЛАКИНА

Рисунок Ю. Космынина

Слово *хотон* 'калмыцкий аул' впервые зафиксировано в «Толковом словаре» В. И. Даля. *Хотон*, по свидетельству исследователя сибирских говоров Э. К. Пекарского, встречается в колымско-русских говорах Сибири, где имеет значение 'хлев, помещение для скота'. Ученый указывает на то, что данное слово, кроме тюркских языков, знают монгольский, бурятский, калмыцкий, то есть монгольские языки (Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка).

Видимо, слово *хотон* по происхождению монгольское. В пользу этого говорят значение и звуковой облик, которые почти совпадают

ют в монгольском, бурятском и калмыцком языках. Монгольское происхождение слова подтверждается и сведениями «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, где «хоттон — своеобразный родовой союз, одинаково встречающийся как у китайских монголов, так и у волжских калмыков, и сибирских монголо-бурят... хоттон все чаще употребляется как географический термин, обозначающий населенный пункт, состоящий из большей и меньшей группы близко стоящих юрт, независимо от того, состоят ли обитатели в родстве между собой и ведут ли они вообще хозяйство».

Исторические свидетельства говорят о том, что *хотон* как населенный пункт кочевого характера возник именно среди монгольских народностей. Так, известный советский монголовед Б. Я. Владимирцов в книге «Общественный строй монголов» (Л., 1934) пишет: «Ойроты кочевали хотонами (*хотон*), т. е. аялами или кочевыми поселками, которые составлялись почти исключительно из близких родичей».

В современном монгольском языке известно слово *хот* в значениях: 'город'; 'группа юрт'; 'стойбище, загон для скота'. Привлекает внимание тот факт, что в «Кратком монгольско-русском словаре» (1947) *хот* имеет при себе объяснение 'город, хотон, стойбище', что свидетельствует о наличии *хотон* в русском языке и его широком распространении в Южной Сибири.

В далеком прошлом слово проникло в тюркские, тунгусо-маньчжурские, позднее в некоторые кавказские языки. Формы слова *кутан* и *котан* в значениях 'помещение для овец', 'хлев для скота' и т. п. встречаются на территории Узбекистана, Таджикистана, Дагестана и Северной Осетии, на Северном Кавказе и употребляются в русской речи на страницах местной печати: «В колхозах сорван план строительства и ремонта тепляков и кутанов» («Правда Востока», 31 марта 1963); «В нашем колхозе в прошлом году построено три типовых кутана, каждый на 800—1000 голов» («Коммунист Таджикистана», 20 апреля 1960).

Известно, что тюркские слова (речь идет вообще о словах из восточных языков, поступивших через тюркоязычное посредство) попадали в различные языки через множество каналов. Здесь следует упомянуть о проникновении лексики (в данном случае тюркской) в тот или иной говор через некоторые социальные группы населения, особенно через казачество. На Кавказе в говорах старых русских переселенцев зафиксированы формы *кутан* ('летнее жилище кочевников'), 'свчарня' и *кутон* ('закутка для овец, телят и ягнят').

В наши дни в дагестанских языках, а также и в русской речи в Дагестане словом *кутан* называют населенный пункт на открытых настильцах, где находится скот, работают чабаны, пастухи,

доярки, комплексные бригады, заготавливающие корм скоту на зиму. На кутанах многих колхозов и совхозов имеются благоустроенные общежития, клубы, медицинские пункты, школы. Изменения, которые произошли в социально-экономической жизни колхозов и совхозов, наполнили слово *кутан* новым, более широким смыслом.

Хорошо известно, что частотность употребления слова зависит от важности обозначаемых предметов, явлений. Это обстоятельство сыграло важную роль в перемещении слова *кутан* в общеупотребительную лексику. Например: «Трое суток не прекращались яростные атаки метели на кутан» («Дагестанская правда», 18 марта 1967).

Слово *кутан* на почве русского языка обросло словообразовательными морфемами, что свидетельствует о вхождении его в лексическую систему русского языка: «На недавнем заседании правления колхоз выделил средства на строительство мастерских для прикутанной школы» («Дагестанская правда», 15 марта 1967); «Мы на прикутанном участке колхоза „Победа“» («Дагестанская правда», 9 апреля 1974).

А. У. УРУСИЛОВ

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● БЕЙКА

В. И. Винокуров (Орел) пишет: «В разговоре женщин впервые услышал слово *бейка*. Что это такое, спросить постеснялся, а в доступных мне словарях объяснения не нашел. Расскажите, пожалуйста, о *бейке*».

Положение этого слова в современном русском языке весьма своеобразно. Вряд ли найдется хоть одна женщина, которой оно незнакомо и которая его не употребляет: *бейка* — это узкая косая полоска ткани для отделки одежды. Однако ни один словарь русского литературного языка этого слова не упоминает. Более того, нет его ни в словаре В. И. Даля, ни в издаваемом сейчас «Словаре русских народных говоров» под редакцией члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина, объединяющем материалы всех предшествующих диалектных словарей. Единственный словарь, в котором содержится *бейка* — «узкая полоска ткани для украшения одежды; кант, тесьма», — это «Словарь брянских говоров» (вып. 1, Л., 1976).

Почему же это слово почти не отражено в словарях, какого оно происхождения? Ответ на первый вопрос следует, вероятно,

искать в значении *бейка*. И функционирование слова в живой речи, и единственная фиксация его в брянском словаре обнаруживают у него одно значение — ‘узкая полоска ткани’ (отмеченное в брянских говорах значение ‘кант, тесьма’ в данном случае указывает только на использование полоски). Такая семантическая бедность позволяет считать слово *бейка* исконным профессионализмом швей и портных.

Подобные лексемы могут довольно широко распространиться в разговорной речи, выйдя за пределы профессиональной, но если они не приобретают других значений, то с большим трудом проникают в письменный литературный язык и в словари, отражающие его. Обычно несколько более гибки в передаче профессионализмов диалектные словари: они часто включают в себя слова узких социальных групп. Поэтому следует внимательно отнестись к отсутствию *бейка* почти во всех словарях русских говоров. От этого во многом зависит решение вопроса о происхождении слова.

Рассмотрим возможность возникновения *бейка* на почве собственно русского языка. Ни форма, ни значение слова как будто не исключают его русского происхождения. Можно даже высказать предположение, что *бейка* образовано от глагола *обвить* и первоначально имело значение ‘то, чем обвивают, огибают край одежды; отделка’. В отношении формы корня слово *бейка* в таком случае подобно др.-русск. *вѣя* ‘ветвь’, также образованному от *вить*. Что же касается исчезновения корневого *в* и отсутствия начального *о* в предполагаемой приставке *об* (ср. *обвить*), то подобные изменения обычны в славянской лексике и могут быть объяснены следующим образом. В предполагаемой исходной форме **обвейка* группа согласных *бв* была упрощена в *б*, как, например, в словах *оборка* (где корень тот же, что и в *сворка* ‘поводок’), *оболочка* и др.-русск. глаголе *оболочи* (от которого образовано *оболочка*), восходящем к *об-волочи*. В результате этого преобразования должно было получиться **обейка*. Далее звук *б* в этой форме был воспринят, видимо, как начало корня, произошло переразложение в структуре слова: *о-бейка*, а затем приставка *о* была отброшена, как в псковском слове *балчина* ‘облако’ и рязанском *блезнуть* ‘облезть, утратить волосы или перья’.

Таким образом, и формально, и семантически интересующее нас слово могло бы толковаться как исконно русское образование. Однако отмеченное отсутствие *бейка* почти во всех диалектных словарях заставляет помедлить с таким решением вопроса и побуждает рассмотреть и другую версию происхождения слова, а именно — его заимствование.

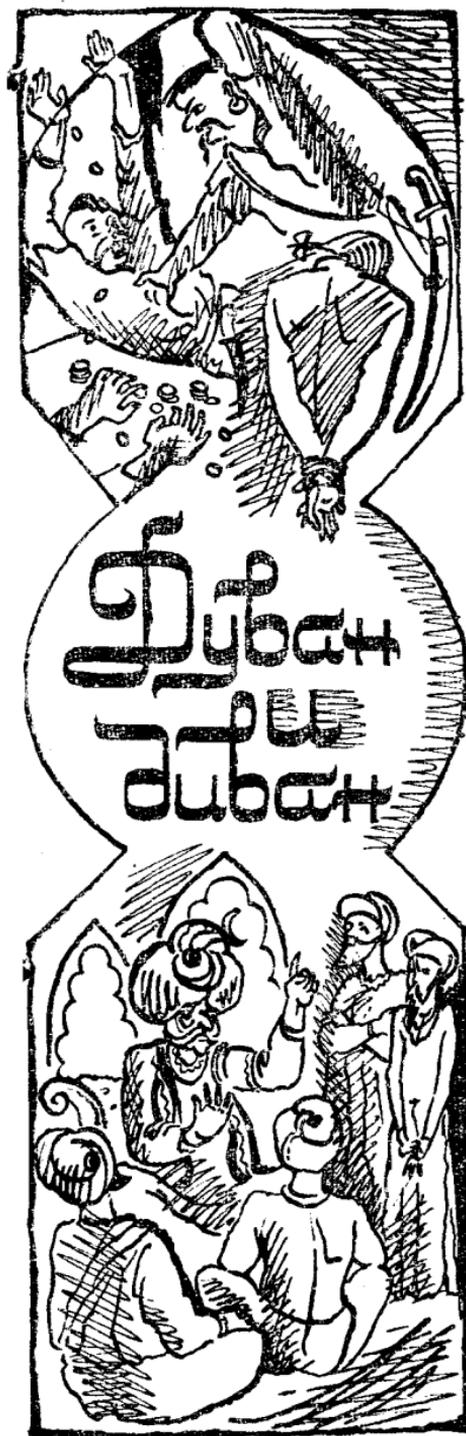
В швейной терминологии заимствованных слов много. Например, заимствованиями являются близкие по значению к *бейка* слова *рюш* (из франц. *rushe*), *волан* (из франц. *volant*); скорее всего заимствованием из франц. *billot* 'обрубок' является и укр. диалектное *бийо* 'обшивка ковра или конца полоза у саней; кант из другой материи на одежде'. Очевидно обильнее заимствований из французского языка.

Это не вызывает удивления, поскольку известно влияние западной моды и соответственно швейного дела на русскую одежду и ее изготовление в XVIII и XIX веках. Если же принять теперь во внимание, что *бейка* — это косая полоска материи (что, впрочем, уже забывается, в руководствах по швейному делу нередко встречается уточнение: *косая бейка*), то становится очевидной возможность заимствования и этого слова из французского языка, где *biais* (произносится [*бье*] или [*биэ*]) означает 'косое направление'. На русской почве слово приобрело продуктивный суффикс *-ка* и несколько трансформировало корень в направлении сближения с обычной для русского языка структурой: *бье* (*биэ*) преобразовалось в *бей-ка*.

Подтверждением данного толкования происхождения слова является наличие близкого заимствования в болгарском языке: в профессиональном языке болгарских портных есть слово *биэ*, обозначающее 'вид шва, в котором одна ткань перекрывает другую' (данный шов используется как украшение на одежде или как средство против осыпания, обтрепывания ткани). Болгарские лексикологи возводят этот профессионализм к франц. *biais*. Очевидно, в болгарском языке это заимствование еще сохранило наибольшую близость к источнику и легко распознается как иноязычный элемент. Такая стадия была несомненно и в истории данного заимствования на русской почве, но следов ее в нашем языке нет. Болгарский материал свидетельствует о реальности заимствования французского слова в славянские языки, позволяет судить о путях его освоения и возможных значениях (ср. болг. 'шов с неровным, косым наложением ткани как средство отделки, украшения' и русск. 'косая полоска ткани для отделки') и тем самым подтверждает мысль о заимствовании *бейка* из французского языка.

Иноязычное происхождение слова объясняет факт отсутствия его в диалектных словарях: заимствование шло через городских мастеров и лишь вторично и эпизодически усваивалось сельским населением — основным носителем и хранителем диалектов.

Ж. Ж. Варбог

Группа школьников из города Гурьева попросила рассказать о происхождении слова *дуван* и употреблении этого слова в составе географических названий.

В нашем журнале уже рассказывалось о слове *дуван* (О. Д. Кузнецова. Дуван — дуванить. — 1973, № 3). Помещаем еще одну заметку, посвященную истории этого слова.

Как показывают материалы недавно выпшедшего четвертого выпуска «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., 1977), *дуванъ* в русских памятниках письменности встречается с самого начала XVI века как название государственного совета и лиц этого совета, сановников в некоторых восточных странах. Русская форма *дуванъ* отражает особенности тюркского (скорее всего старинного татарского) произношения персидского слова *диван*, которое в современном персидском языке имеет значения: 'суд, судилище'; 'государственный совет'; 'совет высших чиновников при султанах'; 'двор, придворное окружение'; 'сборник стихов одного поэта'.

В XVII веке слово *дуванъ* в русском языке приобрело своеобразные значения: 'сходка (собрание, совет) для дележа добычи, жалованья и т. п.'; 'дележ добычи, жалованья'; 'добыча'. От существительного были образованы

глагол *дуванить* 'делить добычу, жалованье и т. п.' и целое тавтологическое выражение с тем же значением *дуван дуванить*.

В VIII выпуске сводного «Словаря русских народных говоров» (Л., 1972) упоминается *Дуван-гора* — «Одна из вершин волжских гор около Камышино — от слова „дуван“ — декеж награбленного разбойниками добра». *Дуванами* назывались такие места сходок, как выгон в степи, огороженное место для скота, открытое место (где удобно было собираться), а также открытые места, подверженные ветрам. Перенести дальше это название на *дующий* ветер помогло созвучие глагола *дуть* и существительного *дуван*.

Отмеченное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *дуван* в значении 'одуванчик' возникло самостоятельно в результате сокращения общеизвестного *одуванчик* и к многозначному слову *дуван*, распавшемуся на ряд омонимов, отношения не имеет.

Наряду с *дувань* в качестве названия высшего государственного совета в странах Востока русский язык с XVII века также знает слово *дивань*. Данная форма пришла в него сразу двумя путями: через посредство европейских языков и тех тюркских, в которых сохранялась форма *диван*, близкая к персидскому первоисточнику (так, например, в турецком языке есть слово *divan*, которое имеет сейчас значения 'высший совет', 'суд, трибунал', 'сборник произведений какого-либо поэта').

Название разновидности мебели большого размера для сидения и лежания — *диван* — известно русскому языку лишь с конца XVIII века. Попало к нам оно из французского языка, в который пришло также из персидского, но через арабское посредство. Интересно, что во французском языке еще до появления в XVII веке из Египта названия мебели *divan* существовала с XIV века форма персидского слова, проникшая через арабское и итальянское посредство и давшая начало современному французскому наименованию таможни *douane*. Кстати, значение 'таможня' отмечено также и у русского существительного *дуван* в астраханских и оренбургских народных говорах. Современные толковые словари указывают на специальное литературоведческое употребление слова. *Диван* используется как термин для обозначения особых поэтических сборников в литературах Востока.

В русских народных говорах Литовской ССР встречается слово *дыван* 'грубая домашняя ткань (обычно стелется на пол, на кровать)'. Оно восходит к белорусско-польскому наименованию ковра *дыван* (*dywan*), в котором отражено своеобразное изменение звучания и значения все того же персидского *диван*, попавшего в эти языки, вероятно, из уже исчезнувшего языка литовских татар.

Отражено это бродячее и постоянно меняющееся слово и в составе географических названий. Чувашский языковед М. И. Скворцов посвятил этому вопросу специальную статью «Тáван из персидского диван» (См. сборник: Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 1. Чебоксары, 1972), в ней приведено большое число географических названий (преимущественно Поволжья), восходящих к рассматриваемому персидскому слову.

И. Г. ДОБРОДОМОВ
Рисунок В. Комарова

В русском языке немало выражений, имеющих в своем составе субстантивированное прилагательное, то есть перешедшее в разряд имен существительных. В процессе своего развития они утратили определяемое существительное, что привело к забвению их первоначального смысла: *пойти на попятную, нести околесную, кричать во всю ивановскую, пуститься во все тяжкие...* К таким выражениям относятся и обороты с прилагательным *кривой* — *куда кривая вывезет* и *на кривой не объедешь*.

Что же подразумевается под кривой, которая 'вывозит', 'выносит' или 'выводит' людей при случайных, непредвиденных обстоятельствах? Причудливая фортуна, счастливая звезда или извилистая дорога, олицетворяющая в нашем выражении удачу?

Раскроем «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1967). Здесь собран богатый иллюстративный материал к фразеологизмам *кривая вывезет* (*вынесет*)

‘кому-либо повезет’; ‘кому-либо поможет случайность, непредвиденное обстоятельство’ и *куда кривая вывезет* (*вынесет, выведет*) ‘так, как получится, как случится’. Но в примерах из произведений прошлого века и современных прилагательное *кривой* не определяет какое-нибудь конкретное существительное. Значит, оно было утрачено очень давно. Не случайно его не пытался реконструировать даже известный историк русской фразеологии М. И. Михельсон.

Зато оборот *на кривой не объедешь* ‘не перехитришь, не проведешь, не обманешь’ не остался без исторического толкования. В. И. Даль в Толковом словаре русского языка приводит его в двух полных вариантах: *Его на кривых оглоблях не объедешь; На кривой лошади* (или *на кривых оглоблях*) *плута не объедешь*. Эта запись как будто приближает нас к разгадке исходного смысла выражения, но в то же время ставит новый вопрос: какое именно слово — *оглобля* или *лошадь* — следует считать исконным в сочетании с прилагательным *кривой*?

М. И. Михельсон отвечает на этот вопрос, «отталкиваясь» от существительного *оглобли*. Смысл выражения, по его мнению, в том, что «кривые оглобли — удобнее» (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь).

Вдумаемся, однако, в смысл оборота. «Видит головотяпы, что вор-новатор кругом на кривой их объехал, а на попятный уж не смеют» (Салтыков-Щедрин. История одного города); «Не-ет-с, он не глуп! Он даже о-очень не дурак... его довольно трудно объехать на кривой» (М. Горький. Кирилка); «Терентий Фомич Штыков умел выскочить в дело. Его на кривой не объедешь» (Б. Бычевский. Город-фронт).

Не правда ли, толкование М. И. Михельсона как-то не вяжется с употреблением выражения русскими писателями? В их контексты не укладывается представление о каком-то более удобном, а следовательно, и быстрходном способе передвижения. Скорее наоборот: здесь подразумевается нечто неполноценное, не совсем удачная уловка, слишком простой обман.

«Этого человека не так-то просто одурачить», «его на мякине не проведешь» — вот подтекст выражения. Поэтому более вероятным кажется предположение, следующее из записи В. И. Даля: исходной формой оборота было сочетание *на кривой лошади не объедешь*. Действительно, другие варианты русского фразеологизма подтверждают, что речь в нем идет именно о животном: *его на воронях не объедешь, на саврасой не объедешь* и даже *на коге не объедешь*. Характерно, что и в украинском языке находим выражение *на козі не об'їдеш* ‘не перехитришь, не обманешь’.

Еще убедительнее реконструкция существительного *лошадь* в русском выражении выглядит при обращении к фразеологии других славянских языков, особенно польского. Здесь находим поговорки, помогающие понять общий языковой контекст, в котором рождались и русские обороты: «На здоровом коне на рынок, на хромом домой», «На леченом коне далеко не уедешь», «Не дай боже коня лечить, потому что на леченом ездить плохо» и подобные. Пословичные аналогии такого рода помогают прояснить смысл русского фразеологизма: *его на кривой (лошади) не объедешь*, потому что она передвигается медленно, а он ездок опытный и не позволит себя просто обогнать.

Такое толкование, как видим, предполагает и не совсем обычное понимание слова *кривой* — не ‘слепой на один глаз’, а ‘хромой’. Данное значение записано в русских говорах, например, в язапских. Ср. также *кривуля* ‘кривой глазом, либо кривобокый, кривоногий человек’ (Словарь В. И. Даля).

Опущение именно слова *лошадь*, а не какого-нибудь другого, в нашем обороте становится особенно убедительным, когда мы обращаемся к целому ряду сочетаний, связанных с конным транспортом и бывших в свое время весьма употребительными: *ехать на долгих, на почтовых, на переменных, на передаточных, на сдаточных, на перекладных, на своих, на обывательских, на перекидных, на сквозных, на простых* и др. Имя существительное *лошадях* здесь легко восстанавливается, ибо именно оно было смысловым центром, вокруг которого группировались все эти сочетания.

Варианты *на кривой козе не объехать, на кривых оглоблях не объехать* на фоне этой активной и весьма прозрачной модели выступают как индивидуальные перевоплощения исходного образа сочетания, связанного с кривыми, то есть хромыми, физически небогатыми лошадьми.

Вернемся теперь к оборотам *кривая вывезет (вынесет) и куда кривая вывезет (вынесет, выведет)*. Может быть, в них все-таки речь идет и не о лошади, а о кривой дороге или оглобле?

Посмотрим внимательнее на вариантный ряд этих фразеологизмов и их контексты.

Во-первых, характерно, что слово *кривая* сочетается с глаголами, которые могут употребляться прежде всего при существительном *лошадь* — *вывезет* или *вынесет*. Вариант же *куда кривая выведет* зафиксирован лишь один раз в Словаре под редакцией А. И. Молоткова, причем, пример взят из произведения современного писателя А. Степанова «Семья Звонаревых». Такой вариант явно вторичен и позднейшего происхождения. А ведь только он мог бы быть как-то логически увязан с кривой дорогой, а не с лошадью.

Во-вторых, в диалектной речи встречаются и другие обороты, довольно прямолинейно подчеркивающие «лошадиный» образ подобных выражений. Таковы, например, фразеологизм *пошла кривая* 'пошло дело кое-как', отраженный словарями В. И. Даля и М. И. Михельсона, и восточно-сибирское выражение *запоперечит кривая* 'не повезет', зафиксированное в «Словаре русских народных говоров» (вып. X. Л., 1974). Характерен контекст диалектного выражения, свидетельствующий о том, что его значение соотносится (антонимически) со значением литературного оборота *кривая вывезет*: «Недаром говорят здешние промышленники, что как „к фарту“, так соболя даст бог ни с чего, а уже как запоперечит кривая, так хоть ты убейся, а соболя не добудешь». Связь между этими оборотами прозрачна лишь при учете предлагаемой мотивировки: кривая лошадь может повезти, вывезти или вынести, а может и «запоперечить», заупрямиться. Кривая же оглобля или до рога «запоперечить» не могут.

В-третьих, контексты наших выражений подтверждают предлагаемую внутреннюю логику образа, связанного с хромыми лошадьми. Ведь поехать куда-нибудь на такой лошади — дело рискованное: она может довезти, а может и не довезти до места назначения. Вот и остается полагаться на удачу. Именно такой «добавочный оттенок» и характерен для контекстов этих выражений: «— Неприятно испытывать собственную беспомощность,— вздохнул старик.— Вот сиди и жди: может, вывезет кривая.— Ничего, Кузьма Кузьмич, кривая вывезет! — Теперь уже Маня успокаивала Тополева, хотя он беспокоился не за себя» (В. Ажаев. Далеко от Москвы); «С которой бы стороны к нему подъехать?.. Решительно не знаю... ну, да уж пуцусь на счастье, куда кривая не вынесет» (А. Н. Островский. Не в свои сани не садись).

Наконец, внутренняя логика данного фразеологического образа подтверждается самой крестьянской жизнью, отразившейся в старинных русских пословицах: *На худой лошадке (да) в сторонку; На леченой кобыле не долго ехать; На леченой кобыле не наездишься*. Больная лошадь далеко не увезет, да к тому же может и «в сторонку» повернуть.

Лингвистическая реконструкция существительного *лошадь* в обороте *на кривой не объедешь*, таким образом, помогает объяснить и исходный смысл фразеологизма *куда кривая вывезет*. Отправляться в далекий путь на хромой лошади — значит действовать «на авось». Отсюда и тот фаталистический подтекст, который характеризует это русское выражение.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

КАК СТАВИЛИ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Иногда приходится слышать и читать, будто в древней русской письменности постановка знаков препинания была «случайной», «беспорядочной» и т. п. Так ли это?

Конечно, пунктуационная норма (как, впрочем, и орфографическая) не была в старину такой строгой, как сейчас. Среди старинных текстов не редкость такие, где знаки препинания отсутствуют вообще или появляются изредка. Может быть, это и породило скептические оценки нашей древней пунктуации вообще. Если мы присмотримся к литературным памятникам, даже самым древним, то увидим, что ни о какой беспорядочности и случайности пунктуации в них говорить не приходится: знаки препинания ставятся по совершенно четкой системе, только в основе ее лежат другие синтаксические явления, нежели в основе современной. Какие именно?

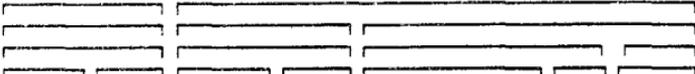
Чтобы разобраться в этом, возьмем какое-нибудь обычное для нас предложение, хотя бы такое: *Вчера вечером в нашем заводском клубе состоялся большой праздничный концерт.* Никаких знаков препинания внутри его теперешние правила не предусматривают. Но любой школьный учитель знает, что если ученик не силен в пунктуация, то он в этом предложении вполне способен поставить запятую после слова *клубе*. А почему?

Посмотрим на структуру фразы, обращая внимание не на члены предложения и их морфологическое выражение, а на смысловые отношения слов. Выделим прежде всего слова, способные хотя бы потенциально нести на себе главную смысловую нагрузку, быть под логическим ударением. Очевидно, такими будут все, кроме предлога *в*. Теперь посмотрим, как реально распределяется смысловая нагрузка: нет ли таких слов, которые в смысловом отношении объединяются в пары с соседними. Видимо, попарно объединяются *вчера вечером*, *заводском клубе* и *праздничный концерт*, а остальные остаются «в одиночестве». Получается такое членение: 1) *вчера вечером*, 2) *в нашем*, 3) *заводском клубе*, 4) *состоялся*, 5) *большой*, 6) *праздничный концерт*. Теперь образуем наиболее тесно связанные по смыслу пары из полученных нести единиц: 1) *вчера вечером*, 2) *в нашем заводском клубе*, 3) *состоялся*, 4) *большой праздничный концерт*. Если объединить, опять-таки попарно, и эти единицы по признаку наибольшей смысловой связанности, то мы получим как раз те две части предложения, между которыми просится эта самая ошибочная запятая. Что это за части? Первая из них содержит как бы уже что-то известное человеку, к которому мы обращаемся с этой фразой, данное ему из предыдущего текста или из обстановки, в которой происходит общение. Вторая же часть содержит то, что для собеседника является новым, ради чего, собственно, и сказана эта фраза. Может быть, это ответ на вопрос: «Что было *вчера вечером в нашем заводском клубе?*» или «Было ли что-нибудь *вчера вечером в нашем заводском клубе?*»

Такое членение предложения на данное и новое, а затем и на составные части этих основных компонентов, как раз и лежит в основе древнерусской пунктуации. Называется такое членение актуальным.

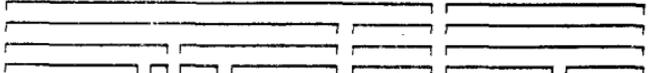
Из древнейших памятников, написанных на Руси, особенно интересно в этом смысле Остромирово евангелие 1056—1057 годов. Если в других памятниках, и современных Остромирову евангелию, и более поздних (вплоть до XV—XVI веков), в регулярном употреблении преимущественно один пунктуационный знак — точка, то в Остромировом евангелии (правда, только в части его текста) употребляются также крест и вертикальная волнистая черта —

змейца. Оказывается, функции этих знаков четко определены. Так, крест почти всегда ставится в конце предложений или после слов автора перед прямой речью (а это тоже в некотором смысле конец предложения: ведь конструкции с прямой речью — это бессюжные сложные предложения, и конец авторских слов в них является окончанием одного из простых предложений, входящих в состав сложного). Например: И иже бѣхъ съ ними · глѣща + въистинѣхъ · въстахъ · и явиса Симоноу + (И те, которые были с ним, говорят:— Он воистину восстал и явился Симону). Для облегчения чтения текст разделен на слова, хотя в подлиннике от знака до знака все пишется слитно. Что касается точки и змейцы, то они, за немногими исключениями, разделяют те или иные единицы (слова и группы слов) внутри предложения, соответствующие актуальному членению. Значение обоих знаков идентично, но точка ставится, как правило, в авторской речи, а змейца — в прямой. Например: въ оно врѣмя · Петръ въставъ · тече къ гробу + (В то время вставший Петр пришел к пещере) — в повествовании евангелиста, но «исправите пѣть гнѣ ꙗкоже рече ꙗкоже Исаия пророкъ +» (Исправьте путь господень, как говорил Исаия-пророк) — в реплике Христа. Вот еще некоторые примеры, иллюстрирующие связь пунктуации евангелия с актуальным членением (ступени актуального членения для наглядности обозначаем горизонтальными скобками):

 ВЪ ОНО ВРѢМЯ · СТОЯШЕ ИОАНЪ · И ОТЬ ОУЧЕНИКЪ ЕГО ДЪВА +

(«В то время стоял Иоанн и из учеников его двое»)

 И СЛЫШАСТА И · ОБА ОУЧЕНИКА ГЛѢЩЬ · И ПО ИСЪ ИДОСТА +

(«И услышали оба его ученика говорящего и за Иисусом пошли»)

О том, что постановка знаков препинания в одном из древнейших на Руси памятников подчинена вполне определенным правилам, косвенно свидетельствует и такой любопытный факт: в некоторых местах текста знаки эти выскоблены. Значит, писец понял, что поставил знак неверно, и, соскоблив его, исправил ошибку.

В Остромировом евангелии, кроме указанных трех знаков,

встречаются и такие редкие, как комбинация точек и черточек в конце абзацев, двоеточие, выделяющее иногда отдельные слова в заголовках служб, посвященных тому или иному святому.

Однако для истории пунктуации всей европейской письменности характерны длительные периоды регресса и застоя. Так было и на Руси: после сравнительно разнообразной пунктуации Остромирова евангелия наступает долгая полоса «единозначия». Лишь концы абзацев, глав и других больших по объему отрезков текста могут обозначаться в это время комбинациями точек и черт, а внутри текста ставятся одни точки. Но при всей своей бедности пунктуация и в эту эпоху не беспорядочна: она по-прежнему отражает актуальное членение, только границы предложений их актуальных компонентов обозначаются одинаково. Например: «Оже смерд мочить смерда безъ кн^ѣж^ѣ слова то г. ірвп. продаже» (Если смерд мучит смерда без княжеского позволения, то 3 гривны штрафа) (Русская Правда по Синодальному списку 1282 г.). Границы простых предложений (как самостоятельных, так и в составе сложного) обозначаются в памятниках XI—XV веков достаточно последовательно. Что касается пунктуации внутри простого предложения, то еще предстоит выяснить, какой ступени актуального членения она соответствует чаще всего. Но очевидным фактом является то, что знаки, противоречащие актуальному членению, появляются у древних писцов очень редко. Иногда такие случаи поддаются объяснению. Например, точка внутри единой смысловой группы (стадиі. шестьдес^ѣть) в Остромировом евангелии легко объясняется тем, что цифрами в древней славянской письменности служили обычные буквы. Чтобы отличить их от букв в звуковом значении, они снабжались сверху надстрочным знаком титла, а по сторонам — точками (пример из Русской Правды), — и вот писец по инерции ставит точку также и перед числом, написанным прописью.

Конечно, есть в памятниках точки, наличие которых трудно объяснить, но встречаются они ничуть не чаще, чем пунктуационные ошибки у современного нам грамотного человека. Каждый может ошибиться, но ошибка не дает права говорить об отсутствии правил.

В XV—XVII веках арсенал знаков препинания в русской письменности постепенно пополняется: вводятся запятая, точка с запятой, вопросительный и восклицательный знаки, скобки. А в XVIII веке складывается в основных чертах современная система пунктуационных правил.

В. И. ОСИПОВ

Рисунок Ю. Космынина

Д. С. Лихачев.

**«СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ».****Историко-литературный
очерк**

«Слово о полку Игореве»... Знакомое всем со школьной скамьи и вместе с тем до сих пор хранящее столько нераскрытых тайн, неясностей, лигатурных и исторических загадок. Лучшее произведение древнерусской литературы, поражающее даже современного искусственного читателя «роскошью языка», глубоким драматизмом, высоким патриотическим пафосом. Вечная, неискаемая тема для раздумий, исследований, монографий... «Благоуханным цветком» русской литературы назвал «Слово» В. Г. Белинский.

Много сил, времени отдал изучению этого древнего шедевра известный советский ученый академик Д. С. Лихачев. В 1976 году в издательстве «Просвещение» (М.) вышла его книга «Слово о полку Игореве». Написанная в популярной, увлекательной форме живым, образным языком, она дает глубоко научное, всестороннее описание исторических и литературных проблем, связанных с этим произведением.

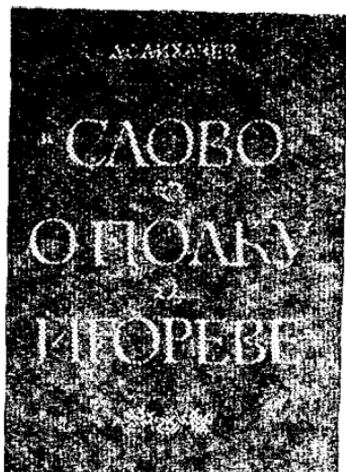
Чтобы дать представление читателю о широте проблематики монографии, приведем лишь некоторые названия ее глав (их всего 15): «Открытие „Слова о полку Игореве“», его издание и изучение», «Культура Руси XII в., времени создания „Слова о полку Игореве“», «„Слово“ и народная поэзия», «„Слово“ и древнерус-

ское язычество», «„Слово“ и древнерусское искусство», «„Слово“ и феодальная символика его времени» и т. д.

Трагичны события, описанные в „Слове“, трагична и судьба самой рукописи, найденной в начале 90-х годов XVIII века известным собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным в Спасо-Ярославском монастыре. В 1812 году рукопись сгорела во время московского пожара в доме Мусина-Пушкина на Разгуляе. До нас дошла копия, предвзначавшаяся для Екатерины II (издана в 1800 г.).

Как известно, в „Слове“ нашла отражение одна из драматичнейших страниц русской истории — отсутствие единения Руси и междоусобная борьба феодальных князей перед «нависшей над Русью половецкой опасностью». В книге дается содержательный исторический комментарий к „Слову“. Читатель найдет в ней яркие характеристики князей феодальной Руси XII века — колоритных фигур эпохи: это, например, Юрий Ростиславич — «буй Рюрик» из «Слова о полку Игореве». Всеволод Юрьевич Суздальский (по прозвищу «Большое гнездо»), Роман Волынский — «буй Роман» в „Слове“ и другие. Центральным образом „Слова“ является русский народ, русская земля; к ним обращен страстный призыв автора объединить усилия всех русских людей для борьбы с половцами.

Исследуя сложную, не поддающуюся традиционным определениям, художественную природу „Слова“, академик Д. С. Лихачев приходит к выводу о жанровом синкретизме («жанровой неясности») этого произведения, принадлежности его одновременно к двум жанрам: литературе и фольклору.

ся поэтичностью, выразительностью его языка. Ср.: сипии молнии «трепещуть», трава «никнет от жалости», месяц «тьмою ся поволока и въ морь погрузиста», печаль «жирна течё средь земли Рускыи», веселье «по ковылию развья» и так далее. В отличие от метафор эпитеты редки в „Слове“, но как они метки и выразительны: *жемчужная душа, теплые туманы (мглы), живые струны*. Многие образы „Слова“ отличаются поразительной зрительной четкостью (например, *золотой шлем Всеволода посвещивает в битве*). Причем, эти зрительные образы харак-

лору: «Как произведение литературное, книжное, „Слово о полку Игоре“ ближе всего стоит к форме письменных ораторских произведений. Как произведение, теснейшим образом связанное с устной народной поэзией, оно стоит ближе всего к народным плачам и прославлениям» (с. 79).

Сложным и не имеющим однозначного решения в науке является вопрос о ритмике «Слова». Не раз делались попытки обнаружить в «Слове» тот или иной определенный стихотворный размер (трохей, амфибрахий и т. д.); сравнивали ритмику „Слова“ с аллитерационным стихом скандинавских скальдов, с ритмом византийской церковной песни, со стихом русских былин и т. д. По мнению академика Д. С. Лихачева, «ритмическая система „Слова“ глубоко своеобразна и принадлежит своему времени — XII веку. Ритм „Слова“ в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста» (с. 113).

Вновь и вновь перечитывая „Слово“, нельзя не восхищаться-

терны для средневековья. Они часто напоминают изображения на иконах или миниатюрах, отражающих какие-либо торжественные церемонии. Например, Ярослав Осмомысл сидит высоко на своем златокованном престоле и управляет войском и княжеством, Игорь Святославич сидит в золотом кресле и т. д. Изображение различных, окружающих Русь народов — немцев, греков, моров, поющих славу Святославу и оплакивающих князя Игоря, словесно повторяет аналогичную по содержанию миниатюру в знаменитой русской Радзивиловской летописи, в которой помещены более 600 миниатюр, отражающих различные события русской истории X—XII веков, в том числе и поход Игоря Святославича на половцев.

Не все образы „Слова“ понятны современному читателю. Некоторые из них связаны с военной, феодальной символикой того времени и требуют соответствующих историко-языковых комментариев. Например, описывая поражение русских воинов на реке Каяле, автор пишет: «въстала обида въ силахъ Дажьдбожа внука» (в русских войсках). Слово *обида* в феодальном быту того времени употреблялось в значении ‘нарушение феодальных прав’, прав князя, княжества или всей Руси. В «Слове о полку Игореве», как пишет академик Д. С. Лихачев, слово *обида* имеет не столько значение ‘нарушение феодальных

прав’, сколько более распространенное в народной лексике значение ‘горя’, но само выражение *встала обида* типично для феодальной символики того времени. Или возьмем к примеру другое словосочетание: «испити шеломомъ Дону». Игорь, призывая свою дружину выступить в поход на половцев, говорит: «Съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». Значение этой фразы станет понятным до конца, если принять во внимание военную символику того времени: выпить шлемом воды из реки было символом победы над страной, расположенной по этой реке.

Подобные историко-языковые комментарии, приведенные в книге, помогут учителю-словеснику, на которого она ориентирована, донести до учащихся богатое идейное и художественное содержание «Слова». Этой же задаче отвечают и другие особенности композиции и содержания книги: четкое изложение основных вопросов в отдельных главах, многочисленные иллюстрации, подробный анализ содержания и объяснительный перевод «Слова», а также Приложение, в котором дается текст «Слова» с проставленным ударением.

Книга адресована учителю средней школы, но ее с увлечением прочтут как филологи, так и все, кто интересуется историей русской литературы.

В. Ф. ХАРПАЛЕВА

Заповедные говоры

Далекый северный край. Глушь. Бездорожье... Таково впечатление всех, побывавших на Пинеге. До недавнего времени это был настоящий «медвежий» угол...

Здесь, в этих условиях изолированности от внешнего мира, складывались и развивались говоры чрезвычайно своеобразные, сохраняющие архаические особенности, получающие новые самобытные черты.

Много лет посвятила исследованию пинежских говоров доцент Калининградского университета Г. Я. Сими́на, материалы которой — это записи живой речи сельских жителей русского Севера. Ею написано несколько книг, посвященных пинежским говорам: описанию их фонетических особенностей, грамматической системы, лексического состава (см.: Г. Я. Сими́на. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970; Г. Я. Сими́на. Пинежский говор. Материалы по русской диалектологии. Калининград, 1976). Эти материалы и книги позволяют составить достаточно полное представление о говорах Пинежья, знакомят с жизнью и бытом их носителей, с природой, с обычаями и привычками пинежан. Они хорошо передают диалектное своеобразие и прелесть живой северной речи.

Диалектная лексика Пинежья тематически очень разнообразна: от бытовой до фольклорной. Одной из ее характерных особенностей является сохранение архаических черт. В говорах Пинежья много слов и значений, уже утраченных литературным языком. Здесь еще живы слова *ра́титься* 'бороться, драться', *бдерель* 'навсегда, навечно', *га́литься* 'издеваться, насмешничать' и другие, известные нам по летописям и другим историческим памятникам:

ПИНЕЖЬЯ

Медведица хотела рáгиться со мной; Ты уезжаешь уж в бдерень, не приедешь к нам больше?

Можно услышать (в речи стариков) слова *баять* (говорить) (Почто вы пишете-то, чего мы баем?) и *речи* (Что Сульца-та (деревня) речет, как они постановили?). А производные от этих корней очень употребительны: *пробаять, разбаяться, убаяться, убаять; речить, рёкнуть, рёкчать, рёшкать* (Пришла, разбаялась, много всего наговорила; Не речите вы! Каки ведь зевласты! Акулина бы пришла, дак тут бы и спели, рёкнули бы).

На Пинеге, например, известно слово *негодяй* в своем прямом значении 'такой, который не годится, не пригоден для чего-либо': *Его в армию не брали — он негодяй, пальца нет на правой руке.*

Удивительно богата лексическая система говоров словообразовательными возможностями, наличием многообразных суффиксальных и префиксальных образований, придающих речи северян яркую эмоциональную окрашенность.

Пинежские говоры отличаются большой детализацией в названии отдельных предметов и явлений действительности. Здесь бытует, например, много различных названий дождя: *корёбуха, корёба, сетуха, сётуга, лйвень, лёвень, обложник, обáбочник* и др. Следующие примеры дают возможность отчетливо видеть их отличие друг от друга: Ковда мелкой, мелкой дожжик, так сетухой называем; Корёба — как худо падёт, маленькой дожжик; Чтобы грибы пошли, надь заливной дож, а не сетуху; Дожджичек матронит, мездрит, такая сйтега; Обложник будет дожжичек, вишь, как кругом обходит, иной раз и неделю, и две простит обложник-от;

Така лёвень пошла, как из ковша, либо из ушата льёт; Обабосьник — это дож без ветру, обабки (грибы) на бору пойдут.

В пинежских говорах существует около трехсот глаголов говорения. Помимо слов стилистически нейтральных (говорить, сказать, судить, толковать, вьзвать, голчить, баять, молвить, трбить и др.), употребляющихся в значении 'говорить', здесь много слов экспрессивных, эмоционально окрашенных, получающих некоторые дополнительные оттенки в значениях. Последние характеризуют акт говорения с различных сторон, например, «Ботькаю сегодня, простудилась где-то, нос заложило»; «Бурмасит себе под нос потихоньку»; «Как кто кричит порато, так скажем „пасти́т“, ревет во всю пасть» и многие другие.

Грамматические и лексико-грамматические особенности пинежских говоров воссоздают в деталях грамматическую систему, говоров со всем ее диалектным своеобразием. Например, встречаемся с существительными, употребляющимися в другом по сравнению с литературным языком роде. Литературному слову мужского рода *бык* соответствует слово *бы́ка* — женского рода (пойду бы́ку поить), литературным *насморк*, *вред*, *нрав* соответствуют также слова женского рода (Цего-то насморка прохватила, она бывает с простуды; вреды тут нету никакой; не по нраве ей это).

Такие существительные, как *мужиченко*, *парнишко*, *девчешко* и т. п. употребляются в Пинежье как существительные среднего рода, несмотря на то, что обозначают лиц мужского и женского пола. Здесь записано: *мужицёнка у ей было тако толсто, неуклюжо; парнишко сзади како-то побегало; девцёнка осталось одно; ино мужицёшко большо, да што в ем?*

Таким же непривычным для литературного языка является употребление существительных увеличительных, которые в говорах согласуются по среднему роду: *ногице большо у ей; домище большо сгрохали; руцище-то длинно, кулачище большо.*

Средний род имеют существительные и с другими суффиксами субъективной оценки: *головёнка у его маленько; куфайцёнка-то худовато стало.*

Если склонение существительных мужского и среднего родов в пинежских говорах мало чем отличается от склонения их в литературном языке, то в склонении существительных женского рода заметно большое своеобразие. В этом склонении произошло обобщение форм трех падежей: родительного, дательного и предложного. Эта особенность хорошо заметна уже в писцовых книгах и других памятниках XVI—XVII веков (на тое межы стов пва; Матрены Петровой дано пять копеек и др.).

Особенно большие отличия наблюдаются в глагольной системе говоров. Здесь широко употребительны старые глаголы несовер-

шенного вида с суффиксами *-ва-*, *-ива-*; *-ыва-*, имеющие значение длительности или многократности действия (уж я его разбаивала, чтобы оставался, да уж не разбаешь, как домой тянет).

В пинежских говорах больше, чем в литературном языке, глаголов совершенного вида, имеющих значение однократности (возьму худу каку веревочку да завязну́, и дородно; сколько раз кукушка кукне, столько годов проживешь).

Интересно употребление глаголов *дать* — *давать*, *пасть* — *падать* и других; видовые различия у этих глагольных пар еще недостаточно отчетливо сформировались. Этим объясняется, например, тот факт, что глагол *пасть* в пинежских говорах употребляется в совершенном и несовершенном виде (все дожжик-то, вишь, падё; изба-то у меня скоро падёт вся).

Сохраняются также архаические формы 3-го лица глаголов без *т*, употреблявшиеся в древнерусском языке: *Ницего не ес она, фсё тоскнё; рецька-то буде больша, дак разольёца*.

Характерно обилие приставочных образований, в особенности отглагольных: «Жонки ведь иной раз бранятся, а я ни с кем не обранивалась»; «Вся я устала, да вся я умерзла в лесу-ту». Возможны глаголы с двойными приставками: «Одна девка к ему и заподхаживала, хороша была, круглолица». Приставки способствуют уточнению, конкретизации глагольной семантики: «Он надмекал мне, да я не поняла»; «Осенью уж редко солнышко проглянет, а после Миколы и запокáзывается».

Шире, чем в литературном языке, образуются степени сравнения прилагательных и наречий; они возможны и от отдельных относительных прилагательных: *полей маслом, сметанней каша-та будет*.

Эмоциональность, яркую выразительность речи пинежан придает обилие прилагательных с суффиксами субъективной оценки. Широко употребительны прилагательные с суффиксами *-енн-*, *-анн-*, *-янн-*, обозначающие большую степень качества (угор там страшенный; старянна старуха, очень стара), прилагательные с суффиксами уменьшительно-ласкательного значения: *-охоньк-*, *-ехоньк-*, *-ошеньк-*, *-ешечк-*, *-ехочк-*, *-оюшк-*, *-ышк-* и т. п. (Оксенья-то дороднёхонька, хорошбхонька; с Анной с малёшенькой-то мы помудились и т. п.) и в особенности прилагательные с суффиксами *-ащ-*, *-ущ-* (девка у ей красвяща, хорошаща; я вся заморпынилась, старяща уж, сухяща, всё больнущё). Такие прилагательные известны и от других частей речи: от наречий и глаголов (в гулящо-то время, в праздники-то, ницего не нарядёшь; девка смирёна была, уж вовсе не балуща; не робята у их, а бесята, таки надоедуци да ревливы, не дай бог).

Характерной особенностью пинежских прилагательных является наличие большого числа образований от одной основы: *едкбй, едбвой, едъявй, едбчий, ѳедный, ёдный, ёденный, ёдебный, побдистый, съедомый, неедомый* и др. Часть слов из этого ряда близка по значению: «Мягка-та травка, отава, едбова травка, скот-от ее любит»; «На наволо́ках-то ведь едъява травка»; «Там трава едка́, телята сами бегут». Другие же слова имеют отличные от этого значения.

В пинежских говорах больше местоимений; значение отдельных из них более конкретно, чем в литературном языке. Одни местоимения, например, указывают на предмет ближайший к говорящему *сей, тот, этот, тот вот, ну тот*, другие — на предмет отдаленный *тот там*: (в нутом лебо в том месяцю приедё; у рыбы перьё, она и плывё нутим пером; на том там поле худой хлеб уродился; ездя ковды по этой, ковды по той там стороны реки). Больше притяжательных местоимений, которые образуются от третьего лица местоимений: *егов, ейный, изний* (а это еговой мальцёнок; ихно-то не пропадёт; я ейну мати видела).

Известно большое количество отместоименных прилагательных наряду с архаическими: *кой, сей, иной* и т. п. (в коем годе жарко-то было, так товды всё сожгло; уж в сей-то год наростут ягоды; ина зима не порато студёна), имеются многочисленные более новые прилагательные с различными суффиксами, например, с суффиксом *-н*: *тамный, вонный, досельный, ничейный* (с тамного бережку церпаните); с суффиксом *-шн*: *ковдышний, тамошний, завсёшной, кудышной* и другие (может, в той жизни, бог знает, в ковдышной это было) с суффиксом *-ов*: *каковой, таковой, сяковой, сиковой* (коноплё на преслá повёсят, всю зиму оно там веснё до лета, до сиковой поры).

Весьма своеобразны и другие местоименные прилагательные: *колькой, сколькой, столькой* (вот уж колькой стакан пью, не знаю, куды и вохóдит), *колькорый, сколькорый* (а жонка-то егбова за колькорых уж выходила?— За третьего уж!), *моевбнный, свойчатый, своётливый* (медвежатка, оне своётливы, прикормить их можно, и гуси своётливы, беда! Покорми раза два, и обживецця около тебя).

Много разнообразных наречий, например, наречий места и времени: *когда, козды, ковада, туда, туды, оттуда и оттудова, покуда и покудова, отсюда и отсюдова, тамотки, докуда, тутотки, оттуль, откуль, докуль, дотуль, отколь, отголь, отсель* и т. п. (Я ковды пороблю, ковды нет; оттуль стал с сиверу дожжык пась; докуль хочет, дотуль и спит; наречия количественные и качественно-усилительные: *толь, коль, туль, куль, столь, сколь* и т. п. (Толь обиднэ, не позвали в гости; Столь высока травина).

В Пинежье еще можно слышать старинные наречия, например, *онбгды, онбгдысь*, имеющие значения 'однажды', 'давно уж', 'когда-то в прошлом' (Двери я красила онбгдысь еще, давно); *овыдень, овыденно* 'за один день', 'за тот же день' (Овыдень не приедешь, почевать надь); *инуды, инде, инбгды, йнако, инобд, инобдь* (Он инбгды порато злой).

Много наречий с усилительным значением; среди них *горазно* (стало горазно лехце), *надикю* (Матенка надикю была жалослива), *дивно* (а жена-то моложе его дивно), *крепко* (крепко больша стала репа-то) и другие.

Своеобразие наречий в пинежских говорах состоит в том, что они обрастают различными частицами: *сь, тко, ко, ча, че, чки, де, деко*, которые приносят значение большей определенности, конкретности (У нас есть озеро, вот тутюка; Ты этак оставайся жить). Иногда в слове встречается сочетание нескольких частиц: *тучочки, потамечки, эточки* и т. д. Такие образования экспрессивны, эмоционально окрашены (Весь-то год я потамечки и жила в вильках).

Пинежские материалы и исследования Г. Я. Симиной подробно знакомят нас с фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями этих говоров. Они являются прекрасным источником для решения различных вопросов истории русского языка и диалектологии.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Ленинград

Рисунок Б. Захарова

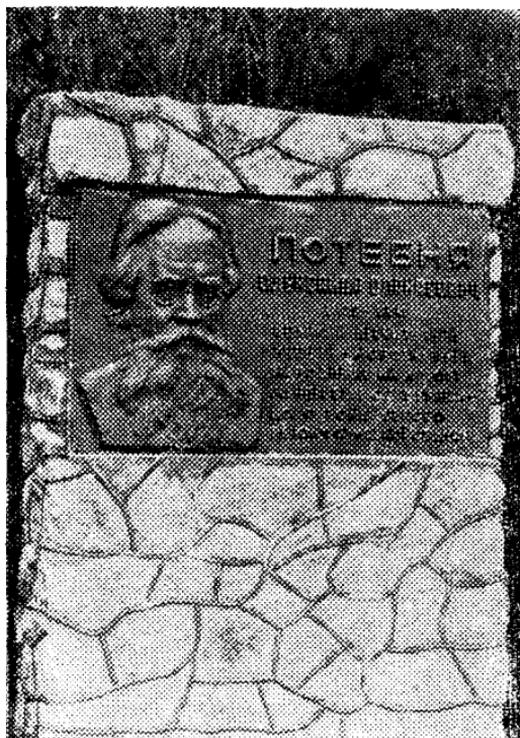
ХРОНИКА

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ А. А. ПОТЕБНИ

Наш автобус переехал мостом через Днепр, и позади остались киевские кручи, а над ними золотые в лучах солнца купола Киево-Печерской лавры. Навстречу нам бежали пригороды с садами, красивыми домами. Просторы Киевской области сменились лесами и полями Черниговщины. А вот

и Сумская область, цель нашей поездки — село Гришино.

Посреди села, на большом школьном дворе собрались колхозники, школьники с букетами цветов, представители партийных, советских органов и педагогическая общественность Роменского района. К ним присоединились и мы — группа

научных сотрудников Института языковедения АН УССР, а также языковеды из Ленинграда, Москвы, Минска, Харькова, Воронежа.

Начался митинг. Представитель Киевского горкома партии А. П. Нелли объявил собравшимся об открытии мемориальной доски и комнаты-музея Александра Афанасьевича Потебни — ученого, филолога с мировым именем, в 1835 году родившегося в этом селе. Идея Института языковедения АН УССР — создать первый в нашей стране музей, посвященный жизни и деятельности этого ученого, оставивше-

го богатое наследие для науки и культуры русского, украинского и белорусского народов, нашла горячий отклик у общественности.

Наступает торжественный момент. Покрывало спадает — и перед нами стела, на бронзовой доске барельеф ученого и надпись:

ПОТЕБНЯ

**Олександр Опанасович
1835—1891**

**Великий втчизняний
учений-мовознавець.
Народився на хуторі
Маневі біля села Гришп-
ного Роменського
району Сумської області.**

Собравшиеся кладут к подножью памятника букеты цветов. Нас приглашают в комнату-музей А. А. Потебни, оформленную художником А. А. Горбоконом. Здесь представлены портреты ученого, его близких, друзей, учителей и учеников. На стендах — фотокопии документов, экземпляры научных трудов Потебни, многие из которых стали библиографической редкостью, книги с дарственными надписями музею ученых — наших современников. Первую экскурсию по музею проводит научный сотрудник Института языковедения АН УССР В. Ю. Франчук. Его энтузиазм и увлеченность жизнью и деятельностью Потебни помогли раскрыть новые неизвестные факты биографии, разыскать и опубликовать неизданные работы Потебни. Затем мы побывали на концерте художественной самодеятельности, слушали прекрасные украинские песни, которыми 100 лет назад заслушивался Потебня, любил, бережно собирал и исследовал их в своих трудах.

Открытие музея явилось завершением важного научного события — состоявшихся в Киеве первых чтений, посвященных памяти Потебни, выдающегося украинского и русского языковеда, основателя Харьковской лингвистической школы, педагога, философа, этнографа, слависта.

А. А. Потебня родился в семье мелкопоместных дворян. По окончании Радомской классической гимназии учился сначала на юридическом, а затем на историко-филологическом факультете Харьковского университета. После защиты в 1861 году магистерской диссертации «О некоторых символах в славянской народной поэзии» вся жизнь и деятельность Потебни связана с Харьковским университетом. Большую роль в формировании и научном становлении ученого сыграли передовые идеи отечественной науки, труды выдающихся русских ученых-языковедов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, В. И. Даля. Разнообразны интересы Потебни. Круг проблем — философский, грамматический, психологический, эстетический, межнациональный, сравнительно-исторический, диалектологический, собственно исторический — отражен в его богатом научном наследии. В золотой фонд науки вошли труды Потебни — «Мысль и язык», четырехтомная монография «Из записок по русской грамматике», «Из лекций по теории словесности», «Эстетика и поэтика», работы по русскому и славянскому ударению, ряд частных исследований, статей, заметок, рецензий.

Первые Потебнианские чтения явились результатом той серьезной и глубокой разработ-

ки трудов Потебни, которая много лет проводится в нашей стране, и в частности на Украине. Во вступительном слове академик И. К. Белодед напомнил, что исследования Потебни по философским вопросам языкознания, лингвопсихологического механизма речи, соотношения понятий языка и речи, по ряду проблем грамматического строя языка, теории художественного слова, фольклору и этнографии и т. д. и сейчас не утратили своего значения, а некоторые его работы еще ждут своего изучения.

Признание важного значения научной деятельности Потебни вызывает большой интерес к его личности. Необычна судьба ученого-филолога, близкого к революционному движению своего времени. В своем докладе В. Ю. Франчук попыталась ответить на вопрос, как

рос и воспитывался человек, признанный его современниками и их потомками гениальным мыслителем. Она поделилась сведениями о новых биографических фактах ученого, рассказала о поиске интересных документов.

В ходе чтений было подчеркнуто, что ценное наследие Потебни должно не только глубоко разрабатываться в научных исследованиях, но и излагаться в курсах филологических факультетов для воспитания учителей-словесников, а также специалистов, работающих в области философии, психологии, эстетики и т. п. Программа чтений в большой степени охватила эти вопросы и наметила пути для дальнейших исследований.

Кандидат филологических наук
С. Е. МОРОЗОВА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● О ПРАВОПИСАНИИ НАЗВАНИЙ ТИПА *МОСКВА-ТОВАРНАЯ*

И. Г. Дмитриев (Наро-Фоминск) спрашивает: «Какое написание является правильным: *Москва-товарная* или *Москва-Товарная*? Не раз замечал в периодической печати разноречивой в оформлении подобных названий».

Среди географических названий, употребляющихся в современном русском языке, особое место занимают топонимы, состоящие из существительного и последующего прилагательного. Например,

Белгород-Днестровский, Рава-Русская, Аксеново-Зиловское, Струги-Красные и т. п. К ним примыкают названия менее крупных географических объектов (микротопонимы): наименования железнодорожных станций и депо типа *Москва-Товарная*, а также некоторых внутригородских объектов. В их правописании наблюдается определенная непоследовательность. В одних случаях второй компонент названия пишется с прописной буквы, в других — со строчной. Например: «Более двухсот железнодорожников депо Москва-Сортировочная уже отработали в счет субботника» («Советская Россия», 15 марта 1977); «Широкое признание получили также опыт... машиниста депо Москва-техническая т. Косарева» («Гудок», 3 декабря 1975); «В депо Рига-Пассажи́рская сотни проводниц уча́тся в вечерних школах молодежи» («Советская Россия», 18 сентября 1977).

Зачастую написание, предложенное одной газетой, противоречит написанию сходного по типу названия в другой газете: *Люблино-Сортировочное* («Вечерняя Москва», 25 марта 1976), но *Одесса-сортировочная* («Гудок», 14 июля 1977) и т. п.

Аналогичный разнобой проявляется в различных изданиях ведомственного характера. Так, например, в справочнике «Алфавитный список станций, открытых для контейнерных операций», изданном транспортным управлением «Мострансэкспедиция» (М., 1968), рядом с написанием *Одесса-товарная* встречаем *Орша Восточная*, рядом с *Луганск-грузовой* — *Магнитогорск Грузовой*.

Какое же из этих написаний следует считать правильным? Ответ на этот вопрос дают «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956). В § 79 (п. 8 «б») сказано, что географические названия, состоящие из существительного и последующего прилагательного, пишутся через дефис. Однако в качестве примера их написания приведен лишь один микротопоним — *Москва-Товарная*.

Регламентируется также употребление прописной буквы в географических названиях, состоящих из двух и более слов (§100). При этом отмечается, что в подобных географических названиях «...с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных слов и родовых названий». Например, мыс *Доброй Надежды*, *Малые Альпы*, *Главный Кавказский хребет* и т. д. Правописание наименований интересующего нас типа иллюстрировано примером — *Новгород-Северский*.

Таким образом, употребление дефиса и написание второго компонента названия с прописной буквы в таких микротопонимах, как *Москва-Товарная*, узаконено «Правилами русской орфографии и пунктуации».

Обоснованность написания географических названий типа *Москва-Товарная* подтверждается также анализом структурно-смысловых отношений, существующих между их частями. Дело в том, что для современного русского языка характерно образование сложных топонимов по модели: прилагательное + существительное. Это так называемый прямой порядок расположения прилагательных в составе географических наименований. Например, *Теплый Стан, Нижние Мневники, Верхняя Масловка* и др. Правила русского языка предусматривают (§ 100) употребление прописной буквы в обеих частях подобных названий, поэтому правописание таких микротопонимов трудностей не вызывает.

Иначе обстоит дело с географическими названиями типа *Москва-Товарная*, которые состоят из существительного и последующего прилагательного. Это топонимы и микротопонимы с так называемым обратным порядком расположения компонентов. Словообразовательная модель существительное + прилагательное указывает на то, что прилагательное употреблено не столько в определительной по отношению к существительному функции, сколько в функции равноправной части названия, подчеркивающей его специфику. Прилагательное при таком расположении компонентов приобретает относительную смысловую самостоятельность и терминологизируется, четко указывая на отличие данного названия от ряда ему подобных (ср. *станция Москва-Товарная* и *товарная станция Москва* и т. п.).

Обратный порядок расположения частей в названиях данного типа орфографически узаконен и закреплён в дефисном написании. Но употребление прописной или строчной буквы во второй части названий, к сожалению, недостаточно четко регламентируется общераспространёнными орфографическими правилами и словарями, что и создаёт определённые трудности в правописании.

Учитывая рассмотренные структурно-смысловые особенности наименований типа *Москва-Товарная*, следует признать, что написание через дефис и употребление прописной буквы в их частях является наиболее оправданным. Это правило было бы целесообразно распространить и на географические названия, состоящие более чем из двух слов и образующиеся по модели существительное + прилагательное + прилагательное. При этом прилагательные в составе подобных топонимов должны обязательно согласовываться с существительным в роде: *Москва-Пассажирская-Курская, Саратов-Товарный-Второй* и т. д.

А. В. Барандеев

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, № 1

Найденов. Отчество от церковного мужского личного имени Найден. Существует мнение, что так называли найденыша, а также внебрачного ребенка. То и другое возможно. Но существовал и суеверный обычай: такое имя давали ребенку, чтобы обмануть «нечистую силу», стремящуюся похитить его. В семье, где дети умирали, даже инсценировали пропажу ребенка: выносили его из избы, а затем возвращались, «найдя» как будто другого. Такого происхождения и фамилии Ненашев, Краденов (отчества от имени Ненаш, Краденый). Очень часты подобные имена у тюркских народов (киргизские: Табалды 'найденный', Таштынды 'подкидыш').

Наровчатов. Первоначально — обозначение прибывшего в г. Наровчат (ныне в Пензенской области).

Нарышкин — старинная русская фамилия (принадлежала боярскому роду, который в Московском государстве XVII в. имел огромную власть). Первоначально — отчество от прозвищного имени Нарышка, об-

разованное суффиксом *-ин* *нарышкин сын*, то есть «сын Нарышки». Имя могло быть связано либо со словом *нарыш-ни*, не раз записанным в XVII веке, например, в 1678 году «в шишаках и в нарышнях со щитами» («Дополнения к Актам историческим», т. VII, с. 279), либо от прилагательного *нарыж* 'рыжеватый' (Картоотека Словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР).

Наседкин. Отчество от прозвища Наседка, которое связано не с общеизвестным словом литературного языка, означающим курицу, высиживающую цыплят, а с диалектным *наседка* 'надоедливый'.

Нахабин — первоначально отчество от прозвища отца: *нахаба* 'наглец, нахал', в украинском языке это слово сохранилось до сих пор; видимо, оно существовало и в древнерусском. От прозвища или фамилии — название села Нахабино (теперь — город в Подмосковье).

Невьянцев. Отчество от именованья отца *невьянец* — по месту, откуда прибыл: с Невьянских заводов на Урале (ны-

не г. Невьянск в Свердловской обл.). Фамилия записана в Мокроусовской и Пятковской волостях Ялуторовск. уезда в Зауралье (Тобольск. архив, ф. 417, связи 196 и 221).

Негодяев. Отчество от нецерковного мужского личного имени Негодяй 'непригодный к чему-либо'; имя не служило ругательством, старинные документы упоминают его как вполне нейтральное или даже почтенное: вдова помещика, дая деревню монастырю, писала в дарственной грамоте «по приказу мужа и господина моего Негодяя...». Имя возникло из суеверия, чтобы обмануть и оттолкнуть «злого духа», охотящегося за хорошим ребенком. Так обычными были имена, воспринимаемые теперь как оскорбительные: *Дурак*, *Некрас*, отчества от которых стали фамилиями *Дураков*, *Некрасов*.

Неделян. Отчество от древнерусского нецерковного мужского личного имени Неделя; *неделя* 'воскресенье, то есть праздничный, нерабочий день'. Имя обозначало ребенка, рожденного в этот день. Таковы и имена *Субота*, *Зима* (отчества от них стали фамилиями *Суботин*, *Зимин*).

Недобитов. Отчество от прозвища *Недобитый*. Одна из десятков фамилий, образованных в форме притяжательных прилагательных (суффиксы *-ов*, *-ин*) от составных отглагольных основ, содержащих приставку *недо-* перед корнем (префикс *до-* и предшествующее ему отрицание *не-*): *Недобоев*, *Недовесов*, *Недогадов*, *Недоглядов*, *Недогонов*, *Недодаев*, *Недожогин*, *Недожоров*, *Недозевин*, *Недозрелов*, *Недоквасов*, *Недокладов*, *Недокукин*, *Недокучаев*, *Недомеров*, *Недомолвин*, *Недоносков*, *Недопекин*, *Недоплюсов*, *Недоростков*, *Не-*

досеев, *Недосейкин*, *Недосекин*, *Недосказов*, *Недоспасов*, *Недо-тыкин*, *Недохлебов*, *Недочетов*! *Недошвин*, — список безусловно далеко не полный, — они собраны впервые. Основы всех их рождены глаголами, выражающими неполноту, недостаточность действия, неся осуждающую оценку неполноценности, иногда иронически «перевернутую» (*недожор* — диалектное 'прожорливый, обжора'). Одни из этих фамилий — отчества от прозвищ в их различных формах, в том числе, обычно ошибочно принимаемые за «нулевые», то есть бессуффиксные, а в действительности «минусовые» (*Недосказ*, как *завод*, *договор*, *отдел*, подробно см. доклад автора «Русское словообразование» на Международном симпозиуме по этимологии и словообразованию. — «Этимология», М., 1969), некоторые, более поздние, могли возникать, минуя ступень прозвищ, непосредственно из глаголов, по готовой, сложившейся модели (*Недовесов*).

Нежданов. Отчество от древнерусского нецерковного мужского имени *Неждан*, то есть ребенок, которого не ждали, синонимично — *Нечай*, антонимично — *Ждан* (от них фамилии *Нечаяев*, *Жданов*).

Некрасов. Отчество от древнерусского нецерковного мужского личного имени *Некрас* — 'некрасивый'. Имя давали из суеверия — с целью обмануть «нечистую силу». Таковы у многих народов имена со значениями 'урод', 'хвост', и т. п., см. также *Негодяев*.

Ненашев. Отчество от нецерковного мужского личного имени *Ненаш* 'чужой', вероятно, того же происхождения, как и *Найден* (см. *Найденев*).

Ненашкин. Отчество от уничижительной формы (с суф-

фиксом *-ка*) из имени Ненаш (см. Ненашев). В 1897 году — Ненашкины в с. Торговое Талызино, Симбирской губернии, ныне Сеченовский р-н Горьковской обл. (Ульяновская обл. арх., ф. 597, № 42).

Непомнящий, Непомнящев, Непомнящих. Фамилии, частые в Зауралье, Сибири, Забайкалье, — из записи в документах «не помявший родства»; беглые с каторги или ссылки, скрывавшие свою фамилию.

Нестеров. Отчество от канонических мужских личных имен Нестер, Нестор и Несторий.

Нефёдов. Отчество от просторечной русской формы Нефёд из канонического мужского имени Мефодий (из древнегреч. 'ищущий'). Но не вполне исключена возможность образования из другого канонического мужского имени Неофит (древнегреческое 'новообращенный, недавний христиан'), но оно у русских было очень редким; в с. Грязновке Елифан. уезда Тульской губернии, 1900 г. жили Неофидовы (Тул. обл. арх., ф. 4, оп. 2, № 999—1000). Наличие фамилий Нефедьев поддерживает происхождение из имени Мефодий.

Нефёдкин. Отчество от прически-ласкательной формы Нефёdochка из Нефёд (см. Нефедов). Фамилия записана в Хвастовичском р-не на юго-востоке Калужской обл., — это центр наибольшего сгущения фамилий на *-очкин, -ичкин* (Климочкин, Степочкин, Пяточкин, Васичкин, Гришечкин и многие другие), все с ударением только на основе. Они охватывают в этом районе почти 2% всего населения. Скопление фамилий этой формы характерно для Верхнего Потоля — смежные районы Ка-

лужской, Тульской и Орловской областей.

Нечаев. Отчество от древнерусского нецерковного мужского личного имени Нечай — того же значения, как и Неждан (см. Нежданов).

Нижегородцев. Отчество от именованья *нижегородец* — по месту, откуда прибыл — из г. Нижний Новгород (старое название города Горький).

Нистратов. Отчество от просторечной русской формы Нистрат из канонических мужских личных имен Евстратий и Каллистрат, через промежуточную форму Листрат. Крестьяне Нистратовы — в с. Красные Буйцы Епифанского уезда Тульской губ., 1900 г. (Тул. обл. арх., ф. 4, оп. 2, № 1018).

Новиков. Отчество от именованья отца Новик из *новик* 'новый житель; пришедший со стороны'.

Новодерёжкин. Отчество от именованья отца в уничижительной форме (с суффиксом *-ка*). Новодеревка из *новый* и *одерень* 'попавший в кабалу, закрепощенный бессрочно'. На каком этапе возникло ж — остается выяснять будущим исследователям.

Новожилов. Отчество от именованья отца Новожил; *новожил* 'недавно приписанный к общине, новоприбывший', антоним к слову литературного языка *старожил*.

Новокшинов. Отчество от именованья отца *новокшон* — упрощение из *новокрещен* через промежуточную форму *новокшон*. Во времена крещения народов Поволжья и Сибири новокрещенам давали налоговые и другие льготы, этот приметный признак, выделяя их из среды крестьянства, послужил причиной именованья.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ РЕЧЬ»

Много друзей у журнала. Читательские письма поступают со всех концов нашей страны и из-за рубежа. В редакцию обращаются рабочие и колхозники, учителя, врачи, инженеры; люди пенсионного возраста, студенты, школьники.

Читательская почта показывает, что не только ученые-языковеды собирают по крупицам все, что связано с русской культурой, с русским языком. Во многих письмах содержатся дополнительные, уточняющие сведения к уже опубликованным материалам. Так, например, В. Т. Шкляр (г. Борисоглебск Воронежской обл.), откликаясь на статью В. Н. Сергеева «Бедному жениться и ночь коротка» (1977, № 2), называет сборник, в котором эта поговорка употреблена впервые, рассказывает о ее вариантах; А. П. Переседов (г. Урюпинск Волгоградской обл.) приводит дополнительные данные к материалу А. А. Ярославцева «Взялся за гуж, не говори, что не дюж» (1977, № 1).

Л. А. Кондратова (Москва), Л. С. Комиссаров (Курск), Е. М. Цапков (Верея) и другие читатели отмечают статьи, посвященные 60-летию Советской власти: К. М. Мусаева «Языковое строительство в СССР» (1977,

№ 5), С. И. Виноградова «Съезд» (1977, № 5), В. В. Одинцова «Язык первых декретов» (1977, № 6). Л. А. Кондратова пишет: «С большим интересом прочитала статью „Съезд“. Хотелось бы, чтобы на страницах журнала было рассказано и о другом важном для советского человека слове — о слове *конституция*».

А вот письмо из итальянского города Савона: «Уважаемые советские друзья! Я преподаватель русского языка с далекого 1954 года. Кроме того, я работаю постоянно в справочном бюро моего города. Почти каждый день обращаются ко мне советские моряки, так как у меня большая практика в разговорной речи. Уже семь лет получаю Ваш замечательный журнал и у меня есть коллекция (с 1973 года) всех номеров в переплете, потому что я очень люблю читать и перечитывать его. Мне очень понравилось письмо Г. Ф. Добровольского из Москвы, которое я прочитал в первом номере журнала за 1977 год. Шлю всем Вам мой большой дружеский привет из солнечной Лигурийской Ривьеры. Ваш итальянский читатель Марко Скиезаро».

В журнал поступают и письма, содержащие критические замечания и предложения. Г. В. Савченко (Улан-Удэ) пишет: «Я первый год выписываю ваш журнал и поэтому хочу высказать свои „свежие“ впечатления. По моему мнению, журнал больше научный, чем популярный. Приведу пример, чтобы не быть голословной: статья „Сосредоточивать и сосредотачивать“ (№ 1, 1977). Чтобы выяснить такой маленький вопрос, нужно прочитать четыре страницы, хотя прямой ответ можно найти в предпоследнем абзаце статьи. Также чересчур большими мне кажутся статьи первого номера: „Принять участие — участвовать“, „Леонидов о речи актера“ и др. В наш век, перенасыщенный информацией, когда времени ни на что не хватает, хочется находить ответы на вопросы быстро и точно... Мне кажется, что многие читатели с удовольствием бы изучали уроки русского языка, если бы вы начали вести их, ведь это, мне кажется, главная задача журнала». В. С. Дюсов (с. Михайловка Белгородской обл.) предлагает публиковать на страницах журнала небольшие уроки древнерусского языка, «чтобы и простые смертные могли читать „письма Гостяты к Василию“ и т. п.»

В. С. Бирюков (г. Подольск Московской обл.) считает, что в журнале мало освещается язык фольклора: «С ин-

тересом встретил в № 4 подрубрику *язык фольклора*, а помещенную на страницах журнала русскую народную сказку „Кочет и курица” прочитал своему внуку. К сожалению, ни в № 5, ни в № 6 „фольклорных материалов” я не встретил. А надо бы их включать в номера журнала почаще». «Я ваш постоянный подписчик. Мне очень хотелось бы видеть на страницах журнала что-то вроде толкового словаря новых слов. Ведь новые слова появляются так часто. Я думаю, многие читатели затрудняются определить их значение», — пишет М. Я. Сергеев (с. Селки Липецкой обл.).

Редакция не предполагает публиковать в журнале уроки русского языка и древнерусского. Ведь перед журналом стоят не научно-методические задачи, а популяризаторские: пробудить в читателе интерес к русскому языку и повысить уровень его знаний. Литературу по современному русскому языку найти нетрудно. Тем, кто интересуется древнерусским языком, рекомендуем книги: И. С. Улуханов «О языке Древней Руси» (М., 1972); В. В. Колесов. «История русского языка в рассказах» (М., 1976). Предложения В. С. Бирюкова и М. Я. Сергеева несомненно заслуживают внимания. Редакция обязательно их рассмотрит. Читательские замечания и предложения приносят большую пользу журналу. Они помогают редакции подходить более критически к публикуемым материалам, подсказывают новые темы.

Многие читатели затрагивают в своих письмах вопросы, связанные с культурой речи. А. В. Чичерин (Львов) пишет: «Часто приходится слышать: „в театре я практически не бываю”, „практически я не успеваю до этого дела добраться” и т. п. Не лучше было бы сказать: „в театре я не бываю” или „...бываю очень редко”». Употребленные без надобности слова *практически*, *так сказать*, *вообще-то* и другие засоряют нашу речь, мешают точному, четкому выражению мысли. Москвич Л. А. Поляк указывает на неправильное употребление слов: «...многие покупатели и продавцы говорят *завесить* вместо *взвесить*, как будто они собираются завешивать окно». Действительно, довольно часто приходится слышать *завесить* вместо *взвесить*. Глагол *завесить* употребляется в литературном языке только в значении ‘закрыть занавеской’. Ленинградец К. П. Новиков пишет: «Как раковая опухоль, поражает наш язык нецензурная брань. Это опаснее ошибок в произношении, косноязычия и т. п.». «Некоторые счита-

ют, — отмечает москвич В. В. Чуприянов, — употребление нецензурных слов и выражений „признаком душевной силы” (цитирую буквально одного из «виртуозов»)). Таким «виртуозам» наш читатель дает следующую оценку: «Грязные слова срываются только с грязного языка». Действительно, словесная грязь несовместима с «душевной силой». Духовное убожество, бескультурье, отсутствие уважения к себе и окружающим, — вот та почва, на которой произрастает и цветет этот языковой сорняк.

Основную часть читательской корреспонденции составляют письма, содержащие вопросы по произношению, словоупотреблению, грамматике. Рассмотрим некоторые из них.

Читательница В. И. Васильева (Краснодар) спрашивает: «Часто приходится слышать *подвижной ребенок* и *подвйжный ребенок*. Какое произношение является правильным?». Различие в ударении в интересующих читательницу словах связано с их разным значением. *Подвижной* означает «могущий передвигаться, передвигающийся, связанный с передвижением (*подвижной состав, подвижные игры*)»; *подвйжный* — «легкий в движениях (*подвйжный человек, подвижное животное*)». Следует говорить и писать *подвйжный ребенок*.

В. П. Грачев (Москва) пишет: «В последнее время все чаще в разговорной речи и в печати стало употребляться словосочетание *гармоничное развитие*. Вместе с тем, в ряде случаев это словосочетание звучит в такой интерпретации: *гармоническое развитие*. Есть ли разница между этими двумя словосочетаниями... в каких случаях следует применять одно, а в каких другое?». Слова *гармоничный* и *гармонический* совпадают в значениях. В толковых словарях они объясняются так: 1. Благозвучный, стройный. 2. Исполненный гармонии (согласованности, слаженности, взаимного соответствия разных качеств предметов, явлений, частей целого). Однако следует писать и говорить *гармоничное развитие*, так как слово *гармонический* употребляется преимущественно как термин (*гармонические колебания, гармонический ряд*).

«Разъясните, пожалуйста, — пишет М. А. Грязнова (Липецк), — как правильно сказать: *возьмите поднос* (на который ставят тарелки с обедом) или *возьмите разнос*. В нашем «Кафе» обедают в основном люди с высшим образованием. Одни употребляют слово *поднос*, другие — *разнос*. А как правильно?». Слово *разнос* в значении «дос-

ка или металлический лист с загнутыми краями для переноски посуды, для подачи еды на стол' является просторечным. В литературном языке *разнос* имеет только такие значения: 1. Действие по значению глагола *разносить* (разнос писем); 2. Строгое внушение, резкая критика (разг.); 3. Превышение расчетного числа оборотов вращательных частей машины, ведущее к разрушению этих частей (спец.); 4. Широкая и неглубокая горная выработка (спец.). Поэтому правильным будет сказать: *возьмите поднос*.

И. М. Васильева (Хабаровск) спрашивает: «Зачем вместо слова *путешествие* употребляется нерусское слово *круиз*?». С подобным же вопросом обращается в редакцию Г. К. Яроцкий (Жданов): «Приобрело ли слово *хобби* право «гражданства»?.. Ведь есть в нашем языке красивое слово *увлечение*». Слова *круиз* и *хобби* появились в нашем языке в 60-е годы. Сейчас они довольно часто используются на страницах газет и журналов, в разговорной речи. Следует ли смотреть на это отрицательно? Думается, что нет.

Вхождение в наш язык иностранных слов — закономерный процесс, свойственный вообще языкам. Он обусловлен появлением в общественных отношениях, производственной деятельности, науке и культуре, быте людей новых явлений или развитием старых. Слово *круиз* обозначает путешествие по воде (обычно морское). *Путешествие* представлено в толковых словарях в значении 'поездка или передвижение пешком по дальним странам, местностям'. В заимствованном слове налицо определенная конкретизация. Попробуем теперь сравнить значения слов *хобби* и *увлечение*. *Хобби* в словаре английского языка объясняется так: 'излюбленный предмет или занятие, не составляющее основной профессии'; *увлечение* в Словаре С. И. Ожегова приведено с такими значениями: «1. Одушевленность, восторженность. *Говорить с увлечением*. 2. чем. Сильный, большой интерес к чему-н. *У. футболом*. 3. кем. Расположение к кому-н., влюбленность. *У. перешло в прочную привязанность*». Как видим, *хобби* и *увлечение* — это не одно и то же. Слова *круиз* и *хобби* включены в орфографические словари.

В. Л. Иванов из Ростова-на-Дону пишет: «Мой сын работает в г. Тольятти на крупнейшем в Европе заводском комплексе — на ВАЗе. Как правильно мне его называть: *тольяттчанин*, *тольяттиец*, *тольяттинец*? В словарях гео-

графических терминов рекомендаций на этот счет я не встретил». Названием жителей городов Набережные Челны, Советская Гавань интересуются читатели А. В. Серова (Киев), В. М. Брауде (Самарканд). Следует говорить и писать *тольяттинцы*, жителей городов Набережные Челны и Советская Гавань называют *челнинцы*, *совгаванцы*. Наименования людей по месту их жительства представлены в специальных словарях: в «Словаре названий жителей (РСФСР)» (М., 1964) и в «Словаре названий жителей СССР» (М., 1975).

По поручению коллектива машинисток в редакцию обратилась В. Б. Жукова (Феодосия): «Сообщите, пожалуйста, как правильно: *проект согласован с министерством* или *проект согласован министерством*? Спорим на производстве, помогите». На этот вопрос ответ очень краткий: глагол *согласовать* всегда употребляется с предложением *с* (*согласовать с кем-чем-либо*).

«Прошу Вас,— пишет тов. Дусматов (Ташкент),— помочь мне — как правильно писать: *согласно акта экспертизы* или *согласно акту экспертизы*, *согласно положения* или *согласно положению*?». Вопросы выбора надежной формы в подобных словосочетаниях волнуют и В. С. Малышеву (Таганрог), С. В. Черненко (Вологда). В настоящее время вместо ранее употреблявшихся в официально-деловом стиле конструкций типа *согласно акта*, *согласно положения* (управляемое существительное в родительном падеже) используются конструкции с формой дательного падежа (*согласно акту*, *согласно положению*).

Читатели Н. М. Гоглачева (Новосибирск), В. А. Сатаров (г. Новоаннинский Волгоградской обл.), Н. В. Эвергетова (Омск), М. А. Бобыкин (г. Балахна Горьковской обл.), Е. В. Шарафан (Краснодар), Т. Г. Табейкина (г. Маленки Владимирской обл.) и другие обращаются с просьбой рассказать на страницах журнала о происхождении своей фамилии, фамилий родных и знакомых. Многие адресуют свои письма автору систематически публикуемых в «Русской речи» материалов «Из словаря русских фамилий» В. А. Никонову. В одном из ближайших номеров журнала В. А. Никонов ответит на вопросы читателей.

Н. Н. Порядина (г. Пушкин Ленинградской обл.), В. Я. Смеляков (Ярославль) и другие интересуются происхождением имен Нина, Инна, Ольга, Владимир, Денис. Рекомендуем литературу: Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен (М., 1966); А. Угрюмов. Русские имена

(Вологда, 1962); Л. В. Успенский. Ты и твое имя. Имя дома твоего (Л., 1972); Е. Н. Поляков. Из истории русских имен и фамилий (М., 1975).

Среди читательских писем немало таких, в которых содержатся просьбы помочь купить отдельные номера «Русской речи», словари, книги. С просьбами о приобретении номеров журнала следует обращаться в Центральную контору «Академкнига» (103624 Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10). Словари и книги пужно заказывать в ближайших магазинах «Книга — почтой». Адреса их можно найти в 12 номере газеты «Книжное обозрение» за 1977 год (25 марта).

В 1978 году по просьбе читателей Л. А. Кондратовой (Москва), Г. М. Семина (Тбилиси), Р. Р. Свицерского (Москва), Н. Г. Самохиной (Уфа), С. П. Юнусова (Казань), В. Б. Жуковой (Феодосия), В. В. Яшина (г. Одинцово Московской обл.) и других в журнале будут помещены статьи: «Конституция», «Фестиваль», «Хамовники», «Организует — организывает», «Коммуникабельный», «Опытно-экспериментальный», «Комар носу не подточит». Редакция планирует опубликовать статьи, рассказывающие о языке и стиле Л. Н. Толстого, 150-летний юбилей которого будет отмечаться в сентябре. На страницах «Русской речи» будут рассмотрены языковые особенности произведений Максима Горького, Сергея Есенина, Александра Грина, а также современных писателей и поэтов.

В редакцию продолжают поступать письма-отклики на опубликованную в 1977 году в третьем номере журнала Анкету. В них, кроме слов благодарности, — и доброжелательная критика, и интересные предложения. Так, например, читатели Т. Жлобцкая (Дзержинск), И. С. Ильин (с. Знаменка Тамбовской обл.) и другие отмечают, что в журнале мало рассказывается о языке современных поэтов. Л. В. Рожнова (Ашхабад) пишет: «Я сама филолог, особенно интересуюсь вопросами заимствованной лексики: пути освоения, отношение к иноязычным словам и т. д. Мне кажется, эти проблемы мало затрагиваются на страницах журнала». К. Фатеев (Ставрополь), М. Я. Попов (Загорск) считают, что журнал должен активнее бороться за чистоту русского языка. «Мне бы хотелось, — пишет Е. И. Евсева (Ленинград), — чтобы Вы увеличили объем журнала на 2 — 3 странички, на которых печатали бы стихи, афоризмы и высказывания выдающихся людей, посвященные языку».

Дорогие читатели! Благодарим Вас за внимание к журналу. Ваши замечания, предложения, вопросы и пожелания изучаются. Все ценное редакция постарается учесть и использовать в работе. Ждем от Вас новых писем.

Обзор писем читателей подготовил В. В. Касаркин

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯМ

ПРИТИНЫ И МАХАЛЫ В ПЕТЕРГОФЕ

В архивных делах иногда встречаются документы, содержащие вышедшие из употребления слова. Примеров этому можно привести предостаточно. Расшифровка таких забытых терминов иногда вскрывает довольно интересные факты из прошлого. Рассмотрим один из исторических документов.

Из всех пригородов Ленинграда наибольшей популярностью пользуются парки Петродворца (бывший Петергоф — летняя резиденция русских императоров). Главным их украшением являются фонтаны.

1 августа 1807 года фонтанный мастер Федор Стрельников подал в Петергофское дворцовое правление рапорт, в котором говорилось, что с 1 июля по 1 августа «в смотреении моем во время высочайшего присутствия у мытья бассейнов и у разных работ, а также у стояния по притинам на махалах, в помощь к казенным мастеравым было наемных месячных людей семь человек и поденных шесть человек».

Из донесения можно заключить, что в летнее время мастер не мог обслуживать фонтаны с помощью постоянного штата и ему приходилось привлекать дополнительную рабочую силу. Но что такое *притина* и *махало*?

В современных словарях русского языка таких слов нет. Между тем, в прошлом *притина* (*притин*) и *махало* (*махала*) широко употреблялись в общении и на письме. «Словарь Акаде-

мии Российской, по азбучному порядку расположенный», изданный в начале XIX века, объясняет, что *притина* означает 'место, где один или несколько человек стоят на часах', а *махальный* — 'у солдат называется особливой вестовой, который в пужных случаях подает знаки фрунтовому караульному'. Данные слова приведены и в Словаре В. И. Даля: *притин* — 'место, к чему что приурочено, привязано; предел движенья или точка стоянья чего' ...*Далеко журавль отлетает, а и ему есть притин; махальный* — 'сторож или вестовой, выставляемый от караула, чтобы издали дать знать часовому о приближении начальника, для которого должно вызвать караул' (статья *махать*).

В XIX веке игра фонтанов в петергофских садах устраивалась лишь для высокопоставленных особ. Один или несколько фонтанов включались по мере приближения гостей, о чем предупреждали стоявшие на определенных местах сигнальщики. После ухода посетителей сада фонтаны выключались.

До отмены крепостного права все мастерские дворцового правления были разбиты на команды. Жизнь их была строго регламентирована и мало чем отличалась от солдатской службы. Они носили установленную форму одежды, ежедневно перед работой являлись на развод.

Поэтому, видимо, в их лексиконе и бытовала военная терминология.

В. Е. Ардикуца
Ленинград

НА «ОБИДНОМ» МЕСТЕ

Которск или Которско, как называют ее местные жители, — небольшая деревня десятка в два дворов в Плюсском районе Псковской области. Кругом — красивые места, древние курганы, в пяти километрах на восток — озеро Песно и Любенск — место, где жил Римский-Корсаков.

Слово *котора* в древней Руси означало 'спор, ссора'. В деревне рассказывают причисляющую ее названию легенду. Якобы давным-давно в эти лесные места пришли люди. Вырубили лес, поставили избы и задумались: как назвать селение. Каждый предлагал свое, никто не

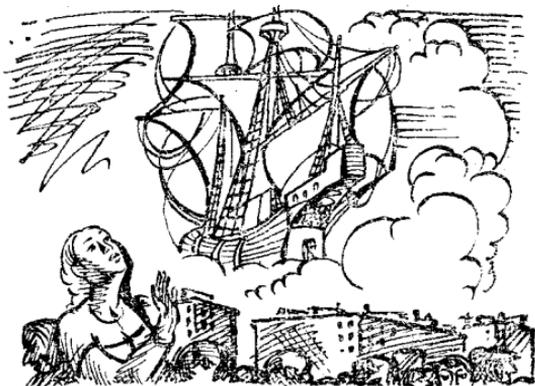
хотел уступить. Вцепились мужики друг другу в бороды. Отдышавшись же после потасовки *которы*, порешили назвать деревню Которско.

По-видимому, название действительно связано со словом *кото-ра*. Однако легенда остается легендой. Скорей всего, *кото-рско* — спорное, «обидное», как говорили в старину, место. Может быть, спор за земли вели соседние селения, а может и Господин Великий Новгород бился когда-то за этот край с соседними племенами.

С. Е. Мельников
Псков

АЛЫЕ ПАРУСА

В 1923 году отдельной книгой вышла в свет повесть А. Грина «Алые паруса». Символом мечты и красоты жизни выступает в повести корабль под алыми парусами. Вот размышления Лонгрена, который не хочет

разрушать веру Ассоль в чудо: «Вырастет, забудет,— подумал он,— а пока... не стоит отнимать у тебя *такую* игрушку. Много ведь придется в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов; издали — нарядных и белых, вблизи — рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего — шутка!.. А насчет алых парусов думай, как я: будут тебе алые паруса».

Выражение *алые паруса* стало активно употребляться в языке лишь в последнее десятилетие. Это обусловлено тем, что творчество А. Грина долгое время находилось в забвении. Начиная с 40—50-х годов, растет интерес к произведениям писателя. В 1942 году в ГАБТ (на сцене Куйбышевского Дома культуры) балетмейстеры А. Радунский, Н. Попко, Л. Поспехин осуществляют постановку балета «Алые паруса». В 1961 году выходит на экраны художественный фильм «Алые паруса», поставленный режиссером А. Птушко. Массовым тиражом издаются произведения А. Грина. С конца 50-х годов алые паруса стали символом традиционного праздника выпускников школ Ленинграда. В сентябре 1963 года в газете «Комсомольская правда» появляется раздел для юношества «Алый парус».

Все это создало предпосылки для возникновения нового фразеологического оборота. Сочетание *алые паруса* довольно часто встречается в периодической печати, используется и в художественной литературе: «У каждого в жизни... есть Алые Паруса» («Комсомольская правда», 2 ноября 1972); «А я в своем представлении — человек до конца непонятный самому себе, влюбленный в море, твердо верящий в алые паруса, но неспособный постоять за себя в классе» («Комсомольская правда», 22 марта 1975); «Время ведет все круче, точно Суворов Альпами. Мчимся, ломая тучи, за парусами алыми» (Р. Казакова. Хочется восхождения...).

Как пишет языковед А. М. Бабкин в книге «Русская фразеология, ее развитие и источники» (Л., 1970): «Писатель создает такие речевые обороты и смысловые формулы, которые свободно выхватываются из текста его стихов или прозы и начинают жить в языке народа рядом с пословицами, поговорками и подобными им устойчивыми сочетаниями слов, представляя собой выразительное богатство национального языка и пополняя его идиоматический запас». Эти слова можно полностью отнести к Александру Грину. Индивидуальный символ *алые паруса* превратился в общеязыковую единицу.

Л. Е. Кругликова

Сыктывкар

Рисунки В. Комарова

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответ. См.: с. 62—63

1. *Море* — в пересечении прямого и переносного значений, с преобладанием одного из них, усиленного контекстом, — один из распространенных образов в языке произведений Льва Толстого. «Море» как обозначение «безгранично большого количества чего-нибудь» (добродушия и веселости; добродушия; кисей, лент, перьев, зонтиков и цветов; враждебности и насмешки) усилено в сем контекстом, пронически выдержанным в одном эмоциональном ключе: «...неприятные известия потонули в том море добродушия и веселости, которые... усилились Карлсбадскими водами»; «...море добродушия, которое выливалось из берегов в душе Степана Аркадьича»; перед «морем кисей, лент, перьев, зонтиков и цветов» мы уже видели «волны толпы» и были подготовлены, были втянуты в «образную систему» рассказчика. Графиня Лидия Ивановна была для Каренина единственным прибежищем («островком») во враждебном окружении («среди моря враждебности и насмешки»).

В повести «Смерть Ивана Ильича» изобразительность слова-образа *море* обусловлена не только уподоблением «редких перио-

дов влюбленности» *«островкам»* (кстати, это уподобление подчеркивается контекстом), «...на которые они приставали на время, но потом опять пускались в море вражды»..., но и углубляется значением меры, которое традиционно имеет это слово.

Таким образом, традиционно-поэтическое уподобление жизни «житейскому морю» в совокупности с дополнительным оттенком «меры» — «неопределенно-большое количество» — «море вражды», как «море огней», «море слез», — получает особенную выразительность в художественном контексте.

II. Образное слово в контексте произведений Льва Толстого обыкновенно имеет корни в общеупотребительном слове-образе. Усиление изобразительности достигается разными путями, мы рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд, пути, определяющие основное направление развития образности, «зрелищности» слова. *Снять* // *надеть* антопмически соотносятся в значении — «раздеваясь или раздевая кого-нибудь, удалить какую-либо одежду, принадлежность туалета», — снять пальто, серьги. *Надеть* — антоним к *снять*... В контексте повести «Смерть Ивана Ильича» *снять* в сочетании с *надел* (о выражении лица), да еще при сопоставительном обороте «как человек, с утра надевший фрак...», обнаруживает неожиданные изобразительные возможности. В воображении читателя возникает широкий круг ассоциаций (в том числе — личина, маска, лицемерие, фиглярство и т. п.). Слово начинает жить в новом эмоционально-экспрессивном качестве. Как это обычно для Толстого, слово *снять* в этом же, новом, значении появляется ниже, уже без сопроводительного пояснения: «Как доктор выработал себе отношение к больным, которое он не мог уже снять, так она (жена больного. — Л. Е.) выработала одно отношение к нему... и не могла уже снять этого отношения к нему» (Смерть Ивана Ильича).

III. 1. Мы можем говорить о наличии семантических комплексов в контексте произведений Толстого, понимая под «семантическим комплексом» целую образную систему четко ограниченного (сравнительно небольшого по объему) текста, в центре которой лежит начальный образ, распространенный и семантически конкретизированный во второй части текста. Например: «Разговор между обедавшими... не умолкал, где скользля, где цепляясь и задевая кого-нибудь за живое. Один раз Дарья Александровна была задета за живое и так разгорячилась, что даже покраснела... продолжал Вронский, очевидно, почему-то затронутый за живое этим разговором...» — перед нами разветвленная образная система, охватывающая замкнутый текст.

2. Система изобразительности всего приведенного текста четко укладывается в рамки, обусловленные развитием образа, определенного метафорическим значением имени существительного

го «кристаллизация». В самом деле: «...как бы кристаллизация общества, определяющая каждому его члену определенное и неизменное место. Как определенно и неизменно частица воды на холоде получает известную форму снежного кристалла//Щербацкие «...кристаллизовались в свое определенное и предназначенное им место». Вся эта трехчастная структура объединена одним разветвленным образом.

«Семантический комплекс» может объединять сравнительно небольшой по объему текст, например: «...сами дети выплачивали ей уже теперь мелкими радостями за ее горести. Радости эти были так мелки, что они незаметны были, как золото в песке, и в дурные минуты она видела одни горести, один песок; но были и хорошие минуты, когда она видела одни радости, одно золото». Система образности, заданная в начале текста: «...дети выплачивали ей... мелкими радостями» продолжена и развита в последующем тексте: «Радости эти были так мелки, как золото в песке, ...одни горести, один песок... одни радости, одно золото».

*Практикум по стилистике подготовила
Л. И. Еремина*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ, Г. П. БЕРДНИКОВ,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН, О. А. ХАМИЦАЕВА

Главный редактор *В. В. Иванов*
Ответственный секретарь *Н. А. Ревенская*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/ХII-1977 г. Подписано к печати 16/II-1978 г. Т-04029
Тираж 80000 экв. Формат бумаги 84×108^{1/32} Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 2,5
Уч.-изд. л. 9,3 Заказ 3156

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10